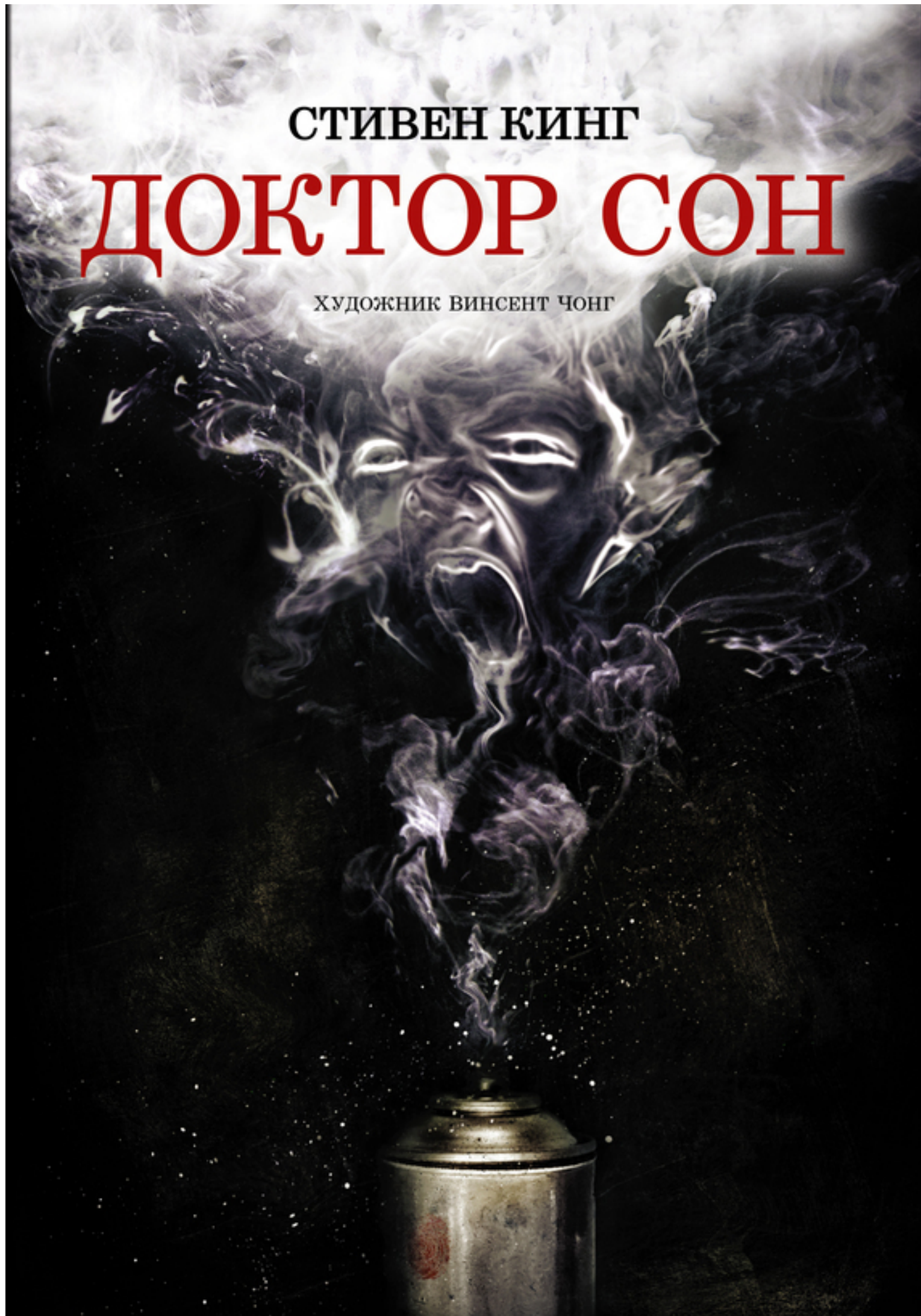

СТИВЕН КИНГ

ДОКТОР СОН

ХУДОЖНИК ВИНСЕНТ ЧОНГ

Дэнни Торранс

Стивен Кинг

Доктор Сон

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)

Кинг С.

Доктор Сон / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2013 — (Дэнни Торранс)

ISBN 978-5-17-094700-3

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор не расстался со своим необычным даром. Способность «сиять» снова и снова напоминает ему о трагедии, пережитой в детстве. На плаву Дэнни поддерживает только работа в хосписе. Благодаря своим способностям он облегчает пациентам переход в другой мир. Но однажды он встречает девочку, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. Ей угрожает смертельная опасность. На нее объявлена настоящая охота. И Дэн Торранс – единственный, кто может ее спасти.

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7 Сое)

ISBN 978-5-17-094700-3

© Кинг С., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Предварительные вопросы	6
Сейф	6
Гремучая змея	18
Мама	27
Часть первая	37
Глава 1	37
Глава 2	58
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Стивен Кинг

Доктор Сон

Copyright © Stephen King, 1996

© Vincent Chong

© Константин Молчанов, художественное оформление

© И. Л. Моничев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Когда я играл, пусть и на достаточно примитивном уровне, на ритм-гитаре в группе под названием «Рок боттом римейндерз», Уоррен Зивон часто работал с нами. Уоррен любил серые футболки и фильмы вроде «Королевства пауков». Он настаивал, чтобы именно я солировал в его хите «Лондонские оборотни», которым мы всегда завершали наше шоу. Я отнекивался, говорил, что мне это не потянуть, но он упорствовал. «Потянешь, – говорил мне Уоррен. – Держись самых простых аккордов и завывай поискреннее. Но самое главное – *играй, как Кит*».

Мне никогда было не научиться играть, как Кит Ричардс, но я старался, а если рядом был Уоррен, подпевавший мне нота в ноту и смеявшийся до потери пульса, я неожиданно чувствовал вдохновение.

Уоррен! Этот вой – для тебя, где бы ты сейчас ни был. Мне очень не хватает тебя, дружище.

*Мы достигли критической точки. Полумеры ни к чему не привели.
Из «Большой книги общества “Анонимные алкоголики”»*

*Если мы хотели остаться в живых, нам необходимо было
избавиться от гнева. [Эта] сомнительная роскошь доступна только
нормальным мужчинам и женщинам.
Из «Большой книги общества “Анонимные алкоголики”»*

Предварительные вопросы

*Если СТРАШНО, клади на все и сматывайся.
Старая поговорка анонимных алкоголиков*

Сейф

1

Во второй день декабря того года, когда в Белом доме заправлял «арахисовый фермер» из штата Джорджия¹, один из лучших курортных отелей в штате Колорадо сгорел дотла. «Оверлук» не подлежал восстановлению. После расследования главный пожарный инспектор округа Хикарилья пришел к выводу, что причиной несчастья послужила неисправность отопительного котла. Когда произошла катастрофа, отель был закрыт на зиму и на месте происшествия находились только четыре человека. Трое выжили. Зимний смотритель отеля Джек Торранс погиб во время безуспешной (хотя, безусловно, героической) попытки сбросить в котле давление, которое достигло чрезмерной величины по причине дефекта в предохранительном клапане.

В живых остались жена смотрителя и их малолетний сын. Третьим свидетелем оказался шеф-повар «Оверлука» Ричард Холлоран, который временно оставил свою сезонную работу в штате Флорида и вернулся, чтобы проведать Торрансов, поскольку, по его собственным словам, имел «веские основания» подозревать, что у семьи возникли проблемы. Оба выживших взрослых при взрыве были серьезно травмированы. Ребенок не пострадал.

По крайней мере физически.

2

Уэнди Торранс и ее сын получили денежную компенсацию от корпорации, которой принадлежал «Оверлук». Не бог весть какую, но достаточную, чтобы продержаться три года, пока травма позвоночника не позволяла Уэнди работать. Адвокат, с которым она консультировалась, уверял, что при желании это дело можно было раздуть, поставить жесткие условия и, вероятно, получить значительно более солидную сумму. Но она, как и сама корпорация, больше всего хотела как можно скорее забыть о страшных событиях той зимы в Колорадо. Она поправится, заявила Уэнди, и так и произошло, хотя боли в спине продолжали мучить ее до самой смерти. Изувеченные позвонки и сломанные ребра срастаются, но продолжают напоминать о себе.

Уиннифред и Дэниел Торранс некоторое время жили на среднем юге, а потом перебрались в Тампу. Иногда Дик Холлоран (тот самый, у которого ни с того ни с сего возникли «веские основания» для подозрений) приезжал навестить их из Ки-Уэста. Главным образом он стремился повидаться с Дэнни. Между ними установилась некая прочная связь.

Однажды рано утром в марте 1981 года Уэнди сама позвонила Дику и попросила срочно приехать. Дэнни, сообщила она, разбудил ее среди ночи и попросил ни в коем случае не заходить в ванную.

После чего вообще отказался разговаривать.

¹ Имеется в виду Джеймс Картер, 39-й президент США (с 1977 по 1981 гг.) – *Здесь и далее примеч. пер.*

3

Он проснулся, потому что ему захотелось по-маленькому. На улице поднялся сильный ветер. Теплый ветер – во Флориде не бывало других, – но ему не нравился его шум и, как он предполагал, уже никогда не понравится. Шум ветра напоминал об «Оверлуке», где неисправный бойлер оказался наименьшей из грозивших им опасностей.

Они с матерью жили в тесной съемной квартирке на третьем этаже. Дэнни вышел из своей крохотной спальни, расположенной рядом с маминной комнатой, и пересек коридор. Ветер свирепствовал и стучал листьями засыхающей пальмы, росшей рядом с домом. Словно гремел костями скелета. Они всегда оставляли дверь ванной открытой, если только кто-то не пользовался душем или туалетом, потому что замок в ней был сломан. Но этой ночью дверь оказалась закрыта, хотя мамы там не было. Из-за повреждений лица и горла, полученных в «Оверлуке», она начала храпеть, и сейчас он мог слышать негромкое повторяющееся *ухр-ухр-ухр*, доносившееся из ее спальни.

Что ж, наверное, она случайно закрыла дверь, только и всего.

Впрочем, он сразу понял, что это не так (Дэнни и сам обладал обостренным чувством предвидения и интуицией), но бывают случаи, когда необходимо во всем убедиться самому. Порой нужно пойти и *увидеть*. Это было одно из открытий, сделанных им в номере на третьем этаже отеля «Оверлук».

Протянув руку, которая вдруг стала слишком длинной, медлительной и вялой, словно лишившейся костей, он повернул ручку и открыл дверь.

Как он и ожидал, там была женщина из номера 217. Обнаженная, она сидела на унитазе, расставив ноги с отвратительно бледными, распухшими бедрами. Ее позеленевшие груди свисали как два проколотых воздушных шарика. Пучок волос ниже живота был седым. И глаза ее были серыми, как два стальных зеркала. Она увидела его, и ее губы растянулись в усмешке.

Сразу же закрой глаза, учил его Дик Холлоран когда-то давным-давно. Если увидишь что-то плохое, закрой глаза и скажи себе, что этого нет, и когда ты их откроешь, все пропадет.

Но это не сработало в номере 217, когда ему было пять лет, и не сработает сейчас. Он был в этом уверен. Он чувствовал ее запах. Она разлагалась.

Женщина, чье имя было ему известно – ее звали миссис Масси, – поднялась, опершись на фиолетовые ступни, и протянула к нему руки. Плоть на ее руках не просто обвисла, а почти что капала на пол. Женщина улыбалась так, как улыбаются при встрече со старым другом. Или когда видят аппетитную пищу.

С почти спокойным лицом Дэнни тихо закрыл дверь и отошел от нее. Он видел, как ручка повернулась вправо... влево... снова вправо... и замерла.

Ему уже исполнилось восемь лет, и теперь он мог мыслить рационально, даже охваченный паническим страхом. Отчасти ясность мышления не покинула его еще и потому, что в глубине души он давно ожидал чего-то подобного. Хотя ему почему-то всегда казалось, что первым явится Хорас Дервент. Или, возможно, тот бармен, которого отец называл Ллойдом. Потом Дэнни понял, что ему следовало готовиться именно к встрече с миссис Масси, по той простой причине, что из всей не желавшей окончательно умирать нечисти «Оверлука» она была самой жуткой.

Так вот, рациональная часть сознания подсказывала: это видение было всего лишь фрагментом не запомнившегося ему целиком кошмарного сна, который он продолжал видеть, уже встав с постели и пройдя через коридор к ванной. Эта часть настаивала, что, если он снова откроет дверь, там уже ничего не будет. Зато другой отдел его мозга, а именно тот, что давал ему способность *сиять*, не сомневался: «Оверлук» с ним еще не закончил и по крайней мере

один из тамошних духов, одержимый мстью, последовал за ним во Флориду. Однажды он уже обнаружил эту женщину в ванне. Она выбралась из нее и своими скользкими (но удивительно сильными) пальцами попыталась задушить его. И если сейчас он вернется в ванную, она завершит начатое.

А потому он решил лишь приложить к двери ухо. Поначалу ничего не услышал. Затем различил едва уловимый звук.

Ногти мертвой женщины скребли по дереву.

Не чуя под собой ног, Дэнни дошел до кухни, встал на стул и пописал в раковину. Потом он разбудил маму и сказал ей не заходить в ванную, потому что там она могла увидеть нечто страшное. Когда с этим было покончено, он вернулся в постель и зарылся как можно глубже под одеяло. Ему хотелось остаться здесь навсегда и вылезать лишь для того, чтобы справить малую нужду в раковину. Он предупредил маму, и дальнейшие разговоры с ней его не интересовали.

Его мать такое уже видела. Впервые подобный ступор случился с Дэнни после того, как он зашел в номер 217 отеля «Оверлук».

– А с Диком ты будешь разговаривать?

Глядя на нее из постели, он кивнул. И мама позвонила, хотя было всего четыре часа утра.

Дик приехал позже в тот же день. Он кое-что привез с собой. Подарок.

4

После того как Уэнди позвонила Дикю – а она позаботилась о том, чтобы сын все слышал, – Дэнни снова погрузился в сон. Хотя ему было уже восемь и он ходил в третий класс, во сне Дэнни сосал палец. У Уэнди защемило сердце. Затем она подошла к двери ванной и остановилась, глядя на нее. Ей было страшно – Дэнни напугал ее, – но хотелось в туалет, и она, уж конечно, не собиралась использовать для этой цели кухонную раковину. Представив себе, как пристраивается задницей над высокой фаянсовой емкостью (пусть никто этого не увидит), Уэнди с отвращением наморщила нос.

Она достала молоток из небольшого ящика с инструментами и крепко сжала его. Повернув ручку и открыв дверь, занесла молоток для удара. В ванной, разумеется, никого не было, но сиденье на унитазе оказалось опущено. Она никогда не оставляла его на ночь в таком положении, потому что знала: Дэнни непременно встанет ночью, а не проснувшись окончательно, даже не подумав поднять стульчак и пустит струйку прямо на него. Кроме того, в ванной стояла вонь. Тошнотворная вонь. Словно где-то в углу валялась давно сдохшая крыса.

Уэнди сделала шаг внутрь, потом другой. Краем глаза заметила какое-то движение и резко развернулась, готовая ударить молотком того,

(или то)

кто притаился за дверью. Но увидела лишь собственную тень. У людей вошло в привычку смеяться над теми, кто пугается собственной тени, однако Уэнди Торранс имела на испуг полное право. После всего, через что ей пришлось пройти, она лучше, чем кто-либо другой, знала, насколько опасными могут быть тени. У теней часто оказывались очень острые зубы.

Да, здесь никого не было, но на сиденье она заметила пятно неопределенного цвета и еще одно – на шторке ванны. Сначала подумала, что это экскременты, но дерьмо редко имело подобный желто-пурпурный оттенок. Она присмотрелась к пятну ближе и разглядела в нем куски разлагавшейся плоти и кожи. Потом ей бросились в глаза такие же пятна на коврике, имевшие форму человеческих ступней. Для мужских они выглядели слишком маленькими и, если угодно, изящными.

– О Господи, – прошептала она.

Кончилось тем, что ей тоже пришлось воспользоваться кухонной раковиной.

5

Около полудня Уэнди удалось вытащить сына из постели. Она сумела влить в него немного супа и впахнуть половину бутерброда с арахисовым маслом, но после этого он сразу же снова улегся в кровать. Он по-прежнему с ней не разговаривал. Холлоран прибыл вскоре после пяти часов вечера за рулем своего совсем уже древнего (но содержавшегося в образцовом порядке и до блеска отполированного) красного «кадиллака». Уэнди стояла у окна, высматривая его, как когда-то высматривала своего мужа, надеясь, что Джек приедет домой в добром расположении духа. И трезвый.

Она бросилась вниз по лестнице и открыла дверь в тот самый момент, когда он собирался нажать кнопку звонка рядом с табличкой «Торранс, кв. 2А». Он распахнул объятия, и она тут же прижалась к нему, желая только одного – простоять вот так час. А лучше – два.

Но он почти сразу отпустил Уэнди – отстранил, удерживая за плечи.

– Выглядишь прекрасно, Уэнди. А как наш молодой человек? Начал разговаривать?

– Нет, но с тобой он заговорит. Ведь даже если он не станет сразу общаться вслух, ты можешь... – Она изобразила из пальцев пистолет и нацелила ему в лоб.

– Вовсе не обязательно, – возразил Дик. Его улыбка обнажила сверкающий набор новых вставных зубов. Прежние искусственные челюсти он оставил в «Оверлуке» в ту ночь, когда взорвался бойлер. Джек Торранс ударами тяжелого деревянного молотка раздробил Дику зубы, а Уэнди навсегда лишил возможности ходить не прихрамывая, но они оба знали, что на самом деле за всем этим стоял отель.

– Дэнни очень силен, Уэнди. И если захочет заблокировать меня, то легко сможет сделать это. Уже не раз проверено на практике. И вообще будет лучше, если мы поговорим обычным способом. Лучше для него самого. А теперь расскажи мне, что тут у вас стряслось.

Уэнди посвятила его в детали, а потом провела в ванную. Пятна она специально оставила на прежних местах, чтобы он мог их увидеть, как патрульный полицейский бережет улики на месте преступления до прибытия команды криминалистов. Она считала, что здесь произошло именно преступление. Преступление против ее мальчика.

Дик долго все рассматривал, ни к чему не прикасаясь. Потом кивнул:

– Теперь пойдем глянем, не сменил ли наш милый Дэнни гнев на милость.

Не сменил, но Уэнди стало легче, когда она заметила радость на лице сына при виде гостя, который присел на край его кровати и слегка потряс за плечо.

(привет Дэнни я привез тебе подарок)

(у меня день рождения еще не скоро)

Уэнди наблюдала за ними, догадываясь, что они уже беседуют, не зная только о чем.

– Поднимайся, милейший. Нам нужно пойти прогуляться по пляжу, – произнес вслух

Дик.

(Дик она вернулась миссис Масси из номера двести семнадцать вернулась)

Дик снова хлопнул его по плечу:

– Говори по-человечески, Дэн. Ты пугаешь маму.

– А что за подарок? – спросил Дэнни.

Дик улыбнулся:

– Вот так-то лучше. Мне нравится слышать твой голос, и Уэнди тоже.

– Конечно. – Она не осмелилась больше ничего добавить. В противном случае они заметили бы волнение в ее голосе и начали беспокоиться за нее. Этого ей сейчас хотелось меньше всего.

– Пока нас не будет, можешь навести чистоту в ванной, – сказал ей Дик. – У тебя есть резиновые перчатки?

Она кивнула.

– Отлично. Не забудь их надеть.

6

Пляж находился в двух милях от дома. Парковку со всех сторон окружали дешевые забе-галовки, кондитерские, палатки с хот-догами и сувенирные лавки, но сейчас, когда сезон почти закончился, дела у торговцев шли вяло. Да и сам пляж почти пустовал. По пути в машине Дэнни держал на коленях свой подарок – тяжелый прямоугольный предмет, завернутый в серебристую бумагу.

– Скоро сможешь вскрыть упаковку, но только сначала нам надо немного поговорить, – сказал Дик.

Они побрели вдоль самой кромки прибоя, где песок был плотным и влажно поблескивал. Дэнни шел медленно, потому что Дик был уже старым. Однажды он умрет. Быть может, уже скоро.

– Я еще несколько лет протяну, – сказал Дик. – Пока не слишком беспокойся об этом. Расскажи лучше о прошлой ночи. И не упускай ни малейших деталей.

На это не потребовалось много времени. Тяжелее всего оказалось подобрать нужные слова, чтобы объяснить, почему его охватил такой ужас, смешанный с безнадежной уверенно-стью: теперь, отыскав его, она уже не отстанет. Впрочем, для беседы с Диком слова не требо-вались, хотя ему все-таки удалось их найти:

– Она вернется. Я в этом уверен. А потом будет приходить снова и снова, пока не добьется своего.

– Помнишь день нашей первой встречи?

Немного удивившись, Дэнни кивнул. Холлоран устроил ему и его родителям экскурсию по кухне «Оверлука», когда они только туда приехали. Казалось, это было очень давно.

– А помнишь первую фразу, которую я произнес внутри твоей головы?

– Конечно.

– Что я сказал?

– Ты спросил, не хотел бы я отправиться с тобой во Флориду.

– Точно. И что ты почувствовал, когда понял, что не единственный в своем роде? Что ты не один такой?

– Это было замечательное чувство, – ответил Дэнни. – Невероятное чувство.

– Еще бы! – сказал Холлоран. – И это естественно.

Некоторое время они шли молча. Мелкие птички, которых мать Дэнни называла песоч-никами, сновали между полосой песка и пеной, оставленной волнами.

– А тебе не показалось странным, что я появился как раз в тот момент, когда ты больше всего нуждался во мне? – Дик посмотрел на Дэнни и улыбнулся. – Вижу, что нет. Да и с чего бы? Ты был лишь пятилетним ребенком. Но сейчас ты стал старше. В каком-то смысле – *намного* старше. А потому послушай меня, Дэнни. Вселенная умеет сохранять равновесие. Я верю в это. Есть старая пословица: когда ученик будет готов, у него непременно появится учитель. Я стал для тебя таким учителем.

– Ты не просто учитель, – возразил Дэнни, взяв Дика за руку. – Ты – мой друг. И ты спас нас с мамой.

Дик не обратил на его слова внимания... Или сделал вид, что не обратил.

– Моя бабушка тоже сияла. Я ведь рассказывал тебе об этом?

– Да. Ты вспоминал, как вы с ней могли подолгу разговаривать, не раскрывая рта.

– Верно. Она научила меня этому. А ее научила *прабабушка* еще во времена рабства. Наступит день, Дэнни, когда учителем придется стать и тебе. У тебя появится ученик.

– Если миссис Масси не успеет прежде прикончить меня, – мрачно заметил Дэнни. Им попала скамейка, и Дик опустился на нее.

– Начиная побаиваться уходить слишком далеко. Вдруг не хватит сил на обратный путь? Сядь рядом. Хочу рассказать тебе одну историю.

– Но мне не нужны истории! – воскликнул Дэнни. – Она вернется, разве ты не понял? А потом будет приходить *снова, и снова, и снова*.

– Закрой рот и оттопырь уши. Послушай то, что может тебе пригодиться. – Дик снова расплылся в улыбке, сверкнув новыми зубами. – Мне кажется, ты поймешь, в чем здесь смысл. Ты очень неглупый мальчик, дорогой мой.

7

Мать матери Дика – та, что умела сиять, – жила в Клируотере. Она была Белой Бабушкой. Не потому, что принадлежала к европеоидной расе, а просто потому, что была *хорошим* человеком. Отец отца Дика жил в Данбри, штат Миссисипи, – небольшой сельской общине близ Оксфорда. Его жена умерла задолго до того, как появился на свет Дик. Для человека с его цветом кожи в то время и в том месте он считался весьма состоятельным. Ему принадлежала контора похоронных услуг. Маленький Дик Холлоран вместе с родителями навещал его четыре раза за год – и ненавидел эти визиты. Энди Холлоран наводил на мальчика ужас, и он называл его – только про себя, разумеется, потому что сказать такое вслух значило тут же получить смачную затрещину – Черным Дедушкой.

– Ты слышал про педофилов? – спросил Дик у Дэнни. – Про мужчин, которые хотят секса с малолетними детьми?

– Так, кое-что, – осторожно ответил Дэнни. Его, конечно, предупреждали никогда не разговаривать с незнакомцами и ни в коем случае не садиться к ним в машину, потому что они могли начать приставать и все такое.

– Так вот, старик Энди был не просто педофилом, а еще и треклятым садистом.

– А это что такое?

– Садист – это тот, кому нравится причинять другим людям боль.

Дэнни сразу понял, о чем речь.

– Это как Фрэнки Листрон у нас в школе. Он обожает выкручивать ребятам помладше руки и прижигать кожу. Если ты терпишь и не плачешь, он от тебя отстает, но стоит только заплакать, и он от тебя уже *никогда* не отвяжется.

– Скверно, но мне пришлось гораздо хуже.

Стороннему прохожему могло показаться, что Дик погрузился в молчание, однако на самом деле он продолжил свой рассказ, мысленно посылая Дэнни серию образов и пояснявших их слов. Дэнни увидел Черного Дедушку – высокого мужчину в черном костюме и особой

(*федоре*)

шляпе поверх головы. Он разглядел сгустки слюны, постоянно скапливавшейся в углах его рта, и красноту глаз, словно тот сильно устал или совсем недавно плакал. Он видел, как старик сажал Дика – который был еще меньше, чем Дэнни сейчас: вероятно, такого же возраста, как Дэнни страшной зимой в «Оверлуке», – себе на колени. Если они были не одни, все сводилось к обычной щекотке, но стоило им остаться вдвоем, как дед совал Дику руку между ног и сжимал яички с такой силой, что мальчик почти терял сознание от боли.

«Тебе нравится? – пыхтел дедушка Энди ему прямо в ухо. От него пахло сигаретами и виски «Уайт хорс». – Небось еще как нравится! Любому мальчишке хочется этого. Но даже если нет, не смей никому рассказывать. Откроешь рот, и я тебе сделаю по-настоящему больно. Я тебя сожгу».

– Ни фига себе! – сказал Дэнни. – Это действительно страшно.

– Было еще много всего, – продолжал Дик, – но я хочу рассказать тебе вот о чем. После смерти жены дед нанял женщину помощницей по дому. Она стала уборщицей и поварихой. К ужину она выставляла на стол все блюда одновременно – от салата до десерта, – потому что так хотелось Черному Дедушке. На сладкое всегда подавали торт или пудинг. Твой кусочек ставили на маленькой тарелочке или блюде рядом с большой тарелкой, чтобы ты мог предвкушать его и любоваться им, пока расправлялся с основной едой. Причем дед придерживался жесткого и строгого правила: ты мог *смотреть* на десерт, но не смел начинать *есть* его, пока не доедал до последнего кусочка жареное мясо, овощи и картофельное пюре. Ты обязан был даже подобрать всю подливку, хотя она всегда получалась комковатая и почти безвкусная. Если у меня на тарелке оставалась подливка, Черный Дедушка протягивал мне ломоть хлеба со словами: «А ну-ка промокни все дочиста, Пташка Дики. Пусть твоя тарелка сияет, будто ее вылизала собака». Так он меня звал – Пташкой Дики. Иногда я не в силах был справиться с едой без остатка, как ни старался, и тогда меня лишали куска торта или пудинга. Дед забирал его и съедал сам. А бывало, когда я не мог одолеть ужин полностью, то находил в своем куске торта или ванильного пудинга погашенный окурочок. «Вот беда: промахнулся мимо пепельницы», – говорил дед. Мои папа и мама ни разу не попытались одернуть его, хотя прекрасно понимали, что эта шутка не из тех, что допустимы с маленьким ребенком. Делали вид, что им тоже очень смешно.

– А вот это уже никуда не годится, – сказал Дэнни. – Твои родители должны были заступаться за тебя. Моя мама всегда меня защищает. И папа защитил бы тоже.

– Они его побаивались. И не без причины. Энди Холлоран был злым и грубым человеком. Он мог сказать: «Давай, Дики, подъежь с краев. Авось не отравишься». И если я откусывал кусочек, он разрешал Нонни – так звали домработницу – принести мне другой десерт. Но если я к нему не притрагивался, он оставался стоять на столе с окурком внутри. Скоро стало получаться так, что я никогда не мог закончить ужин, потому что у меня начиналось расстройство желудка.

– Тебе надо было сразу переставлять блюдо с десертом на другую сторону, – заметил Дэнни.

– Ты думаешь, я не пробовал? Я, знаешь, тоже не дурачком родился. Но он возвращал блюдо на прежнее место, приговаривая, что десерт всегда должен стоять справа от едока.

Дик сделал паузу, глядя на воду, где белый баркас медленно двигался вдоль линии горизонта, разделявшей небо и волны Мексиканского залива.

– Иногда, оставшись со мной наедине, он кусал меня. А однажды, когда я сказал, что если он не оставит меня в покое, я пожалуюсь папе, погасил сигарету прямо о мою голую ногу. «Что ж, – говорит, – попробуй, пожалуйся. И увидишь, что из этого выйдет. Твой папаша знает все мои привычки, но никогда слова мне поперек не скажет, потому что он трус и хочет получить денежки, что лежат у меня в банке, когда я умру. Но только ждать ему придется еще долго».

Дэнни слушал Дика с широко раскрытыми от удивления глазами. Он всегда считал историю Синей Бороды самой страшной из всех, но эта казалась даже страшнее, потому что не была выдумкой, а случилась на самом деле.

– Порой он напоминал мне, что знает очень плохого человека по имени Чарли Мэнкс, и если я не буду слушаться, он позвонит этому Чарли в другой город, и тот приедет на своей огромной машине, чтобы забрать меня в специальное место для непослушных детей. Потом дед совал мне между ног пальцы и начинал их сжимать. «Поэтому ты никому ничего не скажешь, Пташка Дики. А проговоришься, старина Чарли увезет тебя туда, где у него сидит уже много украденных детишек, и продержит там до самой твоей смерти. А когда ты умрешь, то отправишься в ад, где твое тело будет гореть в вечном пламени. Потому что ты наябедничал. И плевать, поверят тебе или нет. Ябеда – он и есть ябеда». И очень долго я верил каждому слову старого мерзавца. Я даже Белой Бабушке, той, что умела сиять, ни о чем не рассказывал.

Боялся, что она тоже решит, что во всем виноват я сам. Будь я постарше, поступил бы иначе, но тогда я был совсем еще несмышленным малышом.

Он снова помолчал.

– А потом произошло еще кое-что. Догадываешься, что именно, Дэнни?

Дэнни какое-то время вглядывался в лицо Дика, пытаясь увидеть образы и услышать слова, таившиеся в глубине его сознания, потом сказал:

– Ты хотел, чтобы твоему папе достались деньги. Но он их так и не получил.

– И впрямь! Черный Дедушка все отписал сиротскому приюту для негров в Алабаме, и держу пари, что знаю причину. Но это уже не имеет значения.

– И твоя хорошая бабушка ничего не знала? Ни о чем не догадывалась?

– Она *чувствовала что-то*, но я блокировал эту тему, и она оставила меня в покое. Лишь предупредила, что, как только я буду готов ей рассказать, она будет готова выслушать. Так что, Дэнни, когда Энди Холлоран умер – с ним случился удар, – я был счастливейшим мальчишкой на всем белом свете. Мама сказала, что мне не обязательно присутствовать на похоронах, что, если я не хочу там быть, могу остаться дома с бабушкой Роуз – моей Белой Бабушкой, – но я как раз отчаянно рвался туда. Сам понимаешь зачем. Мне необходимо было лично убедиться, что старый Черный Дедушка действительно мертв.

В тот день лил дождь. Все, кто собрался у могилы, раскрыли над собой черные зонты. Я наблюдал за гробом – несомненно, самым большим и лучшим в его собственной конторе, – опускавшимся в землю, и вспоминал, сколько раз он до боли сжимал мне яйца, сколько раз тушил сигарету в моем куске десерта или о мою ногу. Как он властвовал за нашим столом подобно безумному королю из шекспировской трагедии. Но больше всего я думал о Чарли Мэнксе, которого дед наверняка попросту выдумал. Я тихо радовался, что Черный Дедушка уже никогда не сможет позвонить ему, чтобы тот приехал среди ночи на своем огромном автомобиле и увез меня туда, где прятал других украденных мальчиков и девочек.

Я пытался заглянуть в могилу. «Пусть парень посмотрит», – поддержал меня отец, когда мама попыталась возражать. И я увидел гроб в мокрой яме и подумал: «Теперь ты на шесть футов ближе к аду, черная твоя душонка, а скоро попадешь туда насовсем, и, надеюсь, сам дьявол встретит тебя у входа и подаст тебе свою пылающую руку для приветствия».

Дик достал из брючного кармана пачку «Мальборо» со спичками под целлофановой оберткой. Зажав сигарету во рту, не сразу смог раскурить ее, потому что у него тряслись пальцы и дрожали губы. Дэнни был поражен, заметив стоявшие в глазах Дика слезы.

Уже зная, к чему все идет, мальчик спросил:

– И когда он вернулся?

Дик сделал глубокую затяжку и выдохнул дым, улыбаясь.

– Тебе даже не понадобилось залезать мне в мозги, чтобы все понять, верно?

– Верно.

– Через шесть месяцев. Однажды я пришел домой из школы, а он лежал голый на моей кровати, причем его полусгнивший член стоял. «Иди сюда и сядь на него, Пташка Дики, – сказал он. – Доставишь мне удовольствие, и я отплачу тебе сторицей». Я заорал, но меня никто не мог слышать. Мои родители работали. Мама в ресторане, а отец в типографии. Я выбежал из комнаты и захлопнул дверь. Но мне было слышно, как Черный Дедушка поднялся с постели... *тумп...* Пересек мою спальню... *тумп-тумп-тумп...* А потом я услышал...

– Звук ногтей, – тихо закончил за него Дэнни. – Он скребся ногтями в дверь.

– Так и было. Я не возвращался в свою комнату до самого вечера, когда мама и папа вернулись домой. Он исчез, но... кое-что оставил на память.

– Само собой. То же случилось у нас в ванной. Потому что они разлагаются.

– Точно. Я сам сменил белье на своей кровати, благо мама научила меня этому в раннем детстве. Сказала, что я уже достаточно взрослый. Прислуга, говорит, нужна избалованным

белым мальчикам и девочкам вроде тех, за которыми она ухаживала сама, пока не подвернулась работа официантки в ресторане «Беркинс». А примерно через неделю я снова увидел старого черта. Он сидел на качелях в парке. В тот раз на нем был костюм, но весь покрытый какой-то серой гадостью. Наверное, плесенью, которой он обрастал, лежа в гробу.

– Да, – ответил Дэнни все тем же хрупким шепотом. На большее его голос был сейчас не способен.

– Но ширинка у него все равно оказалась расстегнута, и его причиндалы торчали наружу. Прости, что упоминаю такие подробности, Дэнни. Ты еще слишком мал для этого, но тебе необходимо знать обо всем.

– И тогда ты наконец пошел к Белой Бабушке?

– Больше ничего не оставалось. Потому что я, как и ты сейчас, думал: он будет постоянно возвращаться ко мне. Не как... Скажи мне, Дэнни, ты когда-нибудь видел мертвецов? Я имею в виду *обычных* мертвецов. Призраков.

Он рассмеялся, потому что это действительно звучало смешно. Дэнни тоже невольно улыбнулся:

– Да, видел несколько раз. Однажды сразу трое стояли у железнодорожного переезда. Два парня и девушка. Подростки. Мне показалось, что... Они, должно быть, там и погибли.

Дик кивнул:

– Вот-вот. Они какое-то время продолжают обретаться рядом с тем местом, где их настигла смерть, а потом привыкают быть мертвыми и уходят. Некоторые из привидений «Оверлука» принадлежали к их числу.

– Знаю. – Возможность обсуждать подобное *с понимающим человеком* приносила ему неопишемое облегчение. – И была еще женщина в ресторане. Там, где столики выставляют на тротуар.

Дик снова кивнул.

– Я не мог видеть сквозь нее, но ее никто не замечал, а потом официантка толкнула стул, на котором она сидела, и привидение пропало. А ты их тоже встречаешь?

– Не видел уже несколько лет, но твое сияние сильнее моего. К тому же с годами оно ослабевает...

– И это хорошо! – с жаром сказал Дэнни.

– Однако ты будешь продолжать сиять, даже когда станешь совсем взрослым, потому что буквально полыхал еще с младенчества. Обычные призраки совсем не такие, как та женщина, что ты встретил в номере двести семнадцать и у себя дома. Верно?

– Да. Миссис Масси *реальна*. Она даже может оставлять за собой следы – то есть куски самой себя. Ты их видел. Но главное – их видела даже моя мама, а она не сияет вообще.

– Давай возвращаться, – предложил Дик. – Пора тебе увидеть то, что я привез.

8

Возвращение на стоянку заняло значительно больше времени, потому что Дик задыхался.

– Проклятые сигареты, – сказал он. – Не вздумай даже начинать курить.

– Мама курит. Она думает, я не знаю, но мне все известно. Но расскажи, Дик, что же сделала твоя Белая Бабушка? Она наверняка сумела что-то предпринять, потому что Черный Дедушка оставил тебя в покое, если я правильно понял.

– Она преподнесла мне подарок. Такой же, какой я теперь припас для тебя. Это как раз то, что должен сделать учитель, когда ученик готов. Полезный навык – сам по себе большой подарок. Лучшее из того, что мы можем получить или дать сами. Бабушка не называла Энди по имени, а только этим словом... – Дик улыбнулся. – *Извращенец*. Я сказал ей то же самое, что и ты: он не призрак, он – настоящий. И она отвечала: «Да, он реален, но только *ты сам*

делаешь его таким. Своим сиянием». По ее словам, некоторые духи – а особенно злые духи – не желают окончательно покидать наш мир, потому что знают, что потом им станет гораздо хуже, чем теперь. Большинство, конечно, просто уходят в небытие с голодухи, но некоторым удается найти пищу. «И такой подкормкой для них становится сияние, Дик, – объяснила она. – Заменителем еды. Ты сейчас кормишь этого извращенца. И не хочешь, а кормишь. Он как комар: все время кружит над тобой, а потом садится и пьет кровь. С этим ты ничего поделать не сможешь. Зато в твоей власти обернуть то, зачем он к тебе приходит, против него самого».

Они вернулись к «кадиллаку». Дик отпер двери и со вздохом облегчения опустился на водительское сиденье.

– Было время, я мог пройти десять миль быстрым шагом, а потом еще пять пробежать. А сейчас после небольшой прогулки чувство такое, словно меня лягнула в бок кобыла. Давай же, Дэнни. Посмотри на свой подарок.

Дэнни сорвал серебристую бумагу и увидел зеленую металлическую коробку с кодовым замком.

– Здорово!

– Тебе нравится? Хорошо. Я купил этот ларчик в «Вестерн ауто». Качественная американская сталь. Тот, что подарила мне Белая Бабушка Роуз, запирался на навесной замочек, и ключ мне приходилось носить на шее, ну так это когда было-то. Сейчас уже восьмидесятые, век передовых технологий. Видишь эти циферки на панели? Тебе нужно только ввести код – число, которое ты ни за что не забудешь, – и нажать кнопку «Установить». Тогда, как только понадобится открыть коробку, нужно будет набрать код.

Дэнни был искренне рад подарку.

– Спасибо, Дик! Я буду хранить в ней свои самые ценные вещи!

А среди них он числил свои лучшие бейсбольные карточки, значок следопыта-бойскаута, «счастливый» зеленый камушек и фотографию с отцом на лужайке перед домом в Боулдере, еще до «Оверлука». До того как все стало плохо.

– Это прекрасно, Дэнни. Непременно так и поступи, но мне нужно, чтобы ты сделал кое-что еще.

– Что именно?

– Я хочу, чтобы ты изучил эту металлическую коробку как следует снаружи и изнутри. Не просто осмотри ее. Потрогай. Почувствуй ее. Потом засунь нос внутрь и хорошенько запомни, как там пахнет. Она должна стать твоим лучшим другом. По крайней мере на какое-то время.

– Почему?

– Потому что тебе нужно будет воссоздать точную копию этого ларца у себя в сознании. Однако эта копия будет особенной. И в следующий раз, когда появится эта Масси, ты будешь готов к встрече. Я расскажу тебе, что нужно сделать, как мне рассказала когда-то бабушка.

На обратном пути Дэнни почти не разговаривал. Ему многое нужно было обдумать. Свой подарок – сейф из крепчайшей стали – он по-прежнему держал на коленях.

9

Миссис Масси вернулась через неделю. Она снова расположилась в ванной комнате, но на этот раз заняла непосредственно ванну. Дэнни она не удивила. В конце концов, именно в ванне она и умерла. Только теперь он и не думал бежать от нее. Наоборот, зашел внутрь и запер дверь. Она манила его к себе улыбаясь. И Дэнни тоже улыбался. Из гостиной доносились звуки телевизора. Мама смотрела очередную серию «Трое – это компания».

– Добрый вечер, миссис Масси, – сказал Дэнни. – А я кое-что для вас приготовил.

Лишь в последний момент она поняла, что происходит, и разразилась истошными криками.

10

Почти сразу в дверь ванной начали стучать.

– Дэнни, с тобой все в порядке?

– Все отлично, мамуля.

Ванна была пуста. В ней оставались следы липкой слизи, но Дэнни посчитал, что сам все очистит. Собственно, достаточно было пустить воду, и грязь смыло в сливное отверстие.

– Тебе нужно в туалет? Я скоро освобожу его.

– Нет. Мне просто... Мне показалось, я слышала твой голос.

Дэнни на всякий случай взял с полки зубную щетку и открыл дверь.

– Я в полном порядке, видишь?

Он широко улыбнулся. Теперь, когда миссис Масси ушла, улыбаться было легко.

Выражение озабоченности сразу исчезло с лица Уэнди.

– Старайся тщательнее чистить те зубы, что растут дальше всех. Именно там прячутся остатки пищи.

– Я постараюсь, мам.

Внутри его головы, где теперь на отдельной полке хранилась точная копия зеленого сейфа, слышались сдавленные вопли. Ему они не мешали. Он надеялся, что скоро все стихнет, и оказался прав.

11

Через два года накануне Дня благодарения на пустой лестничной площадке средней школы «Алафия» Дэнни Торрансу явился Хорас Дервент. Плечи его костюма были усыпаны конфетти. Небольшая черная маска свисала с полуразложившейся руки. От него пахло могилкой.

– Отличная вечеринка, не так ли? – спросил он.

Дэнни развернулся и поспешил удалиться.

После уроков он позвонил по междугороду в Ки-Уэст, где в одном из ресторанов работал Дик.

– Еще один из призраков «Оверлука» нашел меня. Сколько коробок я могу завести, Дик? В своей голове, конечно же?

Дик усмехнулся:

– Сколько угодно, мой милый. В этом вся прелесть сияния. Неужели ты думал, что мне на своем веку пришлось посадить под замок только Черного Дедушку?

– И они там умирают?

На этот раз усмешки не последовало. Голос Дика звучал холодно, как никогда:

– А тебе не все равно?

Дэнни действительно было все равно.

Когда вскоре после начала нового года бывший владелец «Оверлука» объявился вновь – на этот раз в стенном шкафу комнаты Дэнни, – хозяин оказался готов встретить гостя. Он смело вошел в шкаф и плотно закрыл дверь. Вскоре второй воображаемый сейф встал на полке в его сознании рядом с ларцом миссис Масси. Оттуда слышались стуки и такая изощренная ругань, что Дэнни даже постарался запомнить ее, чтобы позже при случае пустить в ход самому. Но достаточно скоро все стихло. Больше из железной темницы Дервента, равно как и из камеры миссис Масси, не доносилось ни звука. А были они «живы» или нет, не имело значения.

Самое главное, что они уже никогда не выберутся наружу. Дэнни был в безопасности.

По крайней мере так он думал тогда. А еще он, разумеется, полагал, что никогда не тронется к спиртному, повидав, к чему это привело отца.

Что ж, людям свойственно заблуждаться.

Гремучая змея

1

Ее звали Андреа Штайнер. Она любила кино и не любила мужчин, чему едва ли следовало удивляться, поскольку родной отец впервые изнасиловал ее в восьмилетнем возрасте, а потом продолжал насиловать еще ровно восемь лет. После чего она покончила с этим, сначала проколов ему по очереди оба яйца вязальной спицей своей матери, а потом вонзив ту же спицу, покрытую кровью и слизью, в левый глаз насильника. С яйцами она разделалась сравнительно легко, потому что он еще спал, но боль, должно быть, оказалась невыносимой, раз он проснулся, несмотря на ее особые способности. Впрочем, так или иначе, она уже стала взрослой и крепкой девушкой, а он был пьян. Поэтому ей хватило сил, чтобы придавить его собственным телом и нанести *coup de grâce*².

Теперь ее возраст составлял четыре раза по восемь лет, и она скиталась по Америке, где в Белом доме «арахисового фермера» успел сменить бывший актер³. Новый лидер обладал смоляной шевелюрой, в которой, как и положено истинному актеру, не проглядывало ни волоска седины, и очаровательной, но неискренней актерской улыбкой. Энди видела по телевизору один из фильмов с его участием. В нем герою, которого играл будущий президент, поезд отрезал обе ноги. Идея безногих мужчин ей понравилась: такой не погонится за тобой в темном переулке и не изнасилует.

Кино стало ее страстью. Только кино увлекало по-настоящему и заставляло забыть. В кино всегда можно было рассчитывать на большой стакан попкорна и счастливый финал. Нужно только найти мужчину, чтобы пошел с тобой, приняв это за начало свидания, и заплатил за билеты. Вот и сегодня картина оказалась классная: с драками, поцелуями и громкой музыкой. Называлась она «В поисках утраченного ковчега». Сегодняшний спутник уже запустил руку ей под юбку и залез высоко по обнаженному бедру, но она не возражала: рука – это еще не член. Они познакомились в баре. Именно там она знакомилась с большинством ему подобных мужчин. Для начала он заплатил за ее выпивку, но бесплатная выпивка – это не свидание. Так, всего лишь случайное знакомство.

– *А это что значит?* – спросил он, проводя кончиком пальца по ее левому плечу. На ней была блузка без рукавов, и татуировка оказалась на виду. Ей нравилось демонстрировать ее, когда она выходила на поиски временного спутника. Она хотела, чтобы мужчины видели татуировку, которую ей накололи в Сан-Диего через год после убийства отца, и большинство считали, что она очень сексуальна.

Это змея, ответила она. Гремучая змея. Видишь ее ядовитые зубы?

Конечно, он их видел. Это были огромные, непропорционально большие для такой маленькой головки зубы. С одного стекал яд.

На этот раз ей попался типичный бизнесмен в дорогом костюме, с пышной, почти президентской шевелюрой, решивший отдохнуть после обеда от бумажной работы, которую ему наверняка приходилось делать в конторе. На вид лет шестидесяти, он в отличие от президента седину не скрывал. Почти вдвое старше ее. Но мужчины не придавали этому никакого значения. Он вел бы себя с ней так же, будь ей не тридцать два, а шестнадцать. Или всего восемь. Она помнила, как пошутил однажды ее папаша: *Если щелка может ссать, в самый раз ее...*

Понятное дело, вижу, ответил сидевший рядом мужчина, – но я спросил, в чем ее смысл?

² Смертельный удар (*фр.*).

³ Имеется в виду Рональд Рейган, 40-й президент США (с 1981 по 1989 гг.).

Быть может, ты вскоре сам все поймешь, ответила Энди и провела языком по своей верхней губе. *У меня есть еще татуировка. Совсем в другом месте.*

А мне можно посмотреть?

Кто знает. Ты любишь кино?

Он непонимающе нахмурился.

В каком смысле?

Ты же хочешь пойти со мной на свидание, верно?

Он знал, в каком смысле упоминалось слово «свидание» в подобных заведениях. Тут околачивалось много девиц, и для них свидание означало одну вполне конкретную вещь. Но Энди имела в виду кое-что другое.

Конечно, хочу. Ты хорошенькая.

Тогда пригласи меня на свидание. Но только на настоящее. В «Риальто» как раз идет «В поисках утраченного ковчега».

Но я скорее думал об уютном номере в небольшом отеле. Всего в двух кварталах отсюда. Там отличный мини-бар, и даже есть балкон. Как насчет этого?

Она припнула губами к его уху и прижалась грудью к руке.

Отправимся туда потом. Своди меня сначала в кино. Заплати за билеты и купи мне попкорн. Меня возбуждает темнота.

Вот так и получилось, что они сидели и смотрели на Харрисона Форда, здорового как бык, щелкавшего на экране пастушьим кнутом по пустынной пылище. Пожилой мужчина с президентской шевелюрой держал руку у нее под юбкой, но она крепко зажала между ног картонный стакан с попкорном, чтобы ее спутник мог только крутить пальцами рядом со своей целью, не в силах добраться до нее. Он старательно лез все выше и выше, что раздражало. Она хотела досмотреть фильм до конца и узнать, что же таилось в загадочном ковчеге. И тогда...

2

В два часа дня в кинотеатре почти никого не было, но в двух рядах позади Энди Штайнер и ее ухажера все же расположилась троица. Двое мужчин, один совсем старик, второй тоже не первой молодости (впрочем, внешность бывает так обманчива), сидели с обеих сторон от поразительно красивой женщины: высокие скулы, серые глаза, нежная сливочная кожа лица, пышные черные волосы стянуты широкой бархатной лентой. Обычно она носила шляпу – старый потрепанный цилиндр, – но сегодня решила оставить ее в кемпере. Ведь высокие шляпы не предназначены для кинотеатров. Ее имя было Роуз О’Хара, но кочевая семья, с которой она путешествовала, звала ее Роза-в-Шляпе.

Мужчина, который выглядел немного моложе своего товарища, носил имя Барри Смит. И хотя он был стопроцентно белым, та же семейка прозвала его Барри Китайцем из-за слегка восточного разреза глаз.

– Смотрите, что сейчас будет, – сказал он. – Это занятно.

– Лично меня больше занимает кино, – проворчал старикан, Дедушка Флик, что было вполне в его характере. На самом деле он тоже не сводил глаз с сидевшей чуть впереди парочки.

– Надеюсь, ты не ошибся, – сказала Роуз, – потому что женщина не из тех, кто дает много пара. Разве что самую малость, хотя...

– Вот, начала, начала, – зашептал Барри, когда Энди склонилась и губами почти коснулась уха своего спутника. Он широко ухмылялся, забыв про открытую коробку с мармеладными мишками, которую держал в руке. – Я наблюдал это уже три раза, но мне не надоело.

3

В ухе мистера Бизнесмена рос куст колючих седых волосков, и из него противно несло серой, но Энди это не могло остановить: она хотела убраться из этого городишки, а между тем с деньгами у нее сейчас было туго.

– Разве ты не чувствуешь, как устал? – прошептала она в это омерзительное ухо. – Разве тебе не хочется спать?

Подбородок мужчины мгновенно упал на грудь, и он захрапел. Энди залезла под свою юбку, убрала его обмякшую руку и пристроила на подлокотник кресла. Потом принялась шарить по карманам дорогого с виду пиджака мистера Бизнесмена. Бумажник оказался в левом внутреннем кармане. Это хорошо. Не придется заставлять мистера поднимать с сиденья жирную задницу. Когда они погружались в сон, двигать их было непросто.

Она открыла бумажник, высыпала на пол кредитные карты, просмотрела фотографии: мистер Бизнесмен на поле для гольфа в окружении таких же толстомордых мистеров Бизнесменов; мистер Бизнесмен с женой; гораздо более молодой мистер Бизнесмен перед рождественской елкой с сыном и двумя дочками. На девочках были шапочки Санта-Клауса и платица им в тон. Едва ли он насиловал их, но кто знает. Мужчины насиловали кого угодно, если уверены, что останутся безнаказанными, – факт, проверенный на практике. Жизненный урок, преподанный отцом, если угодно.

В отделении для наличности лежало чуть больше двухсот долларов. Не так уж много – в баре, где он ее снял, водились гораздо более дорогие проститутки, чем в забегаловках рядом с аэропортом, – но для дневного сеанса в четверг все равно неплохая выручка. И всегда можно было найти другого мужчину, который согласится сводить симпатичную молодую женщину в кино, где начнет лапать ее для разогрева. Надеясь на большее.

4

– Хорошо, – пробормотала Роуз и начала подниматься с места. – Ты меня убедил. Давайте попытаемся.

Но Барри жестом остановил ее.

– Нет, погоди немного. Смотри дальше. Сейчас начнется самое интересное.

5

Энди снова склонилась к отвратительному уху и прошептала:

– Спи крепче. Боль, которую ты почувствуешь, будет всего лишь сном.

Она открыла сумочку и достала ножик с перламутровой ручкой. Маленький, но с острым как бритва лезвием.

– Так чем будет боль?

– Всего лишь сном, – промямлил мистер Бизнесмен в узел своего галстука.

– Именно так, дорогуша.

Придерживая его свободной рукой за шею, она быстро нанесла порезы в виде двух букв V на правую щеку – толстую, переходящую в двойной подбородок. Потом не удержалась и несколько секунд полюбовалась делом своих рук в неверном, пульсирующем свете кинопроектора. Хлынула кровь. Он проснется со щекой, охваченной огнем, с правым рукавом своего роскошного пиджака, пропитанным кровью, и ему понадобится срочная медицинская помощь.

*И как ты объяснишь это своей женушке? Впрочем, уверена, ты найдешь, что ей напле-
сти. Но если тебе не помогут пластические хирурги, ты будешь видеть оставленный мной
автограф при каждом взгляде в зеркало. И когда тебе приспичит отправиться искать при-
ключений в какой-нибудь темный бар, ты вспомнишь, как однажды тебя укусила гремучая
змея. Змея в синей юбке и белой блузке-безрукавке.*

Она переложила две бумажки по пятьдесят долларов и пять двадцаток в свою сумочку, щелкнула замком и уже собралась уходить, когда ей на плечо опустилась рука и женский голос прошептал:

– Привет, дорогая. Тебе придется досмотреть этот фильм в другой раз. А сейчас ты поедешь с нами.

Энди попыталась повернуться, но ее голову стиснули руки. *Изнутри.*

А потом наступила темнота, и очнулась она уже в принадлежавшем Роуз «эрскрузере», который направлялся к одному из кемпингов на окраине обычного городка американского Среднего Запада.

6

Когда она пришла в себя, Роуз дала ей чашку чаю и долго говорила с ней. Энди все прекрасно слышала, но не могла оторвать глаз от своей похитительницы. Это была незаурядная личность, если не прибегать к более громким эпитетам. Рост Розы-в-Шляпе составлял шесть футов. Ее длинные ноги были обтянуты слаксами, а высокая грудь – футболкой с эмблемой ЮНИСЕФ и девизом «Мы готовы на все, чтобы спасти жизнь ребенка». Ее лицо казалось лицом королевы, величавой и уверенной в себе. Распущенные волосы ниспадали до середины спины. Глаз резал только потертый цилиндр, криво сидевший на голове, но в целом это была самая красивая из женщин, которых Энди Штайнер когда-либо встречала.

– Ты хорошо понимаешь, о чем я тебе говорю? Я даю тебе редкостный шанс, Энди, и не следует относиться к этому легкомысленно. Уже лет двадцать, если не больше, мы никому не предлагали то, что я предлагаю тебе сейчас.

– А если я откажусь? Что тогда? Вы меня убьете? И заберете... – Как она это назвала? – Мой пар?

Роуз улыбнулась. У нее были пухлые коралловые губы. И Энди, всегда считавшая себя асексуальной, вдруг с интересом подумала, каковы они на вкус.

– В тебе слишком мало пара, чтобы возиться с тобой, милая, а тот, что *все-таки есть*, нам не по вкусу. Как старая говядина для лохов.

– Для кого?

– Не важно. Просто слушай. Мы не убьем тебя. Но если ты откажешься, мы полностью сотрем этот разговор из твоей памяти. Ты очнешься у обочины дороги на окраине какого-нибудь глухого провинциального города – Топеки или, быть может, Фарго, – без денег, без документов. И даже не будешь помнить, как ты там оказалась. Последним твоим воспоминанием останется посещение кинотеатра с тем мужчиной, которого ты сначала ограбила, а потом изуродовала.

– Он получил по заслугам! – выпалила Энди.

Роуз поднялась на цыпочки и потянулась, коснувшись пальцами крыши кемпера.

– Это твое личное дело, куколка. Я не твой психиатр.

Она не носила бюстгалтера; Энди видела под футболкой темные точки ее сосков.

– Но тебе есть о чем задуматься. Мы отберем у тебя твой дар вместе с деньгами и, как я не сомневаюсь, фальшивым удостоверением личности. В следующий раз, когда ты попытаешься усыпить очередного мужчину в темном кинозале, он повернется к тебе и спросит, что за херню ты несешь.

У Энди мороз пробежал по коже.

– Вы не сможете сделать этого.

Но потом она вспомнила ужасающе сильные руки, которые проникли ей прямо в мозг, и отчетливо поняла: эта женщина справится. Возможно, с помощью своих друзей, людей из других кемперов, что собрались вокруг машины Роуз, как поросята вокруг свиноматки, но справится.

Однако Роуз уже думала о другом.

– Сколько тебе лет, милая?

– Двадцать восемь. – Она отвечала так с тех пор, как ей пошел четвертый десяток.

Роуз посмотрела на нее с улыбкой, но ничего не сказала. А Энди, пять секунд выдержав взгляд этих прекрасных серых глаз, потупилась. И вновь увидела перед собой очертания прелестных грудей, которые отменно держали форму без помощи лифчика. А чуть выше уперлась взглядом в губы этой женщины. В эти манящие коралловые губы.

– На самом деле тебе тридцать два, – сказала Роуз. – О, это нисколько тебя не портит. Все понятно, ведь жилось тебе нелегко. Вечно в бегах. Но ты все еще очень хорошенькая. Оставайся с нами, живи среди нас, и через десять лет тебе действительно будет двадцать восемь.

– Это невозможно.

Роуз опять улыбнулась:

– Пройдет сто лет, а ты будешь выглядеть на тридцать пять и чувствовать себя соответственно. Но только в том случае, если начнешь поглощать пар. Тогда тебе действительно снова будет двадцать восемь, а внутри ты станешь совсем девчонкой. Пар ты получишь. Долгая жизнь, молодость и хорошее питание – вот что я предлагаю. Как тебе такая перспектива?

– Звучит слишком заманчиво, чтобы оказаться правдой, – ответила Энди. – Как та реклама, где тебе предлагают застраховать свою жизнь всего за десять долларов.

И она не так уж ошиблась. Роуз не лгала (по крайней мере пока), но кое о чем умалчивала. Например, о том, что пара иногда не хватало на всех. О том, что не всем было суждено пережить Трансформацию. Роуз решила, что эта молодая женщина имеет хорошие шансы, и Грецкий Орех, их доктор-самоучка, сдержанно с ней согласился, хотя предосторожности ради не дал никаких гарантий.

– И как же вы и ваши друзья себя называете?

– Они мне не друзья. Они – моя семья. А все вместе мы – Истинный Узел. – Роуз переплела пальцы и поднесла к лицу Энди. – То, что связано, не может быть развязано. Тебе следует сразу это понять.

Энди, давно проникшаяся мыслью, что однажды изнасилованная девочка уже никогда не станет неизнасилованной, понимала ее великолепно.

– У меня есть возможность выбора?

Роуз пожала плечами:

– Альтернатива выглядит не слишком заманчиво, правда? Да и лучше будет, если ты сама этого захочешь. Тогда Трансформация пройдет легче.

– А она причиняет боль? Эта ваша Трансформация?

Роуз улыбнулась и впервые нагло соврала:

– Ни малейшей.

7

Летний вечер на окраине небольшого городка на Среднем Западе.

Кто-то в это время смотрел, как Харрисон Форд щелкал своим кнутом, где-то президент-актер улыбался своей неискренней улыбкой, а здесь, во временном полевом лагере, Энди Штайнер распласталась на купленном на распродаже лежаке, подсвеченном фарами «эрскру-

зера» Роуз и чьего-то «виннебаго». Роуз уже объяснила ей, что хотя Истинный Узел владел несколькими кемпингами, этот к ним не относился, но их главный экономист всегда находил средства, чтобы арендовать такие временки целиком. Деловая активность падала, Америка стояла на грани кризиса, однако Истинные не испытывали проблем с деньгами.

– И кто же этот гениальный финансист? – спросила Энди.

– О, это действительно человек из породы победителей, – заверила Роуз с улыбкой. – Сумеет уговорить птичку слететь с дерева на ладонь. Ты с ним скоро познакомишься.

– У вас с ним особые отношения?

В ответ Роуз рассмеялась и нежно погладила Энди по щеке. От прикосновения ее пальцев Энди вдруг почувствовала жаркое волнение в животе. Безумие, но так оно и было.

– Немного прихватило? Думаю, ты справишься.

Дай-то Бог, но теперь Энди испытывала уже не волнение, а страх. В ее памяти всплыли новости о трупах, найденных в канавах, о мертвых телах на лесных полянах или на дне высохших колодцев. Почти всегда это оказывались тела девушек. Роуз ее почти не пугала – рядом были другие женщины, – но ее пугали мужчины.

Роуз опустилась рядом с ней на колени. Яркий свет автомобильных фар должен был бы превратить ее лицо в неприятную маску из белой кожи, исполосованной черными тенями, но на самом деле она стала еще красивее. Она снова погладила щеку Энди.

– Не надо страха. Ничего не бойся.

Затем Роуз повернулась к одной из женщин – неброскому созданию, которое звали Тихоня Сари, – и кивнула ей. Та кивнула в ответ и скрылась внутри огромного кемпера Роуз. Тем временем остальные начали выстраиваться вокруг лежака. Энди стало жутковато. Происходящее напоминало *жертвоприношение*.

– Ничего не бойся. Скоро ты станешь одной из нас. Войдешь в нашу семью.

Так и будет, думала Роуз, если только ты не выпадешь из цикла. Иначе нам останется только сжечь твою одежду в бочке позади общественной уборной, а завтра двинуться дальше. Попытка не пытка.

Но она от души надеялась, что ничего плохого не произойдет. Ей нравилась Энди, а ее талант усыплять мог им очень пригодиться.

Сари вернулась с металлическим сосудом, напоминавшим термос. Она передала его Роуз, которая отвинтила красную крышку. Под ней были распылитель и клапан. Этот баллон напомнил Энди средство от тараканов. Ей отчаянно захотелось вскочить с лежака и пуститься в бегство, но воспоминание о кинотеатре подействовало отрезвляюще. Руки, проникшие в голову, не дававшие вырваться.

– Дедушка Флик? – позвала Роуз. – Не согласитесь ли возглавить церемонию?

– С превеликим удовольствием, – отозвался старик из кинотеатра. На нем были просторные розовые шорты в бермудском стиле, белые гольфы, скрывавшие костлявые ноги почти до колен, и сандалии, в каких обычно изображают Иисуса. Энди он напомнил дедушку Уолтона⁴ после пары лет в концлагере. Он поднял руки, и остальные последовали его примеру. Темные силуэты в ярком свете фар походили на странную цепочку бумажных кукол.

– Мы Истинный Узел, – провозгласил Дедушка Флик. Голос, исходивший из его впалой груди, больше не дрожал: это был густой, сочный бас гораздо более молодого и сильного мужчины.

– Мы Истинный Узел, – повторили они. – То, что связано по-настоящему крепко, развязать невозможно.

– Перед нами женщина, – продолжал Дедушка Флик. – Присоединится ли она к нам? Свяжет ли свою жизнь с нашими, будет ли одной из нас?

⁴ Персонаж популярного телесериала «Уолтоны».

– Скажи «да», – велела Роуз.

– Д-да, – выдавила Энди. Ее сердце уже не билось, а вибрировало как струна.

Роуз открыла клапан сосуда. Раздался чуть слышный печальный вздох, и появилось облачко серебристого тумана. Казалось, его должен был немедленно развеять легкий вечерний бриз, но оно висело над сосудом до тех пор, пока Роуз не наклонилась чуть вперед и не подула своими бесподобными коралловыми губами. Облачко – немного похожее на выноски в комиксах, но без слов – поплыло и остановилось в точности над поднятой к небу головой Энди. Ее глаза были широко распахнуты.

– Мы Истинный Узел, и мы выстоим, – возвестил Дедушка Флик.

– *Sabbatha hanti*, – хором произнесли остальные.

Туман начал опускаться. Очень медленно.

– Мы Избранные.

– *Lodsam hanti*, – отозвались другие.

– Дыши глубоко, – сказала Роуз и мягко поцеловала Энди в щеку. – Увидимся на той стороне.

Может быть.

– Мы счастливейшие из счастливых.

– *Cahanna risone hanti*.

А потом подхватили все вместе:

– Мы Истинный Узел, и мы...

Но Энди уже ничего не слышала и не видела. Серебристое вещество легло ей на лицо, и стало холодно, очень холодно. Когда она вдохнула его, оно зажило своей собственной мрачной жизнью и подняло внутри ее громкий крик. Ребенок, сотканный из этого тумана – она не могла разобрать, мальчик или девочка, – старался спастись бегством, но кто-то резал его. Роуз резала, а остальные окружили ее (тесным узлом) и включили десятки фонариков, освещая долгое и медленное убийство.

Энди попыталась вскочить со своего ложа, но обнаружила, что у нее больше нет тела, которым можно управлять. Ее тела уже не существовало. Осталась только боль в образе человеческого существа. Боль умирающего ребенка и ее собственная боль.

Прими это. Мысль стала подобием холодной целительной повязки, наложенной на открытую рану, в которую превратилось ее тело. *Это единственный способ перейти на другую сторону.*

Я не могу. Я ведь всю свою жизнь бежала именно от этой боли.

Возможно. Но сейчас тебе бежать некуда. Прими это. Проглоти. Впитай в себя пар или умири.

8

Истинные стояли, воздев руки и нараспев повторяя древние слова: *sabbatha hanti, lodsam hanti, cahanna risone hanti*. Они наблюдали, как блузка Энди Штайнер вдруг стала плоской там, где только что обрисовывались очертания груди, как ее юбка легла складками, похожими на поджатые губы. Они следили за ее лицом, приобретшим цвет разбавленного водой молока. Только ее глаза оставались прежними, хотя вращались, словно два надувных шарика, на ниточках нервных окончаний.

Но и они сейчас исчезнут, подумал Грецкий Орех. *Она недостаточно сильна. Я думал, ей хватит энергии, но ошибался. Вероятно, она еще вернется пару раз собственной тенью, а потом окончательно выпадет из цикла. Ничего не останется, кроме груды тряпок.*

Он попробовал вспомнить собственное Превращение, но в памяти всплывала только полная луна над головой, а еще большой костер вместо света фар. Костер, ржание лошадей...

и боль. Можно ли на самом деле по-настоящему вспомнить ту боль? Едва ли. Ты помнишь только, что было больно, но никогда не сможешь пережить это ощущение снова.

Лицо Энди возникло подобно привидению над столом медиума. Ее блузка натянулась, приняв очертания плоти, под юбкой обрисовались бедра, тоже вернувшиеся в этот мир. И она издала крик предсмертной агонии.

– *Мы Истинный Узел, и мы выстоим*, – пропели остальные, стоя в перекрестных лучах фар. – *Sabbatha hanti. Мы Избранные, lodsam hanti. Мы счастливейшие из счастливых, cahanna risone hanti.*

Они не замолчат, пока все не закончится. Так или иначе, оставалось уже недолго.

Энди снова начала исчезать. Ее тело сделалось похожим на почти прозрачное, лишь слегка затемненное стекло, сквозь которое Избранные могли видеть скелет и жутковатую усмешку черепа с мерцающими в зубах серебряными пломбами. Глаза закатились в глазницах, которых, по сути, уже не существовало. Энди продолжала кричать, но звук стал слабым эхом, как будто истинный его источник находился где-то в конце длинного коридора.

9

Роуз решила было, что она сдалась, как делали все они, когда боль становилась невыносимой, но эта крошка оказалась крепкой. Она вновь и вновь возникала из небытия, не переставая кричать. Ее вновь материализовавшиеся руки вцепились в Роуз и с отчаянной силой притянули к себе. Роуз не сопротивлялась и почти не замечала боли.

– Я знаю, чего тебе хочется, куколка. Возвращайся и получишь это.

Она склонилась совсем низко, лаская верхнюю губу Энди языком, пока та не превратилась в туман. Но глаза Энди продолжали смотреть на Роуз.

– *Sabbatha hanti*, – пели они. – *Lodsam hanti. Cahanna risone hanti.*

И лицо Энди вернулось, постепенно возникло вокруг ее выпученных, исполненных мучительной боли глаз. За лицом последовало все тело. Лишь мгновение Роуз видела кости державшей ее руки, а потом они обросли плотью.

Роуз еще раз поцеловала Энди. Превозмогая боль, та ответила на поцелуй, и Роуз вдохнула частичку самой себя прямо ей в горло.

Я ее хочу. И я всегда получаю то, чего хочу.

Энди начала пропадать, но Роуз уже видела, что она побеждает, больше не выталкивая из себя, а втягивая с криками в легкие новую жизненную силу.

Ее организм принял первую дозу пара.

10

Новый член Истинного Узла провела эту ночь в постели с Роуз О'Хара и впервые в жизни осознала, что секс – это не только страдания и страх. От криков на лужайке у нее воспалилось горло, но она снова закричала, когда это чувство – наслаждение, сравнимое по остроте только с болью Трансформации, – овладело ею и будто сделало ее тело опять прозрачным.

– Не сдерживайся, ори во всю мощь, – сказала Роуз, чья голова покоилась где-то между ног Энди. – Здесь все привыкли к крикам – как мучительным, так и радостным.

– Неужели все получают от секса такое удовольствие?

И если да, чего же она лишилась! Какое подлинное богатство украл у нее мерзавец отец! А люди считали воровкой ее *саму*. Какая злая ирония судьбы!

– Мы получаем, когда принимаем пар, – ответила Роуз. – Это все, что тебе нужно знать. Она опустила голову ниже, и наслаждение вернулось.

11

Незадолго до полуночи Чарли Жетон и Русская Баба сидели на нижней ступеньке кемпера Чарли, курили один косяк на двоих и любовались луной. Из «эрскрузера» Роуз доносились стоны и крики.

Чарли и Баба многозначительно переглянулись.

– Кому-то определенно нравится это дело, – сказала она.

– А есть такие, кому не нравится? – ухмыльнулся он.

12

Энди проснулась с первыми лучами солнца. Ее голова покоилась на груди Роуз. Она чувствовала себя совершенно другой; она чувствовала себя прежней. Энди приподняла голову и увидела, что Роуз смотрит на нее своими изумительными серыми глазами.

– Ты спасла меня, – сказала Энди. – Ты вернула меня из небытия.

– Тебе по силам было сделать это самой. Ты слишком хотела жить.

Причем во всех смыслах этого слова, куколка.

– А то, чем мы занимались потом... Мы ведь не сможем заняться этим снова, верно?

Роуз с улыбкой помотала головой:

– Нет. И в этом наше счастье. Бывают ощущения, лучше которых ничего нет. Кроме того, сегодня возвращается мой мужчина.

– Как его зовут?

– Он отзывается на Генри Ротмана, но это для лохов. Его Истинное имя – Папаша Ворон.

– Ты любишь его? Да, любишь. Я чувствую это.

Роуз снова улыбнулась, привлекла Энди к себе и поцеловала. Но на ее вопрос не ответила.

– Роуз?

– Да?

– А я все еще... человек?

На это Роуз дала такой же ответ, какой Дик Холлоран дал однажды Дэнни Торрансу, причем столь же холодным и бесстрастным тоном:

– А тебе не все равно?

Энди решила, что ей действительно без разницы. Ей было хорошо, как будто она вернулась домой.

Мама

1

Его преследовала цепочка кошмарных снов – кто-то размахивал молотком и гонялся за ним по бесконечным коридорам, лифт то спускался, то поднимался сам по себе, звери из подстриженной живой изгороди начинали двигаться и набрасывались на него, – которая оборвалась одной предельно ясной мыслью: *Лучше бы я умер.*

Дэн Торранс приоткрыл глаза. Сквозь них лучи солнца ударили прямо в его больную голову, угрожая спалить в огне мозг. Вот это похмелье так похмелье! Все его лицо пульсировало. Ноздри были забиты. Оставалась лишь крохотная дырочка в левой, через которую он мог втянуть немного воздуха. В левой? Нет, это была правая ноздря. Он, конечно, мог дышать через рот, но в нем стоял отвратительный привкус виски и сигарет. В желудке словно лежал свинцовый шар, настолько он был забит всякой дрянью. *Похмельное брюхо*, как называл это отвратительное ощущение какой-то из его собутельников.

Где-то рядом раздавался громкий храп. Дэн повернул на звук голову, хотя шея протестующе закричала, а виски пронзил новый приступ боли. Он снова приоткрыл глаза, но лишь на самую малость: спасибо, но солнца с него хватит. По крайней мере пока. Он лежал на голом матрасе, который, в свою очередь, лежал на голом полу. Здесь же разметалась на спине голая женщина. Дэн бросил взгляд вниз и обнаружил, что и сам не обременен ни одним предметом одежды.

Ее имя... Долорес? Нет. Дебби? Уже теплее, но все еще не то...

Дини. Ее звали Дини. Он познакомился с ней в баре «Млечный Путь», и они весело проводили время, пока...

Он не мог вспомнить, а осмотрев свои руки, распухшие, с ободранными и окровавленными костяшками, решил, что, пожалуй, не хочет ни о чем вспоминать. Да и какой от этого прок? Сценарий был один. Он напивался, кто-то говорил ему гадость, и далее следовали хаос и мордобой. У него в голове словно обитала злобная собака. Трезвый, он умел держать ее на подводке. Но стоило перебраться, и поводок обрывался. *Кончится тем, что я однажды кого-нибудь убью.* Он подозревал, что вполне мог сделать это прошлой ночью.

Эй, Дини, приласкай мои мудини...

Неужели он это сказал? Ужасно, но в том состоянии он мог ляпнуть что угодно. Кое-какие подробности начали вспоминаться, и их оказалось больше чем достаточно. Он играл в бильярд. Изначально хотел лишь немного подкрутить шар, но сильно царапнул его кием, и перепачканный мелом сукин сын вылетел со стола и, подпрыгивая, подкатился к музыкальному автомату, из которого звучала – что же еще? – музыка в стиле кантри. По крайней мере ему вспомнился голос Джо Диффи. С чего это его так понесло? А с того, что он был сильно пьян, позади стояла Дини и под столом ласкала его именно там, где он просил. Он же играл эффектно, чтобы произвести на нее впечатление. Все бы ничего, но тут мелкий идиот в бейсболке и модной шелковой ковбойской рубашке решил посмеяться над ними, и это было его большой ошибкой.

Хаос и мордобой.

Дэн коснулся рта и обнаружил пухлые сосиски на том месте, где еще вчера находились губы. Вчера, когда он вышел из банка, обналичив чек на пятьсот с лишним долларов. Деньги, как помнилось, он положил в передний карман джинсов.

По крайней мере у меня, кажется, все зубы...

В его желудке заурчало. Кислая жидкость с привкусом виски заполнила рот, но он сумел вовремя сглотнуть. Обжигая пищевод, отравя стекла вниз. Дэн перевалился с матраса на пол, встал на колени, потом, пошатываясь, поднялся на ноги, но его тут же качнуло, словно стены комнаты танцевали медленное танго. Он страдал от жутчайшего похмелья, голова раскалывалась, а в кишках крутились остатки той дешевой пищи, которой он пытался закусывать пойло... и он все еще был изрядно пьян.

Подцепив с пола трусы, он направился с ними в ванную, не то чтобы прихрамывая, однако явно щадя левую ногу. Ему смутно вспомнилось – и он уж точно мог обойтись без подробностей, – как ковбой в бейсболке метнул в него стул. В тот момент они с Дини уже спешили сбежать из бара, несколько не напуганные, а, наоборот, смеясь как два малолетних идиота.

Еще один позыв из протестующего желудка. На этот раз чувство было такое, словно кто-то запустил ему внутрь руку в резиновой перчатке. Рвота поднималась к горлу: укусный привкус крутых яиц из большой стеклянной банки, шкварок под соусом барбекю, картофеля фри, утопающего в кровавом озерце кетчупа, – всего того, что он запихивал в себя вчера между порциями виски. Он понял, что его сейчас вырвет, а в голову продолжали назойливо лезть тошнотворные образы, сменяя друг друга, как на игровом барабане в каком-то кошмарном шоу.

И что же выиграл наш очередной счастливчик, Джонни? Ты себе даже не представляешь, Боб! Это огромное, просто гигантское, блюдо ЖИРНЫХ САРДИН!

К счастью, ванную отделял от спальни только короткий коридор. Дверь стояла открытой, сиденье на унитазе было поднято. Дэн рванулся к нему, упал на колени и выпустил из себя желто-коричневый поток вверх уже плававшего в унитазе дерьма. Он немедленно отвернулся, стал нащаривать кнопку смыва, нашел и надавил на нее. Хлынул поток воды, но звука уходящей в трубу жидкости не последовало. Он повернулся к унитазу и увидел более чем тревожное зрелище: говно (возможно, его собственное) вместе с рвотной массой стремительно поднималось к верхней кромке. И лишь за мгновение до того, как все это выплеснулось на пол, превратив банально ужасное утро в нечто неправдоподобно отвратительное, из трубы донесся хрип, затор прорвало, и гадкую массу утянуло в недра канализации. Дэна вырвало еще раз, а потом он, сидя на корточках, оперся спиной о стену ванной и дождался, пока бачок наполнится вновь для повторного смыва.

Все, больше это не повторится, клянусь. Никакой выпивки, никаких баров, никаких драк. Это обещание он давал себе в сотый раз. Если не в тысячный.

В одном он не сомневался: нужно как можно скорее выбираться из этого города, чтобы избежать неприятностей. Не исключено, что *серьезных*.

Джонни, какой приз ты приготовил для победителя этого раунда? Поразительно, Боб! ДВА ГОДА ТЮРЬМЫ ОБЩЕГО РЕЖИМА ЗА ДРАКУ С НАНЕСЕНИЕМ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ!

Приз – в студию! Аудитория с ума сходит от восторга.

Бачок наполнился, и вода перестала журчать. Он дотянулся до кнопки, чтобы продолжить вторую часть представления под названием «Наутро после», но вдруг его рука замерла. Ему почудилось, что он начисто потерял память. Помнит ли он, как его зовут? Да! Дэниел Энтони Торранс. Помнит ли он, как зовут девицу, которая спит на матрасе в гостиной? Да! Дини. Фамилия? Но она едва ли называла ему вчера свою фамилию. Помнит ли он, кто у нас сейчас президент?

К своему ужасу, Дэн не помнил. Такой молодежавый тип с прической под Элвиса Пресли, который еще играет на саксофоне, довольно паршиво. Но как его зовут?..

А ты хотя бы знаешь, где находишься?

В Кливленде? В Чарлстоне? В одном из этих двух городов, точно.

Стоило ему спустить воду, как в памяти мгновенно всплыла фамилия президента вместе с тем фактом, что он сейчас не в Кливленде и не в Чарлстоне, а в Уилмингтоне, штат Север-

ная Каролина. Он работает санитаром в больнице Пресвятой Девы Марии. Или, вернее, работал. Настало время двигаться дальше. Если бы ему удалось найти подходящее место, *действительно хорошее* место, он, возможно, сумел бы завязать и начать новую жизнь.

Он поднялся и посмотрел на себя в зеркало. Урон оказался не так велик, как он опасался. Нос распух, но не был сломан. Он бы это почувствовал. Полоски крови запеклись над раздутой верхней губой. По правой скуле растекся синяк (должно быть, тот ковбой оказался левшой), причем прямо по центру красовался отпечаток перстня, откуда сочилась сукровица. Еще один синяк, и немаленький, виднелся на левом плече. Туда вроде пришелся удар бильярдного кия.

Дэн заглянул в шкафчик над раковиной, где обычно хранят лекарства. Среди обычного набора косметики и таблеток он обнаружил три рецептурных медикамента. Первым попался дефлюкан от грибковых инфекций. Оставалось только порадоваться, что ему в свое время сделали обрезание. Затем он нашел дарвон, обнаружил в нем несколько капсул и сунул три себе в карман на будущее. Потом, к счастью, отыскался и фиорицет – почти полная пачка. Он принял сразу три таблетки и запил водой из-под крана. От манипуляций над унитазом голова у него разболелась еще сильнее, но теперь он мог рассчитывать на скорое облегчение. Как правило, применяющийся против мигреней фиорицет был также проверенным убийцей похмелья. Впрочем, никаких гарантий никто, конечно же, не давал.

Уже закрывая дверцу, он решил проверить кое-что еще, но, порывшись в содержимом шкафчика, никаких противозачаточных средств не обнаружил. Возможно, она носила пилюли в сумочке. Лучше бы так, потому что Дэн презервативами не пользовался. И если он ее трахнул – а это было более чем вероятно, хотя в памяти ничего не осталось, – у девушки могли возникнуть проблемы.

Облачившись наконец в трусы, он вернулся в комнату и на минуту задержался на пороге, рассматривая молодую женщину, которая притащила его прошлой ночью к себе домой. Дини раскинула руки и ноги, вся нараспашку. Вчера вечером она казалась ему богиней Западного полушария в кожаной мини-юбке и сандалиях на пробковой подошве, с короткой стрижкой и огромными кольцами в ушах. Утром же перед ним предстала груда несколько расплывшейся алкоголической плоти, у которой намечался второй подбородок.

Но он разглядел и кое-что похуже. Это была не взрослая женщина. Вероятно, тюрьма ему все-таки не грозит (Господи, только не это!), но двадцати ей еще нет. У него мороз пробежал по коже, когда на одной из стен он увидел плакат с портретом девичьего кумира – изрыгающего огонь Джина Симмонса из группы «КИСС». С другой стены удивленными глазенками смотрел на мир милый котенок, свисавший с ветки дерева. «ДЕРЖИСЬ, КРОШКА!» – призывал плакат.

Необходимо было срочно уносить отсюда ноги.

Их одежда валялась на матрасе одним комком. Он отделил от ее трусиков свою футболку, натянул и влез в джинсы. Потом застыл на месте, не застегнув до конца «молнию» ширинки, чувствуя, что передний левый карман больше не оттопыривается так, как вчера, после дневного посещения банка.

Нет. Не может быть.

Его голова, которая только-только стала отходить от боли, снова начала пульсировать, а сердцебиение заметно участилось. Сунув руку глубже в карман, он нашарил в нем смятую десятку и две зубочистки, одна из которых вонзилась под ноготь указательного пальца. Но он едва ли заметил это.

Мы не могли пропить пять сотен долларов. Никак не могли. От такого количества спиртного можно концы отдать.

Бумажник по-прежнему лежал в заднем кармане. Он достал его, все еще на что-то надеясь, но испытал лишь разочарование. Должно быть, он сам в какой-то момент переложил

десятку из бумажника в передний карман, куда было труднее добраться орудовавшим в барах мелким воришкам, хотя сейчас это выглядело просто глупо.

Он посмотрел на распластанное храпящее существо, на эту полуженщину-полудевочку, и захотел наброситься на нее, встряхнуть, разбудить, спросить, куда она дела такую хренову кучу денег. Слегка придушить, если понадобится. Но потом задумался. Если она его обокрала, то зачем привела к себе домой? И не могло ли существовать другого объяснения пропажи пятисот баксов? Не продолжили ли они искать на свои задницы приключений, уже покинув «Млечный Путь»? Теперь, когда в голове немного прояснилось, в ней мелькнуло смутное, но вполне продуктивное воспоминание, как они брали такси до железнодорожного вокзала.

Я знаю одного парня, который там приторговывает.

Это действительно ее слова, или всего лишь игра его воображения?

Нет, она это говорила. Я в Уилмингтоне, Билл Клинтон – президент США, а мы с ней на самом деле ездили на вокзал. И там был тип из тех, что предпочитают делать свой бизнес в мужском сортире, особенно если лицо клиента выглядит, скажем прямо, непрезентабельно. А когда он спросил, кто это меня так, я сказал ему...

– Я посоветовал ему заняться своим дерьмом, – пробормотал Дэн.

Когда они вошли внутрь, Дэн собирался купить всего грамм, чтобы осчастливить свою случайную подружку, и это при условии, что в порошке не будет маннита. Дини, может, и обожала кокаин, но Дэн его недолюбливал. Этот анацин для богатых был ему не по карману. А затем из кабинки вышел некто. С виду бизнесмен с чемоданчиком-«дипломатом». И когда мистер Бизнесмен принялся мыть руки в одной из раковин, Дэн вдруг увидел, что по его лицу ползают мухи.

Трупные мухи. Мистер Бизнесмен был ходячим мертвецом, но не подозревал об этом.

И тогда вместо мелкой дозы наркотика он купил крупную. А может, передумал в последний момент. Все равно он ничего не запомнил. Почти ничего.

Но ведь я запомнил мух.

Да, это четко врезалось в память. Спиртное притупляло сияние, почти полностью отключало его, но он даже не был уверен, что сияние и мухи связаны между собой. Мухи появлялись, когда выпадал случай, независимо от того, был ты пьян или трезв.

Он снова подумал: *Надо поскорее уносить отсюда ноги.*

Он снова подумал: *Лучше бы я умер.*

2

Дини негромко фыркнула во сне и отвернулась от немилосердно жарких лучей солнца. Матрас был единственным предметом мебели в спальне – отсутствовала даже самая захудалая прикроватная тумбочка. Дверца стенного шкафа стояла открытой, и Дэн мог видеть почти весь скудный гардероб Дини, который был поделен на части и кучами свален в две большие пластмассовые бельевые корзины. Несколько вещей на вешалках явно предназначались для походов по барам. Он видел красную футболку с надписью «КРУТАЯ ДЕВЧОНКА», вышитой блестками на груди, и джинсовую юбку с разлохмаченным по последней моде подолом. Из обуви наличествовали две пары кроссовок, две пары «лодочек» на плоской подошве и туфли на высоченных шпильках из серии «трахни меня». Но ни следа пробковых сандалий, как и, если задуматься, его собственных сильно поношенных «рибоков».

Дэн не помнил, как они скинули обувь, когда вошли, но если они это сделали, то в гостиной, которую он смутно припоминал. Кстати, там же могла обнаружиться и ее сумочка. Существовала вероятность, что он сам отдал ей на хранение остатки наличности. Вероятность ничтожная, но ее нельзя было так просто сбрасывать со счетов.

И он потащил свою большую голову по короткому коридору туда, где, как он предполагал, могла находиться вторая – и последняя – комната в этой квартирке. В дальнем углу располагалась крошечная кухонька, оборудованная только электрической плитой и холодильником типа гостиничных мини-баров, задвинутым под заменявшую стол стойку. В гостиной главенствовал старый диван с вылезшей местами обивкой, подпертый с одного края кирпичами. Перед ним стоял большой телевизор с трещиной по центру экрана. Трещина была залеплена куском упаковочной ленты, успевшей с одной стороны отклеиться. К ленте прилипли две мухи, одна из которых еще предпринимала вялые попытки вырваться на свободу. Дэн наблюдал за ней с мрачным удовлетворением, отмечая (уже далеко не впервые), что с похмелья его взгляд обладал паразитической способностью находить самое гадкое в любой обстановке.

Перед диваном располагался журнальный столик. На нем Дэн увидел пепельницу, полную окурков, пакет с белым порошком и старый номер журнала «Пипл», засыпанный тем же порошком. Рядом, довершая картину, валялся бумажный доллар, все еще свернутый в трубочку. Дэн понятия не имел, как сильно они вчера нанюхались, но, судя по оставшемуся в пакете количеству порошка, он мог сразу распрощаться со своими пятьюстами долларами.

Дерьмо. Я ведь не люблю кокаин! И кстати, как я его нюхал с таким забитым носом?

Только он его не нюхал. Это делала *она*. Он втирал кокаин себе в десны. Воспоминания возвращались. Дэн предпочел бы ничего не вспоминать, но было слишком поздно.

Трупные мухи в туалете, выползавшие изо рта мистера Бизнесмена и разгуливавшие по увлажненной поверхности его глаз. Мистер Наркотоорговец, спрашивающий, на что так пристально пялится Дэн. Он ответил: ни на что, какая разница? Попросил сказать, какой есть товар и сколько. Как выяснилось, порошка у мистера Наркотоорговца было больше чем достаточно. Чего, впрочем, следовало ожидать. Потом они снова взяли такси, чтобы добраться до квартиры Дини, причем она начала нюхать с руки прямо в автомобиле – настолько ей хотелось порошка, настолько он был ей необходим. Она не могла подождать даже самую малость. Еще они, помнится, попытались спеть дуэтом «Мистера Робото».

Ее сандалии и его кроссовки лежали почти у самого порога, и это пробудило еще порцию «бесценных» воспоминаний. Она не скинула сандалии, а дала им упасть, потому что к тому моменту его руки уже плотно лежали на ее ягодицах, а она сама обвилась ногами вокруг его талии. От ее шеи исходил аромат духов, но изо рта несло шкварками под соусом барбекю. Они заказали огромную порцию на двоих, после чего и решили сыграть в бильярд.

Дэн сунул ноги в кроссовки и отправился в кухню, прикидывая, не найдется ли в одионом шкафчике растворимого кофе. Его там не оказалось, зато в коридоре на полу действительно валялась ее сумочка. Вроде бы он вспомнил, как она нетвердой рукой попыталась швырнуть ее на диван, но, промахнувшись, залилась смехом. Половина содержимого вывалилась на пол, и в том числе красный бумажник из искусственной кожи. Он запихнул все внутрь и захватил сумочку на кухню. Хотя он прекрасно знал, что его деньги теперь мирно почивали в одном из карманов дизайнерских джинсов мистера Наркотоорговца, в нем жила надежда, что *хоть что-то* осталось, основанная лишь на его желании, чтобы *хоть что-то* осталось. Десятки хватит на три порции виски или две упаковки пива, но сегодня ему явно потребуется больше.

Он снова выудил из сумочки бумажник и открыл его. В нем обнаружилось несколько фотографий – Дини с каким-то парнем, слишком на нее похожим, чтобы не быть родственником, Дини с младенцем на руках, и еще был снимок, где она стояла в вечернем платье рядом с мальчишкой с торчащими передними зубами, одетым в жуткий голубой смокинг. Отделение для денег на ощупь оказалось весьма пухлым. Но радость продлилась недолго. Раскрыв его, он нашел лишь толстую пачку продовольственных талонов. Хотя было и немного наличных: две двадчатки и три десятки.

Это мои деньги. По крайней мере то, что от них осталось.

Но в глубине души он знал правду. На самом деле он бы никогда не отдал на хранение случайно снятой размалеванной девице даже остатки своей недельной зарплаты. Деньги принадлежали ей.

Да, но разве покупка кокаина не была ее идеей? Не из-за нее ли он этим утром стал похмельным банкротом?

Нет. Ты страдаешь с бодуна, потому что ты пьянь. А без денег ты остался, когда увидел трупных мух.

В этом была доля правды, но ведь если бы она не настояла на поездке к вокзалу, чтобы добавить к выпивке порошка, он бы и не увидел тех трупных мух.

Ей нужны эти семьдесят долларов на продукты.

Верно. Банка арахисового масла и банка клубничного джема. Еще буханка хлеба, чтобы сделать бутерброды. На остальное ей хватит продовольственных талонов.

Или на оплату квартиры. Ей понадобятся деньги для этого.

Если ей нужны деньги на жилье, пусть толкнет кому-нибудь свой огромный телевизор. Быть может, тот наркоторговец возьмет его, несмотря на трещину в экране. И потом, семидесяти долларов явно недостаточно, чтобы рассчитаться за месяц аренды даже такой халупы, как эта.

Они не твои, док. Это был голос его матушки. Последнее, что он хотел услышать с похмелья, борясь с отчаянным желанием выпить.

– Отцепись, мам, – сказал он чуть слышно, но очень искренне. Потом взял деньги, сунул себе в карман, закрыл бумажник, снова убрал его в сумочку и оглянулся.

Там стоял ребенок.

На вид ему было годика полтора. В футболке с надписью «Атланта брейвз», которая доходила ему до колен, но внизу все равно торчал подгузник. Он был так полон, что свисал к самым лодыжкам. Сердце Дэна подпрыгнуло в груди, а в голове застучало с такой силой, словно внутри ее размахивал своим молотом Тор. Несколько секунд он пребывал в абсолютной уверенности, что его хватит либо инфаркт, либо инсульт, либо то и другое одновременно.

Он набрал в легкие побольше воздуха и медленно выдохнул.

– А ты откуда взялся, маленький герой?

– Мама, – сказал малыш.

Что в каком-то смысле было абсолютно верным ответом на вопрос – Дэн тоже когда-то взялся именно из лона своей матери. Только сейчас его интересовало другое. Как он ни противился, в недрах воспаленного мозга начало формироваться неприятное умозаключение.

Он видел, как ты взял деньги.

Что ж, пусть так. Тоже мне открытие! Если даже малец видел, как он перекладывал доллары к себе в карман, что с того? Ему еще и двух лет нет. Дети в таком возрасте считают правильным все, что делают взрослые. Даже если бы он увидел, как его мама ходит по потолку и мечет из кончиков пальцев молнии, воспринял бы это как должное.

– Как тебя зовут, герой? – Голос Дэна подрагивал в такт с ударами сердца, которое до сих пор не могло успокоиться.

– Мама.

В самом деле? Представляю, как подняли бы тебя на смех другие мальчишки, ляпни ты такое в школе.

– Ты живешь в соседней квартире? Дальше по коридору?

Пожалуйста, ответь «да». Потому что гораздо более мрачное умозаключение состояло вот в чем: если это был сынишка Дини, то она вчера отправилась шляться по барам, заперев его в этой дерьмовой дыре. Совершенно одного.

– Мама!

Но потом малыш заметил на журнальном столике кокаин и потопал в ту сторону с набрякшим влагой подгузником между ног.

– Саха!

– Нет, это не сахар, – поспешил сказать Дэн, хотя для многих носов не было ничего слаще.

Не обращая на гостя никакого внимания, дитя протянуло руку к белому порошку. И Дэну бросились в глаза синяки на тощем предплечье. Какие обычно оставляет взрослая рука.

Он ухватил ребенка за пояс и за ноги. И когда оттаскивал мальчика от стола (из насквозь промокшего подгузника устремился на пол ручеек мочи), в его голове возникла краткая, но мучительно четкая картина: тот парень с фото, так похожий на Дини, грубо вцепляется в малыша и начинает трясти его. Оставляя отпечатки своих пальцев.

(Эй Томми какую часть пошел на хер тебе растолковать?)

(Рэнди перестань он же еще совсем маленький)

А потом образ исчез. Второй голос, слабый и не слишком настойчивый, принадлежал Дини, и Дэн понял, что Рэнди – ее старший брат. В таком случае все сходилось. Не всегда над маленькими детьми издевались любовники матерей. Иногда это были братья. Иногда дяди. Иногда

(выходи жалкий щенок выходи и получи по заслугам)

даже старые добрые папаши.

Он отнес мальчика – Томми, его звали Томми – в спальню. Увидев мать, тот сразу начал извиваться в руках Дэна.

– Мама! Мама! Мама!

Когда Дэн опустил его на пол, Томми бросился к матрасу и пристроился рядом с Дини. Она так и не проснулась, но обняла сына и прижала к себе. Футболка задралась, и Дэн увидел, что бедра ребенка тоже покрыты синяками.

Ее брата зовут Рэнди. Мне не составит труда найти его.

Мысль была холодной и прозрачной, как январский лед на озере. Он действительно мог взять фото из бумажника, сосредоточиться, забыв про стук в голове, и с большой долей вероятности найти ее старшего братца.

Я бы тоже поставил ему несколько синяков. И предупредил, что в следующий раз просто убью.

Вот только никакого следующего раза не предвиделось. Он покончил с Уилмингтоном. Он никогда больше не увидит Дини и не вернется в эту дыру. Постарается не вспоминать ни о вчерашнем вечере, ни о сегодняшнем утре.

На этот раз до него донесся голос Дика Холлорана: *Нет, милый. Ты можешь запереть в железные ящики гадости из «Оверлука», но от воспоминаний так просто не отделаться. Особенно от таких. Это и есть подлинные призраки.*

Он стоял в дверях и смотрел на Дини с ее несчастным малышом. Мальчик почти мгновенно уснул, и в лучах утреннего света мать с сыном напоминали ангелов.

Она далеко не ангел. Пусть она не была своего сына, но отправилась развлекаться, бросив его на произвол судьбы совсем одного. И если бы тебя не было здесь, когда он проснулся и вошел в гостиную...

Саха, так называл наркоту этот малыш. Ужасно. Необходимо что-то делать.

Да, но только я сам ничего не могу сделать. Хорош я буду, если явлюсь в таком виде в полицию и пожалуюсь на жестокое обращение с ребенком. С разукрашенной физиономией, благоухая алкоголем и блевотой. Просто идеал образцового гражданина, выполняющего свой долг.

Но ты можешь вернуть ей деньги, сказала Уэнди. Ничто тебе не мешает.

И он почти это сделал. Достал наличные из кармана, взял в правую руку, а потом пошел за ее сумочкой. Несколько шагов стали для него весьма полезной прогулкой, потому что ему в голову пришла идея.

Если уж тебе нужно что-то забрать, забирай кокаин. Ты сможешь продать остаток за сотню баксов. Может быть, даже за две сотни при условии, что там еще осталось достаточно много.

Вот только если потенциальный покупатель окажется полицейским под прикрытием – а ему всегда везло как утопленнику, – он попадет за решетку. И к торговле порошком присовокупят все, что он успел вчера по глупости натворить в «Млечном Пути». Забрать наличные было куда безопаснее. Пусть всего семьдесят баксов.

Надо поделить деньги, решил он. Сорок ей, тридцать мне.

Нет, тридцатка его не спасет. А у нее пухлая пачка талонов, которой подавилась бы любая лошадь. На них можно кормить ребенка очень долго.

Он взял пакет с кокаином и журнал «Пипл» и положил на кухонную стойку, где малышу до них было не добраться. Нашел в раковине губку и использовал ее, чтобы тщательно стереть остатки кокаина с журнального столика. При этом он твердил себе, что, если она сейчас проснется и войдет на нетвердых ногах в гостиную, застав его за этим занятием, он вернет ей чертовы деньги. А если останется храпеть, значит, заслужила свою участь.

Дини не появилась. Она продолжала храпеть.

Дэн закончил с очисткой столика, кинул губку в раковину и задумался, не оставить ли прощальную записку. Да, но что он в ней напишет? *Присматривай лучше за своим ребенком. И между прочим, я забрал у тебя последние деньги.* Так, что ли?

Ладно, обойдемся без записки.

Он ушел с деньгами в левом переднем кармане джинсов, аккуратно придерживая дверь, чтобы не хлопнула. Ему удалось внушить себе, что он поступает разумно.

3

Около полудня, когда похмелье почти отступило под воздействием одолженных у Дини фиорицета и дарвона, он набрел на заведение под вывеской «Золотая скидка», где продавали дешевое пойло и импортное пиво. Располагалось оно в старой части города, где все дома были кирпичными, тротуары пустовали, а на каждом углу попадались ломбарды (витрина каждого щеголяла прекрасной выставкой опасных бритв). Он намеревался купить очень большую бутылку самого дешевого виски, но увиденное перед входом в магазин заставило его изменить планы. Это была украденная из супермаркета тележка, доверху набитая безумными пожитками какого-то бездомного бродяги. Хозяин тележки в этот момент находился внутри магазина, где скандалил с продавцом. Поверх всего остального в тележке лежало одеяло, свернутое в рулон и обвязанное кусками бечевки. Дэн заметил на одеяле пару грязных пятен, но в целом оно выглядело очень прилично. Он схватил его, сунул под мышку и быстро удалился. После кражи семидесяти долларов у матери-одиночки с болезненным пристрастием к наркоте кража ковра-самолета у какого-то бомжа не имела особого значения. Может, именно поэтому он и ощущал себя совсем незначительным.

Я невероятно уменьшающийся человек, подумал он, сворачивая со своей добычей за угол. Стоит мне украсть еще пару вещей, и меня уже нельзя будет различить невооруженным глазом.

Он прислушивался, не донесется ли вслед ругань бездомного – а ругаться бездомные умели отменно, – но все было тихо. Еще один угол – и можно поздравить себя с успешным бегством.

Дэн повернул.

Тем вечером он пристроился рядом с ливневым водостоком под мемориальным мостом на реке Кейп-Фир. Вообще-то у него была комната, но возникла проблема с накопившимся долгом домовладельцу, который он клятвенно обещал погасить позавчера. И еще кое-что. Вернись он сейчас домой, его тут же могли пригласить в некое муниципальное здание с крепкими стенами, расположенное на Бесс-стрит, чтобы задать неприятные вопросы по поводу происшествия в баре «Млечный Путь». Словом, гораздо спокойнее и безопаснее было держаться оттуда подальше.

В центре города имелся приют «Дом надежды» (который местные алкаши, естественно, переименовали в «Дом безнадёги»), но Дэна туда не тянуло. Тебе разрешали бесплатно переночевать, однако принесенное с собой спиртное отбирали. И вообще в Уилмингтоне не было недостатка в дешевых гостиницах и мотелях, где никого не волновало, что и в каких количествах ты пьешь, нюхаешь или колешь, но какого черта тратить и без того скудные гроши на крышу над головой, если стоит такая приятная сухая погода? Койка в теплой комнате понадобится, когда он переберется на север. А сейчас главной заботой был поиск способа забрать свое имущество из комнаты на Берни-стрит так, чтобы не столкнуться нос к носу с домовладельцем.

Над рекой поднималась луна. Дэн аккуратно расстелил одеяло позади себя. Скоро он завернется в него и заснет. Он выпил ровно столько, сколько требовалось для счастья. Отрыв от земли и набор высоты прошли не без проблем, но сейчас вся турбулентность нижних слоев атмосферы осталась позади. Он понимал, что ведет образ жизни, который мало кто из американских граждан назвал бы образцовым, однако на данный момент все было тип-топ. У него есть бутылка «Олд сан» (купленная в магазине, расположенном на почтительном удалении от «Золотой скидки») и половина аппетитного сэндвича на завтрак. Пусть будущее окутывал туман, но этой ночью ему ярко светила луна. И на душе царил покой.

(Саха)

Вдруг малыш оказался рядом с ним. Томми. Прямо напротив него. Покрытая синяками ручонка тянется к порошку. Голубые глаза широко распахнуты.

(Саха)

Он увидел это с пронзительной ясностью, которая не имела никакого отношения к сиянию. И еще. Дини, храпящая, развалившись на спине. Красный бумажник из фальшивой кожи. Пачка продовольственных талонов с надписью «МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА США». Семьдесят долларов. Которые он забрал с собой.

Думай о луне. Восхищайся ее величавым видом, когда она поднимается, отражаясь в водах реки.

Какое-то время ему это удавалось, но затем он снова увидел Дини, лежащую на спине, красный бумажник из кожзаменителя, пачку талонов на еду и несколько жалких купюр (большую часть из которых он уже потратил). И мальчика, тянущего к порошку ручонку, похожую на морскую звезду. Голубые глаза. Синяки.

Саха, сказал он.

Мама, сказал он.

Дэн умел дозировать спиртное; так выпивки хватало на более долгий срок, блаженное состояние доставляло подлинное наслаждение, а утром меньше болела голова. Но иногда в расчеты вкрадывались ошибки. И на старуху бывает проруха. Как в «Млечном Пути». Тогда это произошло скорее по недоразумению, однако нынешней ночью он совершенно сознательно прикончил бутылку в четыре больших глотка. Мозг был школьной доской. Выпивка – влажной тряпкой.

Он лег и завернулся в краденое одеяло. Ждал, когда разум помутится, и это произошло, но Томми пришел раньше. Футболка «Атланта брейвз». Обвисший подгузник. Голубые глаза, рука в синяках, пальчики, растопыренные лучами морской звезды.

Саха. Мама.

Я никогда и никому не расскажу об этом, пообещал он себе. Ни за что на свете. Ни одной живой душе.

Луна всходила над Уилмингтоном в штате Северная Каролина, а Дэн Торранс проваливался в забытие. Ему снилось что-то об «Оверлуке», но, проснувшись, он не вспомнит, что именно. Зато, придя в себя, вновь увидит голубые глаза, синяки, тянущуюся ручонку.

Ему удалось украдкой забрать из квартиры свой скудный скарб, и он двинулся на север, сначала в штат Нью-Йорк, потом в Массачусетс. Прошло два года. Иногда он помогал людям. В основном – старикам. Он умел делать это. Бесчисленными пьяными ночами тот малыш почти никогда не приходил ему на ум, зато был первым, что вспоминалось утром с похмелья. Именно о нем он думал, когда давал себе очередной зарок бросить пить. Может быть, уже со следующей недели; в следующем месяце – наверняка. Маленький мальчик. Глаза. Рука. Пальцы как морская звездочка.

Саха.

Мама.

Часть первая Абра

Глава 1 Добро пожаловать в игрушечный городок

1

После Уилмингтона ежедневные попойки прекратились.

Порой выдавалась неделя, а то и две кряду, когда он не потреблял ничего крепче диетической содовой. Он просыпался, не испытывая похмелья, и это было хорошо. Но он просыпался несчастный, *желая* приложиться к бутылке, а это было плохо. Затем однажды наступал вечер. Обычно выходного дня. Иногда он мог завестись от телевизионной рекламы «Будвайзера»: группа молодых людей без намека на пивные животы наслаждается холодным пивом после яростной баталии на волейбольной площадке. Бывало, он срывался, увидев пару миловидных женщин, присевших после работы выпить по бокалу на открытой террасе какого-нибудь приятного кафе с французским названием и множеством цветов в висячих кашпо. В бокалах почти неизменно оказывались коктейли, к которым полагались игрушечные зонтики. Бывало, спусковым крючком служила песня по радио – например, «Мистер Робото» группы «Стикс». Когда он не пил, то не пил совсем ничего. Начиная пить, напивался вдрызг. И если просыпался утром рядом с женщиной, то сразу вспоминал Дини и малыша в футболке «Брейвз». Вспоминал о семидесяти долларах. Вспоминал даже краденое одеяло, которое так и бросил у водостока на берегу реки. Быть может, оно все еще там валялось. Покрытое плесенью.

Бывало, что он напивался и не выходил на работу. Какое-то время его не трогали – со своими обязанностями он справлялся очень хорошо, – но однажды все-таки наступал тот день. Тогда он всех благодарил, прощался и садился в междугородный автобус. Уилмингтон сменился Олбани, а Олбани перетек в Ютику. Ютика стала Нью-Полтцем. Затем Нью-Полтц уступил место Стербриджу, где он надрался во время концерта фолк-музыки под открытым небом и на следующий день проснулся в тюрьме со сломанным запястьем. Потом был Уэстон, потом дом для престарелых в Мартас-Виньярде, где он продержался рекордно короткий срок. Уже на третий день старшая медсестра учуяла спиртное и распрощалась с ним. Однажды он пересекся с Истинным Узлом, сам того не сознавая. Однако на глубинном, подсознательном уровне – там, где угнездилось его *сияние*, – он что-то почувствовал. Запах, едва уловимый и неприятный, как вонь паленой резины на шоссе, где недавно произошла крупная авария.

Из Мартас-Виньярда он автобусом перебрался в Ньюберипорт. Там ему удалось найти работу в захудалом доме для ветеранов, где старых солдат иногда забывали в инвалидном кресле в коридоре, пока моча из переполненного мочеиспускателя не начинала стекать на пол. Дерьмовое местечко для пациентов, зато рай для раздолбаев вроде Дэна, хотя на самом деле он вместе с прочим немногочисленным персоналом делал для стариков все возможное. Он даже помог двоим тихо отправиться в последний путь, когда пришло их время. Там он проработал достаточно долго. За это время президент-саксофонист успел передать ключи от Белого дома президенту-ковбою.

В Ньюберипорте Дэн тоже частенько напивался в хлам, но только накануне выходного, и потому проблем не возникало. После одного из таких кратких запоев он проснулся с мыслью:

По крайней мере я оставил ей продуктовые талоны. А это разбудило дремавших в его голове ведущих-психопатов.

Простите, Дини, но на этот раз вы проиграли. Однако никто не уходит от нас с пустыми руками! Что мы приготовили для нее, Джонни?

Что ж, Боб, ты прав. Дини не удалось выиграть деньги, но мы вручаем ей нашу новую игру для всей семьи, в комплект которой входят несколько граммов кокаина и огромная пачка ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТАЛОНОВ!

А «призом» для Дэна был целый месяц без спиртного. Своего рода епитимья, наложенная на самого себя. За это время его неоднократно посещала мысль, что, зная он адрес Дини, давно бы отправил ей треклятые семьдесят долларов. Он послал бы ей вдвое больше, если бы это помогло навсегда покончить с воспоминаниями о мальчишке в футболке «Брейвз» и растопыренной тянущейся ручонке. Но адреса не было, и тогда он решил наказать себя трезвостью. Выпороть себя плетью. *Сухими.*

Потом он однажды проходил мимо питейного заведения под названием «Приют рыбака» и сквозь стекло увидел хорошенькую блондинку, в одиночестве сидевшую у стойки бара. На ней была клетчатая юбчонка до середины бедра, и блондинка выглядела очень печальной. Он решил заглянуть на огонек. Как выяснилось, она только что развелась, вот ведь беда, и ей бы не помешало перед кем-то излить душу, да только очнулся он лишь через три дня со знакомой черной дырой вместо памяти. Конечно, он поспешил вернуться в центр для ветеранов, к мытью полов и замене перегоревших лампочек, надеясь на лучшее, но напрасно. Всему были пределы. Забирая из своего шкафчика вещи, он вспомнил избитую шутку Бобкэта Голдтуэйта: «Моя работа никуда не делась. Вот только выполнял ее уже кто-то другой». Он сел в очередной автобус, который направлялся в Нью-Гэмпшир, но прежде чем взойти на борт, приобрел стеклянную емкость с хмельной жидкостью.

Всю дорогу он занимал так называемое сиденье для пьяниц возле туалета. Накопленный опыт подсказывал, что, если в пути ты собирався основательно надраться, сидеть следовало именно там. Он запустил руку в коричневый бумажный пакет, открутил крышку бутылки и понюхал бурую жидкость. Ее запах умел разговаривать, но произносил только одну фразу: *Привет, старина, давно не виделись!*

Он подумал: *Саха.*

Он подумал: *Мама.*

Он подумал о Томми, который должен был уже пойти в школу. Ему всегда хотелось надеяться, что милый дядюшка Рэнди все-таки не прикончил его.

Он подумал: *Остановить это можешь только ты сам.*

Эта мысль не раз посещала его прежде, но теперь за ней последовала другая: *Ты не обязан так жить, если сам этого не хочешь. Ты, разумеется, можешь... но не обязан.*

Этот голос прозвучал так странно, был настолько не похож на его обычные внутренние диалоги, что он даже решил сначала, что подцепил кусок чужих мыслей – он по-прежнему мог читать в головах других людей, но непрошенные передачи теперь редко проникали в его сознание. Он научился блокировать их. Тем не менее он вскинул глаза, почти не сомневаясь, что встретит чей-то взгляд. Но никто не смотрел в его сторону. Пассажиры спали, беседовали между собой или глазели в окно на серенький денек в Новой Англии.

Ты не обязан так жить, если сам этого не хочешь.

Если бы это было правдой. Тем не менее он закрыл бутылку и положил на пустое сиденье рядом с собой. Дважды снова взял ее в руки. В первый раз сразу же вернул на место. Во второй все-таки сунул руку в пакет и отвинтил крышку, но как раз в этот момент автобус пересек границу штата Нью-Гэмпшир и остановился в зоне отдыха. Вместе с остальными пассажирами Дэн отправился подкрепиться в «Бургер-кинг», задержавшись лишь на секунду у мусорного контейнера, чтобы швырнуть туда коричневый пакет с пойлом. На боку высокого зеленого бака

красовалась надпись: «ВСЕ, ЧТО ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНО, ВЫ МОЖЕТЕ ОСТАВИТЬ ЗДЕСЬ».

Как бы это было здорово, подумал Дэн, услышав грохот упавшей в бак бутылки. *О Боже, как бы это было славно!*

2

Полтора часа спустя автобус миновал большой плакат, гласивший: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ФРЕЙЗЕР! ПРЕКРАСНАЯ ПОГОДА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА!»

А внизу было приписано: «ПОСЕТИТЕ НАШ ИГРУШЕЧНЫЙ ГОРОДОК!»

Автобус остановился у Общественного центра Фрейзера, чтобы подобрать пассажиров, а с пустого сиденья рядом с Дэном, где прежде лежала бутылка, вдруг заговорил Тони. Этот голос Дэн не мог не узнать, пусть Тони молчал уже много лет.

(это место для тебя)

Почему бы и нет, подумал Дэн.

Он снял с верхней полки свою дорожную сумку и вышел. Стоя на тротуаре, проводил глазами уехавший автобус. К западу на горизонте маячили Белые горы. Во время всех своих бесконечных странствий он сознательно избегал гор, особенно тех скалистых монстров, цепочка которых делила страну на две части. Теперь он подумал: *В конце концов я все-таки забрался наверх. Мог бы давно догадаться, что этим все и закончится*. Однако здешние горы были низкими и пологими в сравнении с теми, что до сих пор преследовали его в ночных кошмарах. Он решил, что сможет, пожалуй, смириться с ними, по крайней мере на какое-то время. Но только в том случае, если ему удастся забыть про малыша в футболке «Брейвз». И если он прекратит накачиваться алкоголем. Рано или поздно понимаешь, что двигаться дальше совершенно бессмысленно. Что, куда бы ты ни поехал, от себя не убежишь.

Легкие снежинки, нежные, как фата невесты, кружились в воздухе. Он заметил, что выстроившиеся вдоль Мейн-стрит магазины были рассчитаны в основном на лыжников, начинающих приезжать сюда в декабре, и пеших туристов, время которых приходило в июне. В сентябре-октябре, вероятно, наступал сезон для любителей прогулок среди осенних листьев, но сейчас был тот период, который на севере Новой Англии считался весной, – неприкаянные восемь недель наледи и сырости. Едва ли в это время года погоду во Фрейзере можно было считать хорошей, а потому Мейн-стрит городка – Кранмор-авеню – пустовала.

Дэн перебросил ремень сумки через плечо и неспешно двинулся на север. Остановился у кованой ограды, чтобы взглянуть на несколько причудливый особняк Викторианской эпохи, по обе стороны от которого виднелись современные кирпичные корпуса. С викторианским центральным зданием их соединяли крытые переходы. Вершину левого угла особняка в отличие от правого венчала башенка, безусловно нарушая композицию, но Дэну это неожиданно даже понравилось. Эта древняя, много повидавшая на своем веку старушка словно говорила: «Да, от меня уже отвалился кусок. И наплевать! Рано или поздно с вами произойдет то же самое». Дэн уже начал улыбаться, но потом его лицо вновь стало серьезным.

В башенке находилась комната с окном, из которого на него смотрел Тони. Перехватив взгляд Дэна, он помахал ему рукой. В своей серьезной манере, которую Дэн помнил с детства, когда Тони навещал его гораздо чаще. Дэн закрыл глаза, потом открыл. Тони пропал. Да и откуда он мог вообще там взяться? Окно было заколочено досками.

На лужайке стоял знак. Золотые буквы на зеленом фоне под цвет стен особняка гласили: «ДОМ ХЕЛЕН РИВИНГТОН».

А здесь держат кошку, подумал Дэн. *Серую кошку по кличке Одри*.

Отчасти он оказался прав, отчасти ошибся. Здешнего кастрированного серого кота звали иначе.

Дэн долго рассматривал знак – достаточно долго, чтобы облака поредели, а небеса ниспослали на землю почти библейский солнечный луч. Только тогда он пошел дальше. И хотя солнце вдруг засияло вовсю, отражаясь от капотов автомобилей, небрежно припаркованных у спортивно-оздоровительного комплекса «Олимпия», снег продолжал кружиться, заставив Дэна вспомнить, как давным-давно, когда они еще жили в Вермонте, отзывалась о такой погоде его мама: *Должно быть, дьявол бьет свою жену.*

3

В паре кварталов от хосписа Дэн снова задержался. Через дорогу от здания муниципального совета находился Общественный центр Фрейзера: несколько акров свободной земли, где лишь местами начала пробиваться зеленая трава, эстрада для оркестра, поле для игры в софтбол, заасфальтированная площадка для баскетбола с одним кольцом, столы для пикников и даже небольшой участок газона для любителей гольфа. Все это выглядело чудесно, но внимание Дэна больше привлекла вывеска:

**ПОСЕТИТЕ НАШ ИГРУШЕЧНЫЙ ГОРОДОК,
МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО И ГОРДОСТЬ ФРЕЙЗЕРА,
И ПРОКАТИТЕСЬ НА ИГРУШЕЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ!**

Не требовалось особой наблюдательности, чтобы сразу заметить: игрушечный городок в миниатюре повторял Кранмор-авеню. Здесь была копия методистской церкви, мимо которой недавно прошел Дэн, со шпилем высотой семь футов; присутствовало здание театра «Музыкальная шкатулка», кафе-мороженое, книжный магазин «Наши горы», бутик «Рубашки и аксессуары», фотогалерея с девизом «Отличные фотографии – наша работа». Был здесь и однобашенный дом Хелен Ривингтон, высотой по пояс, выполненный в мельчайших подробностях, только без кирпичных пристроек. Дэн не возражал: на фоне старинного особняка они выглядели особенно уродливо.

В самом дальнем конце городка он увидел миниатюрный поезд. На каждом вагоне, куда едва ли мог поместиться даже первоклассник, красовалась надпись «ИГРУШЕЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА». Над трубой ярко-красного локомотива размером чуть больше мотоцикла «хонда голд уинг» вился дымок. Негромко шумел дизельный двигатель. На борту локомотива тоже была надпись, сделанная старомодными золотыми буквами: «ХЕЛЕН РИВИНГТОН». Явная покровительница города, сообразил Дэн. Где-то в центре Фрейзера наверняка найдется улица, названная в ее честь.

Дэн задержался, хотя солнце скрылось и он снова видел парок собственного дыхания в воздухе. В детстве он всегда мечтал иметь электрическую железную дорогу, но ему ее так и не купили. А эта являла собой увеличенную версию игрушки, которая пришлась бы по душе мальчишке любого возраста.

Он перебросил сумку на другое плечо и пересек улицу. Услышав голос Тони – и увидев его, – он слегка разволновался, но сейчас был рад, что сошел с автобуса именно здесь. Быть может, это и было то место, которое он так долго искал? Место, где ему наконец представится возможность выправить свою опасно накренившуюся жизнь.

Куда бы ты ни поехал, от себя не убежишь.

Эту мысль он тут же запихнул в свой воображаемый стенной шкаф. Такие трюки ему всегда хорошо удавались. И в стенном шкафу накопилось уже немало всякой всячины.

Двигатель локомотива был закрыт капотом с обеих сторон, но под навесом приземистого вокзала «Игрушечный городок» Дэн обнаружил скамейку для ног, поднес поближе и взобрался на нее. В кабине машиниста он увидел два покрытых овчиной сиденья. Дэну показалось, что их сняли со старого детройтского спортивного автомобиля. Кабина и приборная панель, по всей видимости, имели то же происхождение за исключением торчавшей из пола старомодной рукоятки переключения передач в форме буквы Z. Впрочем, схема переключения отсутствовала, а на месте старого набалдашника красовался смеющийся череп в красной бандане, вытертой до бледно-розового оттенка. Верхняя часть руля была отпилена, и оставшаяся нижняя напоминала штурвал небольшого самолета. На приборной панели виднелись черные буквы, выцветшие, но еще читаемые: «МАКСИМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ – 40. НЕ ПРЕВЫШАТЬ!»

– Нравится? – спросил кто-то прямо у него за спиной.

Дэн повернулся так резко, что чуть не упал. Большая мозолистая рука ухватила его под локоть и помогла сохранить равновесие. Он увидел мужчину лет шестидесяти, в утепленной джинсовой куртке и охотничьей шапочке в красную клетку, с опущенными ушами. Мужчина держал ящик с инструментами, на котором была наклеена лента с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА ФРЕЙЗЕРА».

– Прошу прощения, – сказал Дэн, спускаясь со скамейки. – Я вовсе не собирался...

– Все нормально. Люди часто останавливаются посмотреть. В основном, конечно, любители моделей железных дорог. Для них это все равно что сбывшаяся детская мечта. Летом мы стараемся не подпускать их слишком близко, потому что жизнь бурлит, а «Рив» отправляется в рейс каждый час. Но в это время года здесь никого. Только я. – Он протянул руку. – Билли Фриман. Техник. А «Рив» – моя любимица.

Дэн пожал руку и тоже представился:

– Дэн Торранс.

Билли заметил сумку.

– Ты только что с автобуса, как я погляжу. Или путешествуешь автостопом?

– С автобуса, – ответил Дэн. – А что за движок у вашего паровоза?

– Интересный вопрос ты задал. Держу пари, никогда и не слышал о «шевроле-веранейо»?

Дэн действительно никогда о нем не слышал, но все знал. Потому что *знал Фриман*. У Дэна давно не было таких ярких вспышек сияния, как сейчас. Он даже почувствовал отголосок того удовольствия, которое получал в совсем раннем детстве, прежде чем понял, какую угрозу может таить в себе его дар.

– Бразильский «сабербан», верно? Турбодизель.

Кустистые брови Фримана взлетели вверх от изумления, и он заулыбался:

– А ведь в самую точку, черт побери! Кейси Кингсли, наш шеф, купил его с аукциона в прошлом году. Отличный агрегат. Тащит как слон. Приборная панель тоже с «сабербана». А сиденья поставил я сам.

Сияние постепенно угасало, но Дэн успел уловить последнюю деталь:

– Они явно с «понтиак-дждажа».

Фриман просиял.

– Опять угадал. Я нашел их на свалке рядом с Санапи-уэй. А коробка передач с «мака» шестьдесят первого года выпуска. Девять ступеней. Хороша, ничего не скажешь! Ты ищешь работу или просто гуляешь?

Дэн даже вздрогнул от столь внезапной смены темы. *Искал* ли он работу? Наверное, да. Логичнее всего было бы обратиться в хоспис Хелен Ривингтон, зданием которого он любовался на Кранмор-авеню, и Дэн пребывал в уверенности – хотя не знал, сияние это или обычная

интуиция, – что там нужны рабочие руки. Однако он не был уверен, что готов отправиться туда прямо сейчас. Его насторожило видение Тони в окне башенки.

И есть еще одна причина, Дэнни. Тебе нужно подольше потерпеть без спиртного, прежде чем ты явишься в хоспис и напишешь заявление о приеме на работу. Даже на место ночного полотера.

Голос Дика Холлорана. Боже милостивый! Дэн не вспоминал о Дике уже очень давно. Пожалуй, с самого Уилмингтона.

С наступлением лета Фрейзер, безусловно, становился привлекательным городом для туристов. Здесь каждый мог найти себе развлечение по душе. И дополнительный персонал будут нанимать повсюду. Но если выбирать между работой в мексиканском ресторане торгового центра или в Игрушечном городке, Дэн определенно предпочитал второй вариант. Он уже почти открыл рот, чтобы ответить Фриману, когда вновь заговорил Холлоран:

Тебе скоро тридцать, мой милый. Выбор у тебя невелик.

Между тем Билли Фриман разглядывал его с откровенным и бесхитростным любопытством.

– Да, – сказал Дэн. – Мне нужна работа.

– Но учти, что в Игрушечном городке вся работа временная. Как только наступит лето и у студентов начнутся каникулы, мистер Кингсли будет брать по большей части местную молодежь. От восемнадцати до двадцати двух. От него этого требуют местные власти. К тому же юнцам можно платить по минимуму. – Он усмехнулся, обнажив пустоты на месте нескольких зубов. – Однако сама по себе работа неплоха. Сегодня целый день на свежем воздухе не выглядит столь уж заманчиво, но ведь холода скоро пройдут.

Верно, скоро потеплеет. Многие точки Общественного центра были еще закрыты, но вскоре они заработают, включившись в индустрию летнего курортного городка: появятся палатки с хот-догами и мороженым, откроется нечто круглое, заколоченное досками, в чем угадывалась большая карусель. И конечно, будет поезд – с крошечными вагончиками и мощным турбодизельным двигателем. Если Дэн сумеет удержаться от выпивки и покажет себя человеком надежным, Фриман и его босс, мистер Кингсли, могут, пожалуй, пару раз пустить его поуправлять локомотивом. Ему бы этого хотелось. А когда муниципальные власти заставят заменить его каким-нибудь выпускником школы из местных, он всегда сможет отправиться в хоспис.

То есть если он вообще решит здесь задержаться.

Лучше бы ты задержался хоть где-нибудь, заметил Холлоран (похоже, у Дэна сегодня выдался денек голосов и призраков старых знакомых). *Пора остановиться сейчас, или ты уже не остановишься никогда.*

И, удивляясь самому себе, он вдруг рассмеялся:

– Меня такой вариант устраивает, мистер Фриман. Вполне устраивает.

5

– Занимался благоустройством? – спросил Билли Фриман. Они вдвоем медленно шли вдоль поезда. Крыши вагонов доходили Дэну до груди, и он чувствовал себя великаном.

– Умею полоть, сажать и красить. Умею управляться с аппаратом для сдувания листьев и бензопилой. Починю простой двигатель, если поломка не слишком серьезная. Вожу газонокосилку, не наезжая на людей. Поезд... пока даже не знаю.

– Для этого понадобится разрешение мистера Кингсли. Страховка и прочая фигня. И кстати, у тебя есть рекомендации? Без них мистер Кингсли на работу не берет.

– Есть немного. В основном из больниц, где я работал уборщиком и санитаром. Мистер Фриман...

– Сойдет и просто «Билли».

– Билли, непохоже, чтобы ваш поезд мог перевозить пассажиров. Куда им сесть?

Билли усмехнулся:

– Жди здесь. Интересно, покажется ли тебе это таким же забавным, как мне самому?

Мне этот трюк так нравится, что я могу повторять его бесконечно.

Фриман вернулся к локомотиву и склонился внутрь кабины. Двигатель, который прежде чуть слышно шумел, стал пофыркивать и посылать в небо более плотные сизые кольца. По всей длине «Хелен Ривингтон» зашипела гидравлика. Внезапно крыши всех девяти вагонов – восьми пассажирских и одного служебного, окрашенного в желтый цвет, – начали подниматься. Со стороны казалось, что откидывается верх сразу у девяти выстроившихся в цепочку кабриолетов. Дэн наклонился, чтобы посмотреть в окошко, и увидел, что по центру каждого вагона протянулся ряд жестких пластмассовых сидений – по шесть в пассажирских вагонах и два в служебном. Всего пятьдесят.

Когда Билли вернулся, Дэн улыбался во весь рот:

– Странный же должен быть вид у вашего поезда, когда его заполняют пассажиры.

– Еще какой! Народ веселится от души и без конца фотографируется. Только глянь!

В конце каждого вагона располагалась стальная подножка. Билли воспользовался одной из них, пробрался внутрь и уселся. Получился забавный оптический обман: Билли казался намного крупнее, чем был на самом деле. Он величественно помахал Дэну рукой, а тот представил, как крошечные с виду вагончики отъезжают от платформы, увозя от вокзала сразу пятьдесят таких же бробдингнегцев⁵.

Когда Билли Фриман поднялся и вышел из вагона, Дэн встретил его аплодисментами.

– Бьюсь об заклад, между Мемориальным днем и Днем труда вы продаете добрый миллиард открыток.

– Так и есть, можешь не сомневаться. – Билли порылся в карманах куртки, достал чуть помятую пачку сигарет «Дьюк» – хорошо известную Дэну дешевую марку, продававшуюся на автостанциях и в круглосуточных продуктовых лавках по всей Америке, – и протянул Дэну.

Тот взял сигарету. Билли дал ему прикурить и закурил сам.

– Наслаждаюсь дымком, пока это еще возможно, – пояснил он, разглядывая свою сигарету. – Курить здесь скоро запретят, как и везде. В женском клубе Фрейзера уже вовсю обсуждают эту идею. Если разобраться – сборище безмозглых куриц, но сам знаешь, как устроен современный мир: рука, качающая чертову колыбель, лезет управлять чертовой планетой. – Он выпустил дым через ноздри. – Хотя большинство из *них* колыбели в глаза не видело со времен Никсона. Да и тампаксы им давно ни к чему.

– Быть может, это не так уж плохо, – заметил Дэн. – Дети легко перенимают дурные привычки у взрослых.

Он сразу вспомнил отца. Однажды, незадолго до своей смерти, мама мрачно пошутила, что единственная в мире вещь, которая нравилась Джеку Торрансу больше, чем стакан виски, – это двенадцать стаканов виски. Конечно, и у самой Уэнди была слабость – сигареты, которые свели ее в могилу. И было время, когда Дэн клялся, что никогда не поддастся еще и этой пагубной привычке, но с годами обнаружил, что человек обычно попадает в все капканы, которые расставляет жизнь.

Тем временем Билли Фриман рассматривал его, прищурившись.

– Я иногда вроде как умею чувствовать людей, вот и с тобой так получилось. – У него был заметный акцент уроженца Новой Англии. – Что-то такое зашевелилось в голове еще до того, как ты повернулся и я увидел твое лицо. Думаю, ты согласишься мне в помощники на весенний

⁵ Великаны, персонажи романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

период, то есть, считай, до конца мая. Вот какое у меня чувство, а я привык доверять чутью. Пусть это и звучит глупо.

Дэн вовсе не считал, что это глупо. Теперь он понял, почему мог с такой легкостью читать мысли Билли Фримана. Дик Холлоран – его первый взрослый друг – говорил ему: *В большинстве случаев в людях присутствует лишь едва уловимое сияние. Они сами не подозревают о нем. Им дано, например, угадывать, какую следующую песню передадут по радио, или предвидеть, что скоро у них зазвонит телефон.*

Вот и Билли Фриман оказался наделен таким даром. Но едва уловимым.

– Как я понял, мне надо сразу обратиться к этому Кэри Кингсли, так?

– Кейси, а не Кэри. Но все верно. Он здесь ключевая фигура. Заведует городским хозяйством уже двадцать пять лет.

– И когда это лучше сделать?

– Да прямо сейчас. – Билли ткнул пальцем. – Груда кирпичей на той стороне улицы – это наш муниципальный совет. К мистеру Кингсли попадешь, спустившись в подвал в дальнем конце коридора. Поймешь, что на месте, когда услышишь сверху звуки диско. На первом этаже находится зал, где по вторникам и четвергам наши дамочки в это время как раз забавляются аэробикой.

– Хорошо, – сказал Дэн, – тогда я направлюсь прямо к нему.

– Рекомендации при тебе?

– Да. – Дэн похлопал по своей сумке, которую прислонил к стене игрушечного вокзала.

– И, надеюсь, ты не сам их написал? У нас такие штучки не проходят.

Дэнни улыбнулся:

– Нет, с ними полный порядок.

– Тогда иди и пусти их в ход. Покажи себя молодцом.

– Непременно.

– Да, и вот еще что, – сказал Билли уже в спину удалявшемуся Дэну. – Он на дух не выносит спиртного. Если ты выпиваешь и он тебя об этом спросит, мой тебе совет... соври.

Дэн кивнул и поднял руку, показывая, что все понял. Врать на этот счет он умел.

6

Судя по испещренному кровеносными сосудами носу Кейси Кингсли, тот отнюдь не всегда ненавидел спиртное. Это был крупный мужчина, который не столько занимал свой небольшой кабинет, сколько носил его на себе. Сейчас он откинул свой стул за письменным столом на задние ножки и просматривал рекомендации Дэна, аккуратно сложенные в голубую папку. Затылком он почти касался нижнего конца простого деревянного креста, висевшего на стене рядом с фотографией его семьи. На снимке более молодой и стройный Кингсли позировал вместе с женой и тремя детьми в купальных костюмах где-то на пляже. С потолка, лишь слегка приглушенные, грохотали «Виллидж пипл» в сопровождении дружного топота многочисленных ступней. Воображение нарисовало Дэну гигантскую сороконожку, которая недавно побывала у местного парикмахера-стилиста и носила ярко-красное трико ярдов девять длиной.

– Ага, ага... – бормотал Кингсли. – Угу... Так-так... Так...

На углу стола стояла стеклянная банка с леденцами. Не отрывая взгляда от тонкой папки с рекомендациями Дэна, Кингсли снял с банки крышку, выудил конфету и сунул в рот.

– Угощайтесь, – предложил он гостю.

– Нет, спасибо, – ответил Дэн.

В этот момент его посетила странная мысль. По всей вероятности, когда-то давно его отец сидел в подобном кабинете и проходил собеседование, чтобы получить работу смотрителя «Оверлука». Интересно, о чем он тогда думал? О том, что ему позарез нужно это место? Что

это его последний шанс? Вполне вероятно. Потому что Джек Торранс решал не только свою судьбу. У него имелись жена и сын. Дэн же был свободен. Если здесь не выгорит, он может какое-то время бездельничать дальше. Или попытать счастья в хосписе. Хотя... Ему понравился Общественный центр Фрейзера. Ему понравился поезд, в котором обычные мужчины выглядели голиафами. Ему приглянулся Игрушечный городок, такой беспшибашно-абсурдный, но радостный и немного самоуверенный, как и многие другие маленькие американские городки. И ему пришелся по душе Билли Фриман, обладавший отблесками сияния, но скорее всего даже не подозревавший об этом.

Сверху раздались звуки «Я выживу». Словно только и дожидался смены мелодии, Кингсли сложил листочки обратно в папку и передал через стол Дэну.

Сейчас он мне откажет.

Но после целого дня точных попаданий на этот раз интуиция его подвела.

– Все это очень хорошо, вот только мне показалось, вам гораздо больше подошла бы работа в центральной больнице Нью-Гэмпшира или в хосписе, который расположен в нашем городе. Вы могли бы даже заняться домашним уходом – как я вижу, вы обладаете многими медицинскими навыками и умеете оказывать первую помощь. Не думали об этом?

– Думал. И в первую очередь о хосписе. Но потом я увидел ваш Общественный центр, Игрушечный городок и поезд.

Кингсли широко улыбнулся:

– Должно быть, страсть как хочется самому сесть на место машиниста, угадал?

Дэн без колебания солгал:

– Нет, сэр, меня привлекает совсем не это.

Признание, что его действительно манит кресло машиниста, почти наверняка повлекло бы вопрос о наличии у него водительского удостоверения и обстоятельствах, при которых Дэн оно лишился. А конец у такого разговора мог быть только один: предложение покинуть кабинет мистера Кейси Кингсли навсегда.

– Я больше люблю ухаживать за механизмами, стричь травку и все такое.

– И нигде не любите задерживаться надолго, насколько я могу судить по вашему служебному списку.

– Планирую остепениться в ближайшем будущем. Кажется, свою охоту к перемене мест я уже полностью удовлетворил.

Интересно, Кингсли тоже показалось, что это полное вранье?

– Впрочем, только временную работу я и могу вам предложить, – сказал Кингсли. – Закончится учебный год и...

– Билли предупредил меня. Если я решу остаться здесь на лето, то попробую устроиться в хоспис. Я даже мог бы заблаговременно подать туда заявление, если вы не возражаете.

– Как угодно. – Кингсли с любопытством посмотрел на него. – Вы чувствуете себя комфортно в обществе умирающих людей?

Твоя мать умерла там, подумал Дэнни. Сияние, оказывается, и не собиралось затухать. И ты держал ее за руку, когда она скончалась. Ее звали Элен.

– Вполне, – ответил он. А потом без особых на то причин добавил: – В конце концов все мы умираем. Что такое мир, если не огромный хоспис под открытым небом?

– Да вы у нас еще и философ! Что ж, мистер Торранс, думаю, вы нам подходите. К тому же я доверяю мнению Билли – он редко ошибается в людях. Только на работу не опаздывать, не являться пьяным или с красными глазами и пропахшим травой. Если случится нечто подобное, вам придется распрощаться с этим городом. В Доме Ривингтон с вами даже разговаривать не станут – об этом я позабочусь. Надеюсь, мои требования вам понятны?

Дэн почувствовал приступ неприязни,

(надутый хлыщ)

но сумел подавить его. Они играли на поле Кингсли, и он же владел мячом.

– Предельно понятны.

– Приступайте прямо с завтрашнего дня, если ничто не мешает. В городе сдается множество комнат. Я сделаю пару звонков, если хотите. Вы сможете заплатить девяносто долларов за первую неделю, пока не получите зарплату?

– Да, смогу. Спасибо, мистер Кингсли.

Кингсли отмахнулся.

– А на первую ночь могу порекомендовать гостиницу «Ред руф». Ею управляет мой бывший зять. Он даст вам хорошую скидку. Договорились?

– Договорились.

Все произошло как-то невероятно быстро. Так бывает с последними фрагментами огромной головоломки, когда несколько последних кусочков вдруг сразу встают на свои места. Дэн велел себе не поддаваться эйфории.

Кингсли поднялся. Он был крупным мужчиной и двигался не слишком стремительно. Дэн тоже встал со стула, и когда Кингсли протянул ему похожую на небольшой окорок руку через заваленный бумагами стол, пожал ее. Теперь сверху «Саншайн бэнд» рассказывали миру, как им это нравится, ох-хо, ах-ха...

– Ненавижу это танцевальное дерьмо, – пробормотал Кингсли.

Врешь, подумал Дэн. Тебе эта музыка по сердцу. Потому что напоминает о дочери, с которой ты редко видишься. Она все еще не простила тебя.

– Вы здоровы? – спросил Кингсли. – Что-то вы побледнели.

– Просто устал. Долгая поездка на автобусе.

Сияние вернулось к нему во всей своей мощи. Но почему именно сейчас?

7

Через три дня на новой работе, которые Дэн провел за покраской эстрады и уборкой оставшихся прошлогодних листьев с лужайки Общественного центра, Кингсли пересек Кранмор-авеню и сообщил, что при желании он может снять квартиру на Элиот-стрит. Причем у него будет своя туалетная комната с ванной и душем. Восемьдесят пять долларов в неделю. Дэн сразу же согласился.

– Тогда сходите туда в обеденный перерыв, – посоветовал Кингсли. – Найдите миссис Робертсон. – Он погрозил Дэну пальцем, искривленным надвигающимся артритом. – И постарайтесь не наломать дров, друг мой, потому что она моя старая приятельница. Помните, что я за вас поручился на основе всего лишь хлипких рекомендаций и интуиции Билли Фримана.

Дэн клятвенно заверил, что не наломает никаких дров, хотя горячность, с которой он произносил заверения, показалась несколько напускной даже ему самому. Он опять подумал об отце, которому пришлось униженно просить состоятельного друга пристроить его на любую работу после увольнения из школы в Вермонте. Странно было испытывать сочувствие к человеку, который чуть тебя не убил, но Дэн его испытывал. Неужели отца тоже предупреждали, чтобы он не наломал дров и не облажался? Скорее всего. Вот только Джек Торранс все же наломал дров. По полной программе. Облажался на все сто. Несомненно, отчасти причиной его неудач было пьянство, но и люди, которые в тяжкие времена норовят поставить ногу тебе на горло, вместо того чтобы помочь подняться, тоже сыграли свою роль. Скверно, но такова человеческая натура. А упав до уровня бродячего пса, ты видишь только клыки, когти и грязь.

– И попросите Билли подобрать вам рабочие башмаки потеплее. У него в сарае их накопилось несколько десятков, хотя когда я проверял в последний раз, лишь половина имели пару.

День стоял солнечный, в воздухе пахло весной. Дэн, который работал в джинсах и футболке с эмблемой «Ютика блу сокс», посмотрел сначала на почти безоблачное небо, а потом снова на Кейси Кингсли.

– Да, я знаю, как это выглядит сейчас, но мы с вами все-таки в предгорьях, дружище. Метеорологи обещают нам крепкий северо-восточный ветер и с фут снега. Долго не продержится, фермеры еще называют апрельский снег удобрением для бедняков. Зато ветер может наделать бед. Надеюсь, вы и со снегоуборочной машиной сумеете управиться. – Он помолчал. – А еще, надеюсь, у вас крепкая спина, потому что завтра вам с Билли придется собирать множество обломанных веток. Быть может, нужно будет пилить поваленные деревья. Умеете обращаться с бензопилой?

– Да, сэр.

– Хорошо.

8

С миссис Робертсон Дэн сумел сразу установить хорошие отношения – она даже предложила ему сэндвич с яичным салатом и чашку кофе в общей кухне. Он согласился, ожидая неизбежных расспросов о том, что привело его во Фрейзер, из каких краев он родом и тому подобных вещах. Но был приятно удивлен, когда ошибся. Она лишь попросила, если есть время, помочь ей закрыть ставни на окнах нижнего этажа, опасаясь, что сбудется прогноз по поводу ветра. Дэн с радостью оказал ей эту небольшую услугу. В своей жизни он придерживался не слишком многих принципов, но один из них гласил: всегда дружи с квартирной хозяйкой, ибо трудно предсказать, не придется ли однажды просить об отсрочке платы.

Затем он вернулся в Общественный центр, где его ждал Билли с целым списком дел. Не прошло и двух дней, как они сняли зимние чехлы со всех детских аттракционов, а теперь пришлось снова все закрывать, заколачивать витрины нескольких киосков и магазинчиков. Последней их миссией стало загнать «Рив» в специально построенное для поезда депо. Потом они уселись на складные стулья рядом с вокзалом Игрушечного городка, чтобы перекурить.

– Знаешь, Дэнни, – сказал Билл, – если начистоту, я сейчас чувствую себя очень усталым пролетарием.

– И не вы один. – Хотя на самом деле Дэн ощущал себя превосходно, мышцы приятно покалывало. Он уже забыл, как это прекрасно – работать на свежем воздухе не с похмелья.

В небе над ними сгустились тучи. Билли посмотрел на них и вздохнул.

– Я молю Бога, чтобы нас миновали снег и ветер, которые обещают по радио, но, похоже, они правы. Кстати, я нашел тебе башмаки. На вид они не очень, но хотя бы парные.

Отправляясь в свое новое жилище, Дэн прихватил ботинки с собой. К тому времени ветер уже начал набирать силу и солнце скрылось. Еще утром во Фрейзере готово было наступить лето. К вечеру лицо обжигал сырой холод надвигавшегося снегопада. Городские улочки опустели, окна домов укрылись за ставнями.

Дэн свернул с Морхед-стрит на Элиот и замер. Вдоль тротуара вместе с остатками прошлогодней листвы ветер катил поношенный цилиндр – шляпу фокусника. *Или, быть может, актера из старой музыкальной комедии*, подумал он. При виде цилиндра Дэн почувствовал, как мороз пробрал его до костей, потому что на самом деле никакой шляпы там не было.

Он зажмурился, медленно сосчитал до пяти, чувствуя, как усилившийся ветер полощет джинсы вокруг икр, а потом снова открыл глаза. Листья остались, но шляпа пропала. Это снова было сияние, порождавшее живые, тревожные, но, как правило, невразумительные образы. Сияние всегда усиливалось, если он какое-то время не пил, но никогда прежде не проявлялось так ярко, как с момента его прибытия во Фрейзер. Словно здесь царила особая атмосфера.

Словно воздух лучше проводил странные передачи с Неизвестной Планеты. Это место было особенным.

Как «Оверлук».

– Нет, – сказал он. – Нет, я в это не верю.

Пара стаканчиков, и все придет в норму, Дэнни. В это ты веришь?

К сожалению, он верил.

9

Дом миссис Робертсон был построен в хаотичном колониальном стиле, и из окна комнаты Дэна на четвертом этаже открывался вид на запад, на горы. Это была панорама, без которой он бы охотно обошелся. За долгие годы его воспоминания об «Оверлуке» сильно поблекли, но когда он распаковывал кое-что из своих пожитков, в памяти всплыло... Короче, всплыло то, чему лучше не всплывать, как и всякой прочей гадости (вроде разложившегося трупикиа мелкого грызуна).

Первый снег выпал тогда ближе к закату. Мы стояли на террасе перед входом в тот огромный пустой отель: отец – в центре, мама – по одну сторону от него, а я сам – по другую. Он обнимал нас. Тогда все, казалось, было хорошо. Он не пил. Первые снежинки падали медленно и вертикально, но потом поднялся ветер и принялся сдувать их в сторону, наметая сугроб на террасу и укутывая тех...

Дэн попытался заблокировать образ, но тот пробился сквозь его защиту.

...тех зверей из живой изгороди. Тех самых, что могли двигаться, когда никто на них не смотрел.

Он отвернулся от окна, чувствуя, как руки покрылись гусиной кожей. Достал купленный в магазине «Ред эпл» сандвич, который собирался съесть, читая приобретенный там же роман Джона Сэнфорда в мягкой обложке, но, откусив лишь пару раз, снова завернул бутерброд в бумагу и положил на подоконник, где было прохладно. Он мог поесть и позже, хотя думал, что вряд ли ляжет спать позже девяти и едва ли успеет одолеть даже первые сто страниц романа.

Ветер снаружи продолжал усиливаться. Время от времени он завывал под скатом крыши так громко, что Дэн невольно отрывал взгляд от книги. А примерно в половине девятого начался снегопад. Снег шел густой и сырой. Налипая на окно, он скоро скрыл вид на горы. В какой-то степени так стало еще хуже. Снегом заметало окна и в «Оверлуке». Сначала на втором этаже... на третьем... и, наконец, на четвертом.

А потом они оказались в братской могиле с живыми мертвецами.

Мой отец рассчитывал, что они сделают его управляющим отелем. Все, что от него требовалось взамен, – это показать свою преданность. Выдав им своего сына.

– Своего единственного сына, – пробормотал Дэн, а потом огляделся по сторонам с таким видом, словно это произнес кто-то другой. Ему и в самом деле казалось, что он здесь не один. Вернее, не совсем один. За окном снова резко взвыл ветер, и Дэн вздрогнул.

Еще не поздно вернуться в «Ред эпл». Купить бутылочку. Прогнать из головы все неприятные мысли.

Нет. Он должен читать. Следствие вел Лукас Девенпорт, и ему было интересно, что там дальше.

В четверть десятого он закрыл книгу и улегся в очередную постель в очередной съемной квартире. *Я не смогу заснуть*, подумал он. *Ни за что не смогу под такие завывания ветра.*

Но он заснул.

10

Он сидел рядом с ливневым стоком, глядя на поросший жесткой травой берег реки Кейп-Фир и на переброшенный через нее мост. Стояла ясная ночь полнолуния. Никакого тебе ветра, никакого снега. И «Оверлук» тоже пропал. Если бы даже он не сгорел, когда страной правил «арахисовый фермер», все равно до него было больше тысячи миль. Тогда почему же Дэн так напуган?

Потому что он был не один. Вот почему. Кто-то расположился у него за спиной.

– Хочешь, дам тебе совет, Медвежонок?

Голос казался текущим и дрожащим. Дэн почувствовал, как мурашки поползли по спине. Но еще сильнее у него замерзли ноги, покрывшиеся пупырышками, которые он мог видеть, потому что сидел в шортах. Да, на нем действительно были шортики. Его взрослые мозги оказались в голове пятилетнего ребенка.

Медвежонок. Догадайся кто...

Но он знал наверняка. Он представился Дини по имени, но она упорно звала его Медвежонком.

Ты этого не помнишь, и кроме того, тебе все это снится.

Естественно, так оно и было. Он находился во Фрейзере, штат Нью-Гэмпшир, и спал, пока за окном комнаты в доме миссис Робертсон бушевал весенний снегопад. И все же ему показалось разумным не оборачиваться. Так было безопаснее.

– Не надо никаких советов, – сказал он, продолжая смотреть на реку и полную луну над ней. – Мне давали советы настоящие эксперты. В барах и парикмахерских их хоть пруд пруди.

– Держись подальше от женщины в цилиндре, Медвежонок.

В каком еще цилиндре? – мог бы спросить он, но к чему утруждать? Он знал, о какой шляпе речь, потому что видел, как ветер гнал ее вдоль тротуара. Снаружи черную как смертный грех, но с белой шелковой подкладкой внутри.

– Она Королева-сучка из Адского замка. Встанешь у нее на пути, и она сожрет тебя живьем.

Теперь он повернул голову. Просто не смог удержаться. Дини сидела позади него прямо в водосточном желобе, набросив украденное им у бомжа одеяло на голые плечи. Ее волосы прилипли к щекам. Лицо сильно раздулось и набухло. Глаза помутнели. Она была мертва. И возможно, уже не один год пролежала в могиле.

«Ты не настоящая», – хотел сказать Дэн, но слова не шли из него. Ему снова было пять. Дэнни было пять, «Оверлук» обратился в пепел и кости, а рядом с ним сидела мертвая женщина. Та, которую он обокрал.

– Ничего страшного, – сказала она. Голос был клокочущим из-за распухшего горла. – Я продала кокс. Подмешала к нему немного сахара и толкнула за две сотни.

Она усмехнулась, и сквозь ее зубы просочилась вода.

– Ты мне понравился, Медвежонок. Вот почему я пришла, чтобы предупредить тебя. *Держись подальше от женщины в цилиндре.*

– Маска, – сказал Дэн... голосом Дэнни, тонким, почти писклявым детским голоском. – Маска, ты не настоящая, тебя здесь нет.

Он закрыл глаза, как часто делал в «Оверлуке», если видел что-то ужасное. Женщина начала кричать, но он не открывал глаз. Крики продолжались, то нарастая, то ослабевая, и он понял, что это ветер. Он был не в Колорадо и не в Северной Каролине. Он был в Нью-Гэмпшире. Ему приснился плохой сон, но теперь он проснулся.

11

Часы показывали два часа ночи. В комнате стоял холод, но его ладони и грудь были липкими от пота.

Хочешь, дам тебе совет, Медвежонок?

– Нет, – ответил он. – Никаких советов от тебя.

Она же мертва.

Он никак не мог этого знать, но знал. Дини, королева Западного полушария в своей кожаной мини-юбке и сандалиях на пробковой подошве, была мертва. Он даже знал, как она это сделала. Наглоталась таблеток, заколола волосы, забралась в ванну, наполненную теплой водой, заснула, соскользнула вниз и утонула.

Рев ветра казался устрашающе знакомым, полным неосуществимой угрозы. Ветер дул повсюду, но звучал так только на высокогорье. Словно какое-то разгневанное божество размахивало над миром огромным деревянным молотком.

Помнится, я называл его спиртное Скверной Жидкостью, подумал Дэн. Но бывают случаи, когда оно превращается в Хорошую Жидкость. А когда ты очнулся после кошмара, который, как ты понимаешь, наполовину навеян сиянием, – даже в Очень Хорошую Жидкость.

Один стаканчик виски дал бы ему возможность снова заснуть. Он стал бы гарантией не просто сна, а сна без кошмаров. Сон был природным лекарем, а сейчас Дэн Торранс чувствовал себя настолько больным, что нуждался в сильном лекарстве.

Но в такое время все закрыто. Не повезло.

Что ж, так тому и быть.

Он повернулся на бок и уперся во что-то спиной. Нет, не во что-то. В *кого-то*. Кто-то проник к нему в постель. Дини залезла вместе с ним под одеяло. Только это существо было маловато для Дини. Он почувствовал, что...

Дэн выскочил из кровати, неуклюже приземлился на пол и обернулся. Это был Томми – маленький сынишка Дини. Справа на его черепе виднелась глубокая вмятина. Обломки кости торчали сквозь окровавленные волосы. Какая-то серая чешуйчатая мерзость налипла на одну щеку. Мозг. Он не мог выжить после такого удара по голове – но продолжал жить. Он протянул к Дэну похожую на морскую звезду ручонку.

– Саха, – сказал он.

Снова раздался крик, только на этот раз кричала не Дини и не ветер.

Кричал он сам.

12

Проснувшись во второй раз – уже по-настоящему, – он вовсе не кричал, а лишь издавал какой-то шедший из груди клекот. Он сел, жадно глотая воздух, с одеялом, обмотанным вокруг пояса. В постели с ним никого не было, но сон рассеялся не окончательно, и простого взгляда оказалось недостаточно. Дэн сбросил с кровати одеяло, но не удовлетворился этим. Он стал ощупывать ладонями простыню, пытаясь ощутить остатки чужого тепла, почувствовать вмятину, оставленную маленьким тельцем. Ничего. Разумеется, ничего. Он даже заглянул под кровать, но увидел там лишь свои рабочие башмаки.

Ветер слегка поумерил свой пыл. Буран не прекратился, но заметно ослабел.

Он зашел в ванную, а затем резко обернулся, словно ожидая застать кого-то врасплох, но увидел только кровать и сброшенное на пол одеяло. Он включил свет над раковиной, ополоснул лицо холодной водой, а потом опустил крышку унитаза и сел, делая глубокие вдохи. Ему захотелось взять сигарету из пачки, лежавшей рядом с книгой на небольшом столике в

комнате, но ноги были как ватные, и он сомневался в их надежности, поэтому остался сидеть. Он видел постель, и постель была пуста. Вся комната была пуста. Проблемы не существовало.

Но... она не *казалась* пустой. По крайней мере пока. Как только это произойдет, он, вероятно, вернется в кровать. Но заснуть ему вряд ли удастся. Этой ночью он свое уже отоспал.

13

Семью годами ранее, работая санитаром хосписа в Талсе, Дэн подружился с престарелым психиатром, страдавшим раком печени на конечной стадии. Однажды, когда Эмиль Кеммер в очередной раз предавался воспоминаниям (не слишком стесняясь пикантных подробностей) о наиболее интересных случаях из своей врачебной практики, Дэн признался, что с самого детства страдает от «двойных снов». Знаком ли доктору Кеммеру подобный феномен? Есть ли у него научное определение?

В расцвете лет Кеммер был крупным мужчиной – о чем свидетельствовала старая черно-белая свадебная фотография на прикроватной тумбочке, – но рак – самая эффективная диета, и в день их разговора вес доктора примерно равнялся его возрасту, а ему стукнуло девяносто один. Однако он не утратил проницательности ума, и сейчас, сидя на крышке унитаза и вслушиваясь в затихающие звуки ветра за стенами дома, Дэн вспомнил лукавую улыбку старика.

– Вообще-то, Дэниел, – сказал тот с сильным немецким акцентом, – я привык, чтобы мне за диагноза платили.

– Вот черт, не повезло, – отозвался Дэн ухмыляясь.

– Кто знает. – Кеммер изучающе посмотрел на Дэна. У старика были ярко-синие глаза. И хотя Дэн знал, что это предельно несправедливо, часто воображал эти глаза под черной эсэсовской каской. – В этом доме для смертников ходят слухи, что ты, мой мальчик, наделен особым талантом помогать людям умереть достойно. Это так?

– Иногда, – осторожно ответил Дэн. – Но не всегда.

На самом деле он делал это *почти* всегда.

– Когда придет мой час, ты мне поможешь?

– Если это будет в моих силах.

– Вот и хорошо. – Кеммер с трудом сел в постели, жестом велел Дэну оставаться на месте. – То, что ты называешь двойными снами, – хорошо знакомое психиатрам явление. Им особо интересовались последователи Юнга, именовавшие его *ложным пробуждением*. Первый сон обычно легкий и поверхностный. Человек осознает, что спит...

– Да! – воскликнул Дэн. – Но во втором сне...

– Во втором сне человек считает, что он бодрствует, – продолжал Кеммер. – Юнг вывел из этого целую теорию, приписав таким снам даже своего рода прекогнитивную силу... Но мы-то с тобой знаем правду, не так ли, Дэн?

– Разумеется, – кивнул тот.

– Поэт Эдгар Аллан По упоминал о феномене ложного пробуждения задолго до того, как Юнг появился на свет. Вот его строки: «Все, что в мире зримо мне или мнится, – сон во сне»⁶. Я ответил на твой вопрос?

– Думаю, что да. Спасибо.

– Не за что. А теперь я бы выпил немного сока. Принеси яблочного, будь любезен.

⁶ Э.А. По. Сон во сне. Пер. В. Брюсова.

14

Прекогнитивная сила... Но мы-то с тобой знаем правду.

Даже если бы не привык держать свою способность в секрете от всех, Дэн не осмелился бы возражать умирающему... особенно человеку с таким холодным и пронизательным взглядом. Истина, однако, заключалась в том, что обычно одно или оба из его двойных сновидений оказывались пророческими, но он лишь наполовину понимал суть предвидений или не понимал вовсе. Но этой ночью, сидя на крышке унитаза в одних трусах и дрожа всем телом (и не только от холода), он понял даже больше, чем хотелось.

Томми был мертв. По всей вероятности, убит своим агрессивным дядей. А вскоре после этого его мать покончила с собой. Что же до другой части сна... призрачного цилиндра, который еще раньше привиделся ему катящимся по тротуару...

Держись подальше от женщины в цилиндре. Она Королева-сучка из Адского замка.

– Мне нет до нее дела, – сказал Дэн.

Встанешь у нее на пути, и она сожрет тебя живьем.

В его намерения не входило даже встречаться с ней, не говоря уже о том, чтобы вставать на пути. А что до Дини, то он не нес ответственности за необузданный темперамент ее брата и брошенного ребенка. Теперь он мог перестать мучиться угрызениями совести по поводу взятых у нее семидесяти долларов: она продала кокаин – он был убежден в достоверности этой части сна, – и они в расчете. И если уж на то пошло, ей досталось даже больше.

Сейчас ему хотелось одного – выпить. То есть напиться, если называть вещи своими именами. Надраться в дымину, вдрабадан, до поросычьего визга. Теплое утреннее солнышко, приятная ломота в мышцах от работы на свежем воздухе, пробуждение без малейшего намека на похмелье – все это прекрасно. Но какой ценой? Слишком высокой. Он расплачивался за благостную жизнь всеми этими безумными снами и видениями, не говоря уже о мыслях случайных прохожих, которые порой непостижимым образом пробивали его защитную стену.

Нет. Цена оказалась непомерно высокой.

15

Он сидел на стуле в своей комнате, читая роман Джона Сэнфорда при свете единственной лампы, пока колокола городских церквей не пробили семь утра. Затем он обул новые (по крайней мере для него самого) башмаки, надел шерстяную куртку и вышел в мир, который за ночь изменился и смягчил свой нрав. Все острые углы сгладились. Снег по-прежнему шел, но теперь падал невесомыми хлопьями.

Мне надо убираться отсюда. Возвращаться во Флориду. Пошел он на хрен, этот Нью-Гэмпшир, где снег валит, наверное, даже на Четвертое июля в честь праздничка.

Ему ответил голос Холлорана, добрый, каким его запомнил маленький Дэнни, но под мягкостью крылась сталь: *Пора остановиться сейчас, мой милый, или ты уже не остановишься никогда.*

– Да пошел ты... Несносный старик, – пробормотал Дэн.

Он сразу отправился в «Ред эпл», потому что магазины, где торговали крепким алкоголем, открывались только через час. Медленно бродил туда-сюда между холодильниками с вином и пивом, размышляя, пока не решил наконец, что если уж напиться, то быстро и мерзко. Взял две бутылки «Тандерберд» (восемнадцать градусов, сгодится, раз уж виски пока не достать) и пошел к кассе, но вдруг остановился.

Повремени еще денек. Дай себе последний шанс.

Что ж, он вполне мог это сделать, но только зачем? Чтобы снова проснуться в одной постели с Томми? С Томми, у которого череп продавлен внутрь? Или в следующий раз это будет Дини, пролежавшая в ванне два дня, пока домовладелец не устал стучать в дверь и не воспользовался своим ключом? Он не мог ничего знать наверняка, и будь с ним сейчас Эмиль Кеммер, старик бы с этим согласился, но тем не менее Дэн знал. Он знал все. Так чего ждать?

Быть может, эта твоя сверхчувствительность скоро пройдет? Вдруг это нечто вроде экстрасенсорной белой горячки, и если ты потерпишь еще немного...

Но время менялось. Это прекрасно понимали алкаши и законченные наркоманы. Когда ты не мог спать, когда боялся лишний раз оглянуться, опасаясь того, что можешь увидеть, время удлинялось и отращивало себе острые зубы.

– Вам помочь? – спросил продавец, и Дэн понял,
(проклятое сияние, проклятая хреновина)

что своим видом нервирует его. И не без причины. Всклоченные волосы, темные круги под глазами и дерганные, неуверенные движения. Он, вероятно, походил сейчас на любителя метамфетамина, который никак не мог решиться достать свой верный револьвер и потребовать выложить на стойку все, что есть в кассе.

– Нет, спасибо, – ответил Дэн. – До меня только что дошло, что я забыл дома бумажник.

Он вернул зеленые бутылки в холодильник. Когда закрывал дверцу, они мягко сказали ему как старому приятелю: «До скорого, Дэнни».

16

Билли Фриман дожидался его, закутанный до бровей. Билли протянул Дэну старомодную лыжную шапочку с вышитой спереди надписью «Эннистон сайклонс».

– Кто такие эти чертовы «Эннистон сайклонс»? – спросил Дэн.

– Эннистон – городок в двадцати милях отсюда. Когда дело доходит до футбола, баскетбола или бейсбола, это наши самые заклятые противники. Если кто-нибудь увидит на тебе эту шапку, ты рискуешь получить снежком по башке, но другой у меня нет.

Дэн натянул шапку на голову.

– Тогда вперед, «Сайклонс»! К победе!

– Правильно. И пошли к дьяволу все, кто против нас. – Билли оглядел его. – Ты как? В норме?

– Плохо спал этой ночью.

– Это понятно. Ветер поднялся бешеный, верно? Завывал, как моя бывшая, когда я предлагал заняться любовью в понедельник. Работать-то готов?

– Как всегда.

– Вот и хорошо. Давай за дело. У нас сегодня хлопот полон рот.

17

Хлопот действительно хватало, но уже к полудню показалось солнце и температура снова перевалила за пятьдесят градусов⁷. Снег быстро таял, и по всему Игрушечному городку зажурчали десятки ручейков. Настроение Дэна поднималось вместе со столбиком термометра, и он даже поймал себя на том, что поет («Эй, юнец! Я тоже был когда-то молод!»), разъезжая на снегоочистителе по двору небольшого универсама, примыкавшего к Общественному центру. Над

⁷ По Фаренгейту; примерно 10 °C.

головой легкий бриз, не сравнимый по силе с ночным бураном, трепал транспарант: «НЕВЕРОЯТНАЯ ВЕСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА! ВСЕ ПО ИГРУШЕЧНЫМ ЦЕНАМ!»

И никаких видений.

Когда рабочий день закончился, он пригласил Билли в ресторан «Вагончик Чака» и заказал бифштексы. Билли заявил, что тогда с него пиво, но Дэн покачал головой:

– Я не прикасаюсь к алкоголю. Если начну, не смогу остановиться.

– Тебе стоит поговорить на эту тему с Кингсли, – сказал Билл. – Он пережил развод с пойлом лет пятнадцать назад. С ним давно все в порядке. Вот только дочка до сих пор знать его не хочет.

Поэтому они пили кофе. Много кофе.

Дэн вернулся в свою комнату на Элиот-стрит усталый, но сытый и довольный, что сумел остаться трезвым. Телевизора у него не было, зато оставался изрядный кусок романа, и на пару часов он погрузился в чтение. Все это время он прислушивался, не поднимется ли ветер, но стояла тишина. Ему даже подумалось, что вчерашний налет стал последним отголоском ушедшей зимы. Дэн не возражал. Около десяти он лег и заснул почти мгновенно. Утреннее посещение «Ред эпл» почти забылось, словно привиделось в лихорадке, которая теперь прошла.

18

Он проснулся посреди ночи, но не от новых криков ветра, а потому что хотел ссать, как скаковая лошадь. Поднялся, прошлепал босыми ногами до ванной и включил свет, нажав кнопку рядом с дверью.

В ванне стоял цилиндр, до краев наполненный кровью.

– Нет, не может быть, – сказал Дэн. – Я просто все еще сплю.

Наверное, снова двойное сновидение. Или тройное. Даже четверное. Он утаил кое-что от Эмиля Кеммера: свои опасения, что однажды окончательно заплутает в лабиринте фантомной ночной жизни и уже не сможет вернуться.

Все, что в мире зримо мне или мнится, – сон во сне.

Но только это была реальность. Цилиндр был настоящим. Никто больше не видел его, но это ничего не меняло. Шляпа была частью действительности. Она существовала где-то в этом мире. Он знал это.

Краем глаза он заметил надпись на зеркале над раковиной. Сделанную губной помадой.

Я не должен смотреть туда.

Но поздно. Его голова уже поворачивалась в ту сторону; он даже мог слышать, как сухожилия шеи скрипят, словно несмазанные дверные петли. И какая, собственно, разница? Он и так знал, что там такое. Миссис Масси больше не было, Хораса Дервента больше не было. Оба сидели взаперти в стальных ящиках на задворках его сознания, но «Оверлук» с ним еще не закончил. И потому на зеркале, кровью, а не помадой, было выведено слово:

РОМ

А в раковине лежала пропитанная кровью футболка «Атланта брейвз».

Это не прекратится никогда, подумал Дэнни. «Оверлук» сгорел, а его самые жуткие обитатели отправились под замок, но я не могу запретить в железный ящик сияние, потому что оно не просто внутри меня. Оно и есть я. Без выпивки, которая хотя бы притупляет его, эти видения будут продолжаться бесконечно, пока я не лишусь рассудка.

Он мог видеть в зеркале свое лицо со словом РОМ на переднем плане, как будто напечатанным поперек лба. Как клеймо. Это ему не снилось. В раковине лежала футболка убитого

ребенка, а в ванне стоял цилиндр, наполненный кровью. Безумие подступало вплотную. Он мог видеть его приближение в собственных выпученных глазах.

А затем лучом фонарика во мраке прорезался голос Холлорана: *Сынок, ты можешь видеть разные вещи, но они подобны страшным картинкам в книжке. Ты не был беспомощен в «Оверлуке», будучи совсем малышом, и ты не беспомощен сейчас. Далеко не беспомощен. Закрой глаза, и когда ты их вновь откроешь, вся эта гадость исчезнет.*

Дэн зажмурился и немного подождал. Пытался считать секунды, но на четырнадцати сбился из-за царившего в голове хаоса. Он был почти готов почувствовать, как руки – вероятно, руки хозяина цилиндра – смыкаются у него шее. Но продолжал стоять неподвижно. Бежать было некуда.

Потом, мобилизовав всю свою отвагу, Дэн открыл глаза. Ванна оказалась пуста. В раковине тоже ничего не лежало. И на зеркале он не увидел ни буквы.

Но это вернется. В следующий раз, вероятно, появится ее обувь – те самые сандалии на пробковой подошве. Или я увижу в ванне ее саму. А почему бы и нет? Так я впервые увидел миссис Масси, а они умерли одинаково. Разница лишь в том, что я не крал у миссис Масси деньги и не сбежал из ее квартиры.

– Я выждал день, – сообщил он пустой комнате. – Я сделал что мог.

Да, день выдался хлопотный, но хороший – это он готов был признать. Дни вообще не представляли проблемы. А вот ночи...

Его сознание было школьной доской. Алкоголь – мокрой тряпкой.

19

Дэн пролежал без сна до шести. Потом оделся и уже знакомым путем дошел до «Ред эпл». На этот раз он не колебался, только вместо двух бутылок «Тандерберд» достал три. Как там говорят? Если берешься за дело, берись основательно или не начинай вообще. Продавец уложил бутылки в пакет, не проронив ни слова. Он привык к таким вот ранним любителям поддать. Дэн отправился к общественному центру, сел на лавочку в Игрушечном городке, достал из пакета одну бутылку и стал разглядывать ее, как Гамлет – череп Йорика. Сквозь зеленое стекло жидкость внутри больше напоминала крысину отраву, чем вино.

– Как будто это плохо, – сказал Дэн и повернул крышку.

Теперь вдруг заговорила его мама, Уэнди Торранс, которая докурилась до смерти. Если самоубийство было единственным выходом, ты по крайней мере мог выбрать способ.

Так вот, значит, к чему все пришло, Дэнни? И зачем тогда было так долго мучить себя?

Он открутил пробку. Потом снова завернул. Снова открутил и на этот раз снял. От вина несло кислятиной, музыкальными автоматами и грязью дешевых баров с бессмысленными ссорами и драками на стоянках. В конце концов, вся жизнь состояла из таких же глупостей, как эти драки. Мир не был огромным хосписом под открытым небом, мир представлял собой один сплошной отель «Оверлук», где вечеринка никогда не заканчивалась. Где мертвецы оставались вечно живыми. Он поднес горлышко бутылки к губам.

И ради этого мы так отчаянно боролись – чтобы выбраться из того проклятого отеля, Дэнни? Стоило ли тогда так страдать, пытаясь построить для себя новую жизнь?

В ее голосе не слышалось ни нотки упрека. Только грусть.

Дэнни снова закрутил пробку. Потом открутил. Закрутил. Открутил.

Он подумал: *Если выпью, «Оверлук» победит. Он одержит верх, хоть и сгорел дотла после взрыва бойлера. Но если не выпью, сойду с ума.*

Еще он подумал: *Все, что в мире зримо мне или мнится, – сон во сне.*

Дэн так и продолжал крутить пробку, когда его нашел Билли Фриман, поднявшийся в то утро раньше обычного с тревожным предчувствием.

- Ты собираешься пить, Дэн, или будешь и дальше драть ее?
 - Наверное, все-таки выпью. Я просто не знаю, что еще делать.
- Пришлось Билли подсказать ему что.

20

Нельзя сказать, чтобы Кейси Кингсли был очень удивлен, увидев нового работника сидящим у двери своего кабинета, когда приехал на работу в четверть девятого утра. Не стала для него сюрпризом и бутылка в руках Торранса, пробку которой он то откручивал, то снова плотно затягивал. Взгляд у Кейси был наметанный, и он с самого начала понял, что этот человек из тех, кто за тысячу ярдов чует магазин спиртного.

Конечно, Билли Фриман не обладал сиянием, хотя бы отчасти сравнимым с даром самого Дэна, но и его способностей в данном случае оказалось достаточно. В первый же день, когда Дэн уже направился в сторону здания муниципального совета, Билли позвонил Кингсли с аппарата в сарае для оборудования. Тут один парень ищет работу, сказал Билл. С рекомендациями у него слабовато, но Билл думает, что он подойдет им как помощник до Дня поминовения. Кингсли, который по опыту знал, что интуиции Билли можно полностью доверять, сразу с ним согласился. *Да я и сам подумывал нанять тебе помощника*, сказал он.

Реакция Билли оказалась странной, однако он и сам был странным. К примеру, пару лет назад вызвал «скорую помощь» за пять минут *до того*, как маленький мальчик упал с качелей и разбил голову.

Мы нужны ему больше, чем он нам, вот что ответил Билли.

И вот Дэн сидел, чуть склонившись вперед и сгорбившись, будто уже ехал в очередном междугородном автобусе или пристроился за стойкой бара, а запах вина ударил в нос Кингсли еще в самом начале коридора. Будучи подлинным знатоком, он с легкостью различал подобные сорта спиртного. Сейчас несло «Тандерберд», как в старой кабацкой песне: *Мозг пробьет «Тандерберд»! Цена – пустяк, четвертак!* Но когда молодой человек поднял глаза, Кингсли заметил, что его взгляд не замутнен ничем, кроме отчаяния.

– Меня прислал Билли.

Кингсли промолчал. Он видел, что парню нужно собраться, что-то в себе преодолеть. Это читалось не только в его глазах, но и в опущенных уголках губ, а главное, в том, как он держал бутылку. Он и любил ее, и ненавидел, и нуждался в ней.

И настал момент, когда Дэн произнес фразу, от которой бежал всю свою сознательную жизнь:

– Мне нужна помощь.

Он провел ладонью по глазам. Воспользовавшись моментом, Кингсли наклонился и схватил бутылку. Дэн мгновение сопротивлялся, а потом выпустил ее из пальцев.

– Ты болен и очень устал, – сказал Кингсли. – По крайней мере это я вижу сразу. Вопрос в том, надоело ли тебе быть больным и усталым.

Дэн поднял на него глаза и сглотнул. После секундной внутренней борьбы признался:

– Вы даже себе не представляете, насколько надоело.

– Быть может, и представляю. – Кингсли выудил из просторного кармана своих необъятных брюк огромную связку ключей. Открыв одним из них дверь с надписью «КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРОДА ФРЕЙЗЕР», нанесенной на матовое стекло, он сказал: – Заходи. Давай об этом поговорим.

Глава 2

Плохие числа

1

Престарелая поэтесса с итальянским именем и стопроцентно американской фамилией сидела, держа на коленях свою спящую правнучку, и смотрела видеозапись, сделанную мужем ее внучки в родильном отделении больницы тремя неделями ранее. Любительский фильм начинался словами «АБРА ВХОДИТ В НАШ МИР!». Изображение дергалось, и Дэвид избегал излишне откровенных медицинских деталей (слава Богу!), но Кончетта Рейнолдс увидела прилипшие ко лбу Люсии пропитанные потом волосы, услышала ее крик: *А я что делаю?* – когда одна из медсестер начала уговаривать ее тужиться, заметила несколько капелек крови на простыне – не много, но достаточно для, как бы выразилась собственная бабушка Четты, «хорошего зрелища». Не по-английски, конечно.

Камера рванулась, чтобы показать наконец появившегося младенца, и у Кончетты побежали мурашки по рукам и по спине, когда Люси закричала: *У нее нет лица!*

Дэвид, сидевший сейчас рядом с Люси, захихикал. Потому что лицо у Абра, конечно же, было, и прелестное. Четта бросила взгляд вниз, словно хотела еще раз в этом удостовериться. Когда она вновь посмотрела на экран, новорожденную как раз клали на руки ее измученной матери. Через тридцать или сорок дерганных секунд съемки в кадре появились слова:

«С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АБРА РАФАЭЛЛА СТОУН!»

Потом Дэвид нажал кнопку «Стоп» на пульте.

– Ты станешь одной из немногих, что когда-либо вообще это увидит, – провозгласила Люси непререкаемым тоном. – Позорище!

– Наоборот, это восхитительно, – возразил Дэвид. – И есть еще один человек, кто посмотрит мое видео: сама Абра. – Он бросил взгляд на сидевшую рядом с ним на диване жену. – Когда достигнет определенного возраста, разумеется. И только если сама захочет.

Он потрепал Люси по бедру, а потом посмотрел на ее бабушку и улыбнулся – эту престарелую женщину он очень уважал, но особой любви к ней не испытывал.

– А до тех пор запись будет заперта в банковском сейфе вместе со страховками, купчей на наш дом и теми миллионами, которые я заработал на продаже наркотиков.

Кончетта скупо улыбнулась, показывая, что оценила шутку, но не находит ее особенно забавной. Абра продолжала спать у нее на коленях. В некотором смысле, подумала Четта, все дети рождаются в сорочке, поскольку их лица в младенчестве окутаны тайнами будущего и дальнейшей судьбы. Возможно, ей стоит что-то написать об этом. А впрочем, едва ли.

Кончетта, которую привезли в Америку двенадцатилетней, говорила на превосходном английском языке. И неудивительно: она не только закончила Вассар, но и была профессором (теперь уже почетным) именно этой дисциплины. Но никакое образование не мешало ей хранить в голове старинные приметы и суеверия. Порой они отдавали ей приказы, всегда по-итальянски. Вот почему Кончетта придерживалась убеждения, что все, кто принадлежал к миру искусства и поэзии, были скрытыми деятельными шизофрениками, включая и ее саму. Она прекрасно понимала, что суеверия – это вздор, но неизменно сплевывала между пальцами, если ворона или черная кошка пересекала ей путь.

Значительной частью своей собственной шизофрении она была обязана сестрам из ордена Божьего Милосердия. Они не просто верили в Бога и в божественное происхождение Иисуса – они считали зеркала дьявольскими стеклами и предрекали, что девочка, которая

будет слишком часто смотреться в зеркало, непременно обрастет уродливыми бородавками. Именно эти монашки имели на Кончетту большое влияние в возрасте от семи до двенадцати лет. За поясом каждая из них носила линейку, но не для снятия размеров, а чтобы бить девочек по рукам за малейшую провинность, и они не могли пройти мимо ребенка, не выкрутив ухо в назидание.

Люси протянула руки за младенцем. Четта осторожно и с неохотой передала ей драгоценный сверток.

2

В двадцати милях к северо-востоку от того места, где Абра спала на руках Кончетты Рейнолдс, Дэн Торранс принимал участие во встрече группы «Анонимные алкоголики», слушая монотонный рассказ какой-то девицы о превратностях ее сексуальной жизни с бывшим мужем. Кейси Кингсли строго предписал ему посетить девяносто таких встреч за девяносто дней, и это полуденное собрание в подвале методистской церкви Фрейзера стало для него восьмым. Он сидел в первом ряду, потому что Кейси – до сих пор известный здесь как Большой Кейси – настоял и на этом.

– Больные, которые действительно хотят излечиться, сидят впереди, Дэнни. Задние ряды на собраниях АА мы называем местами для сомневающихся.

Кейси вручил ему небольшой блокнот с фотографией на обложке: океанские волны разбиваются о скалистый мыс. Над картинкой был напечатан девиз, который Дэн прекрасно понимал, но не принимал слишком всерьез: «ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ ТРЕБУЕТ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ».

– Записывай каждую встречу в этот блокнот. И всякий раз, когда я попрошу, ты должен быть готов вытащить его из заднего кармана и продемонстрировать, что ничего не пропускаешь.

– Я что, уже и заболеть не могу?

Кейси рассмеялся.

– Ты *уже* болен, приятель. Ты – законченный пропойца, алкоголик. Хочешь знать, что сказал мне мой личный куратор в АА?

– Мне кажется, я уже знаю. Соленому огурцу никогда не стать свежим, так?

– Не строй из себя умника, а слушай меня.

– Слушаю, – вздохнул Дэн.

– Обязательно притаскивай свою задницу на каждую встречу, – вещал Кейси. – Если задница отвалится, положи ее в мешок, но притащи все равно.

– Очаровательно! А если я попросту забуду?

Кейси пожал плечами:

– Тогда ищи себе другого куратора, который поверит в твою забывчивость. Со мной это не прокатит.

Дэн, ощущавший себя неким хрупким предметом, который подкатился к краю высокой полки, но пока с нее не упал, не хотел не только другого куратора, но и никаких перемен вообще. В целом все обстояло неплохо, но он чувствовал себя уязвимым. Очень уязвимым. Почти как человек без кожи. Видения, преследовавшие его после переезда во Фрейзер, прекратились, и хотя он по-прежнему часто вспоминал о Дини и ее маленьком сыночке, эти воспоминания не причиняли уже такой боли. Под конец почти каждой встречи группы анонимных алкоголиков кто-то вставал и зачитывал вслух так называемые Обещания. Одно из них гласило: *Мы не будем жалеть о прошлом или желать отгородиться от него*. Дэн думал при этом, что *всегда будет сожалеть* о прошлом, но он действительно оставил все попытки отго-

родиться от него. К чему тратить время, если оно все равно вернется? Для него не существовало засовов или замков.

Сейчас он вдруг начал писать на очередной страничке в блокноте Кейси одно слово. Каждая буква получалась крупной и аккуратной. Причем он понятия не имел, зачем это делает и что означает написанное. Слово было **АБРА**.

Тем временем рассказчица добралась до конца своей долгой истории и разразилась слезами, признаваясь сквозь всхлипы, что хотя ее бывший муж – редкостная сволочь, она по-прежнему любит его, а закончила словами о том, до какой степени она рада оказаться на пути к трезвости. Дэн поаплодировал ей вместе с остальными членами дневной группы, затем принялся раскрашивать буквы. Делая их все более броскими.

Знакомо ли мне это имя? Думаю, что да.

Но только когда следующий рассказчик начал свое повествование, а Дэн встал, чтобы налить себе чашку свежего кофе, до него дошло. Аброй звали девушку из романа Джона Стейнбека «К востоку от Эдема». Он читал его... где-то. Вероятно, во время одной из остановок в своих долгих скитаниях. Где-то, когда-то. Это не имело значения.

Потом другая мысль

(сохранила ли ты ее?)

всплыла в мозгу мыльным пузырем и лопнула.

Сохранила что?

В этот момент Фрэнки П. – ветеран дневной группы, который председательствовал во время встреч, – спросил, не возьмется ли кто-нибудь за раздачу жетонов. Поскольку добровольцев не нашлось, Фрэнки обратился к Дэну:

– Как насчет вас, любитель кофе?

Слегка смущаясь, Дэн вышел в середину комнаты, надеясь, что запомнил порядок раздачи. Сначала белые для новичков. И когда он обходил присутствующих с потертой жестянкой, в которой гремели жетоны и медальоны, мысль вернулась.

Сохранила ли ты ее?

3

В тот же день Истинный Узел, перезимовавший на территории одного из кемпингов Америки в Аризоне, собрал свои пожитки и тронулся в восточном направлении. Они выдвинулись по шоссе 77 в сторону Шоу-Лоу своим традиционным караваном: четырнадцать кемперов и несколько трейлеров, к которым сзади крепились шезлонги и велосипеды. Здесь были «саутвинды» и «виннебаго», «монако» и «баундеры». Возглавлял этот парад «эрскрузер» Роуз – семьсот тысяч долларов на импортных колесах, лучший передвижной дом, какой только можно себе вообразить. Но двигались они медленно и никогда не превышали скорость.

Спешить незачем. Времени у них было предостаточно. До настоящего пира еще оставалось несколько месяцев.

4

– Ты сохранила ее? – спросила Кончетта, когда Люси расстегнула блузку и дала Абре грудь. Абра сонно поморгала, пососала немного, а потом потеряла к материнской груди всякий интерес. *Вот начнут болеть соски, будешь совать их ей, только если она очень попросит. Когда начнет вопить от голода,* подумала Четта.

– Сохранила что? – спросил Дэвид.

Но Люси знала, о чем речь.

– Я отключилась сразу после того, как мне дали ее. Дэйв говорит, я чуть не выронила ребенка. У нас просто не было ни на что времени, Момо.

– Ах, вы о той пленке, что покрывала ей лицо, – сообразил Дэвид, который не придавал таким вещам значения. – Они просто сняли ее и выбросили. Что, с моей точки зрения, чертовски разумно.

Он улыбался, но в его глазах горел вызов. *Ты же не станешь поднимать из-за этого шум?* – спрашивал его взгляд. *Так что давай закроем тему.*

Она в самом деле понимала, что не станет устраивать скандал по такому поводу... И промолчала. Всегда ли она испытывала подобную раздвоенность? Сомневалась ли, когда была моложе? Детали стерлись из памяти, хотя она, кажется, запомнила все лекции о Божественных Таинствах и адских муках, ожидавших грешников в аду, которые читали им сестры из ордена – эти настоящие бандитки в черных сутанах. Например, историю девушки, ослепленной Господом, потому что она подглядывала, как ее обнаженный брат моется в ванне, или легенду о мужчине, который пал мертвым, потому что хулил папу.

Отдайте их в наши руки совсем юными, и не будет иметь значения, какое образование они получат потом, сколько сборников стихов напишут и даже скольких литературных наград удостоятся. Отдайте их нам юными... И они останутся нашими навсегда.

– Тебе следовало сохранить il amnio. Это приносит удачу.

Она обращалась напрямую к внучке, как бы исключая Дэвида из разговора. Он хороший человек, надежный муж для Люси, но этот его презрительный тон... Да еще откровенная насмешка в глазах.

– Я бы так и сделала. Но у меня не было возможности, Момо. А Дэйв ничего не знает об этом. – Она снова застегнула блузку.

Четта склонилась и провела кончиком пальца по нежной щечке Абры. Старая плоть соприкоснулась с новорожденной.

– Считается, что те, кто рожден с il amnio, обладают двойным зрением.

– Вы же не можете всерьез этому верить? – спросил Дэвид. – Сорочка – это всего-навсего кусок плодной оболочки. С ней...

Он продолжал, но Четта уже не слушала. Абра открыла глазки. Вот где заключалась целая поэтическая вселенная, строки, слишком великие, чтобы когда-либо перенести их на бумагу. Их невозможно даже запечатлеть в памяти.

– Ладно, забыли об этом, – сказала Кончетта. Она подняла младенца и поцеловала в головку рядом с пульсировавшим родничком, ощущая необычайную близость магии человеческого разума. – Что сделано, то сделано.

5

Однажды ночью, примерно через пять месяцев после так и не разразившегося скандала по поводу утраченной сорочки, Люси приснилось, что ее дочь плачет, рыдает так, словно у нее от горя разрывается сердце. В этом сне Абра почему-то находилась не в родительской спальне в их доме на Ричлэнд-Корт, а где-то в конце длинного коридора. Люси бежала на звуки плача. Сначала по обе стороны коридора она видела двери, а потом потянулись кресла. Синие кресла с высокими спинками. Она была в самолете или, быть может, в вагоне поезда «Амтрек». Пробежав, как ей показалось, несколько миль, она уперлась в дверь туалета. Ее дочь плакала по другую сторону. И это был не плач голодного ребенка, а крики страха. А возможно,

(о Боже, о Пресвятая Дева Мария)

и боли.

Люси больше всего опасалась, что дверь будет заперта и ей придется выломать ее – не так ли всегда происходило в кошмарных снах? – но ручка легко поддалась, и дверь открылась.

Люси сразу овладел новый приступ ужаса: а если Абра провалилась в унитаз? Она читала об этом. Как младенцев засасывало в канализацию, как они проваливались в выгребные ямы. А если ее малышка сейчас тонет в одной из этих уродливых стальных емкостей, наглотавшись голубой дезинфицирующей жидкости?

Но Абра просто лежала на полу. Она была совсем голенькая. Ее полные слез глаза смотрели на маму. А на ее груди чем-то очень похожим на кровь было выведено число 11.

6

Дэвиду Стоуну снилось, что он бежит на звуки плача своей дочери по бесконечному эскалатору, который – медленно, но неумолимо – двигался в противоположном направлении. Хуже того, эскалатор находился в каком-то торговом центре, где вспыхнул пожар. Казалось бы, он должен был задохнуться от дыма и лишиться дыхания, прежде чем доберется до верха, но почему-то этот пожар совсем не давал дыма, хотя кругом полыхало пламя. И еще: он не слышал ни единого другого звука, кроме плача Абры, хотя мог видеть, как внизу мечутся люди, плавающие, словно пропитанные керосином факелы. Когда же он добрался до вершины эскалатора, то увидел, что Абра лежит на полу, словно кем-то брошенный мусор. Мужчины и женщины пробегали мимо нее, ничего не замечая, и хотя пламя бушевало всюду, никто почему-то не пытался воспользоваться эскалатором, который спускался вниз. Люди попросту бесцельно метались, как муравьи, чей муравейник разворошила борона фермера. Одна женщина на высоких шпильках чуть не наступила на его дочь, что наверняка убило бы ее.

Абра лежала совсем без одежды. На ее груди было написано число 175.

7

Супруги Стоун проснулись одновременно, и оба поначалу были уверены, что крики, которые они слышат, – это отголоски их снов. Но нет. Плач доносился из их комнаты. Абби лежала в колыбельке под крутящимся мобилем с героями «Шрека». Глаза ее были широко открыты, щечки покраснелись, и, сжав кулачки, она буквально исходила криком.

Смена подгузника не помогла, как и грудь матери, как и целые мили, которые они отшагали, баюкая девочку и в тысячный раз напевая ее любимую песенку «Колеса автобуса». Наконец, уже предельно испуганная – все-таки Абра ее первенец, – Люси позвонила в Бостон Кончетте. И хотя было уже два часа ночи, Момо сняла трубку после второго гудка. Ей исполнилось восемьдесят пять, и ее сон был хрупок, как старческая кожа. Она сначала послушала крики своей правнучки, затем чуть более связный рассказ Люси о тех всем известных средствах, которые они уже испробовали, и задала несколько вполне уместных вопросов:

– Нет ли у нее жара? Не тербит ли она ушко? Быть может, дергает ножками, словно ей хочется по-большому?

– Нет, – ответила Люси, – ничего подобного. Она слегка покраснелась от долгого плача, но температура в норме. Что мне делать, Момо?

Четта, которая уже сидела за своим рабочим столом, не колебалась с ответом:

– Дай ей еще пятнадцать минут. Если она не успокоится и не возьмет грудь, вези ее в больницу.

– Что? В женскую больницу Бригэма? – Взволнованной Люси ничего другого не пришло в голову. – Но до них же сто пятьдесят миль!

– Нет, конечно. В Брайтон. Это прямо на границе со штатом Мэн. Она немного ближе, чем центральная клиническая больница Нью-Гэмпшира.

– Ты уверена?

– Я как раз сейчас проверяю все на своем компьютере.

Абра не хотела успокаиваться. Ее монотонный плач сводил с ума. Без четверти четыре они приехали в брайтонскую больницу, но крики девочки все никак не смолкали. Поездки на «акуре» обычно действовали лучше всякого снотворного, но только не этим утром. Дэвиду пришло в голову, что у дочки может быть аневризма, но он поспешил сказать себе, что выжил из ума. Ведь у младенцев не бывает инсультов... Или бывают?

– Дэви? – чуть слышно спросила Люси, когда они остановились под вывеской «ТОЛЬКО ДЛЯ ОТДЕЛЕНИЯ РЕАНИМАЦИИ». – Ведь у младенцев не бывает инсультов или инфарктов?... Или это случается?

– Нет. Я уверен, что не бывает.

Но ему в голову пришла новая мысль. Вдруг дочка случайно проглотила английскую булавку, а та раскрылась у нее в животике? Но это же глупость! Они использовали только подгузники «Хаггиз». Откуда взяться булавке?

Тогда что-нибудь другое? Заколку из прически Люси. Любой посторонний предмет, случайно упавший в кроватку. Или, не дай Бог, обломок пластмассы от фигурок Шрека, осла, принцессы Фионы.

– Дэви? О чем ты думаешь?

– Ни о чем.

Нет, игрушка была совершенно безопасна. Он в этом не сомневался.

Почти не сомневался.

Абра продолжала истошно кричать.

8

Дэвид надеялся, что дежурный врач сразу же даст его дочери успокоительное, но оказалось, что правила строго запрещали применять их на детях, которым еще не поставлен диагноз. Между тем у Абры Рафаэллы Стоун не удавалось выявить никаких заболеваний. У нее не поднялась температура, на теле не было сыпи, а ультразвук не выявил пилоростеноза. Рентген не показал наличия инородных тел в горле, желудке или кишечнике. Выходило, что она плакала без всякой на то причины. В столь ранний час вторника дочь Стоунов оказалась единственной пациенткой в реанимации, и каждая из трех дежурных медсестер сделала попытку уговорить ее. Но ничего не получилось.

– Разве вы не должны попытаться чем-нибудь накормить ее? – спросила Люси очередного доктора, явившегося для осмотра малышки. У нее в голове крутились слова «лактат Рингера». Она слышала их в одном из сериалов про медиков, которые обожала со времен юношеской влюбленности в актера Джорджа Клуни. Но поскольку она ничего об этом лактате не помнила, он с таким же успехом мог оказаться лосьоном для ног, слабительным или лекарством для язвенников. – Она не берет у меня грудь и отказывается пить из бутылочки.

– Когда она проголодается, то поест непременно, – заверил врач, но ни Люси, ни Дэвиду не стало от этого легче. Во-первых, доктор на вид казался моложе их обоих. А во-вторых (что было гораздо хуже), в его голосе не слышалось твердой уверенности.

– Вы звонили вашему педиатру? – Врач сверился с бумагами. – Доктору Долтону?

– Я оставил сообщение на его автоответчике, – сказал Дэвид. – Но он, вероятно, перезвонит только утром, а к тому времени все закончится.

Закончится так или иначе, и его воспаленный мозг, уже совершенно неуправляемый от недосыпа и чрезмерных переживаний, услужливо нарисовал ужасающую картину: сборище скорбящих родственников у маленькой могилки. И совсем маленький гробик.

В половине восьмого Четта Рейнолдс ворвалась в смотровую комнату приемного покоя реанимации, где расположились Стоуны и их все еще надрывавшийся от крика младенец. Поэтесса, которую прочили в кандидаты на президентскую медаль Свободы, натянула на себя узкие прямые джинсы и свитер с эмблемой Бостонского университета и прорехой на локте. Сразу бросалось в глаза, как сильно она похудела за последние три-четыре года. «У меня нет рака, если вы об этом подумали, – говорила она всем, кто отпускал замечания по поводу ее модельной худобы, которую она обычно старалась прятать под просторными платьями и туниками. – Я просто много тренируюсь для предстоящего круга почета».

Ее волосы, как правило, заплетенные в косу или уложенные сложными узлами на голове, чтобы продемонстрировать обширную коллекцию старинных гребней и заколок, колыхались вокруг головы хаотичным облаком в духе Эйнштейна. Она не успела накраситься, и даже в своем полубезумном состоянии Люси поразились, насколько же Кончетта постарела. Впрочем, она и была старухой. Восемьдесят пять – более чем почтенный возраст, но до нынешнего утра ухитрялась выглядеть пожилой женщиной, которой чуть перевалило за шестьдесят.

– Я бы приехала на час раньше, если бы сумела найти кого-то, чтобы присмотреть за Бетти. – Это был ее дряхлый боксер.

Она тут же перехватила исполненный упрека взгляд Дэвида и ответила на него:

– Да будет тебе известно, что Бетти при смерти. А после разговора с тобой по телефону у меня не было чрезмерных причин волноваться за Абру.

– Быть может, теперь они появились? – спросил Дэвид.

Люси бросила на него предостерегающий взгляд, но Четта оказалась готова к упреку.

– Да, появились. – Она протянула руки. – Дайте ее мне. Проверим, не успокоится ли она ради Момо.

Но и на руках у Момо Абра не затихла, как бы та ни укачивала ее. Не помогла и тихая, но удивительно мелодичная колыбельная (насколько понял Дэвид, итальянская версия «Колес автобуса»). Потом они по очереди снова попытались расхаживать с плачущей девочкой на руках: кругами по смотровой комнате, вдоль коридора и обратно. Крики не смолкали. В какой-то момент у входа возникла суeta, и в приемный покой на каталке ввезли действительно серьезно раненного человека – по крайней мере так показалось Дэвиду, – однако в смотровом кабинете номер четыре больше никто не обратил на это внимания.

Без пяти девять дверь комнаты открылась, и вошел семейный педиатр Стоунов. Доктора Джона Долтона Дэн Торранс отлично знал в лицо, хотя и не по фамилии. Для Дэна он был просто доктором Джоном, отвечавшим за приготовление кофе на всех вечерних встречах группы АА по четвергам в Норс-Конвее, которые посвящались изучению «Большой книги».

– Ну, слава Богу! – воскликнула Люси, тут же сунув плачущую дочь в руки педиатра. – Мы *несколько часов* ждали помощи от вас!

– Когда вы позвонили, я как раз был в пути. – Долтон прижал Абру к плечу. – У меня было несколько местных вызовов, а потом еще пациент в Касл-Роке. Вы ведь слышали, что произошло?

– Слышали о чем? – спросил Дэвид. Когда дверь открылась, он впервые заметил, что в коридорах больницы стало многолюдно, причем разговоры велись на возбужденных, повышенных тонах. Кое-кто даже плакал. Принимавшая их медсестра прошла мимо с красным лицом, опухшим от слез, все еще стекавших по щекам. На орущего ребенка она даже не взглянула.

– Пассажирский самолет врезался в здание Всемирного торгового центра, – объяснил Долтон. – И вряд ли случайно.

Это был рейс номер 11 компании «Американ эйрлайнз». Рейс 175 авиакомпании «Юнайтед эйрлайнз» протаранил южную башню Всемирного торгового центра семнадцать минут спустя, в 9.03. И ровно в 9.03 Абра внезапно перестала кричать. В 9.04 она уже крепко спала.

По пути обратно в Эннистон Дэвид и Люси слушали радио, в то время как Абра преспокойно спала в детском креслице на заднем сиденье. Слышать новости было невыносимо, но и выключить... немисливо. По крайней мере пока ведущий перечислял названия авиакомпаний и номера рейсов разбившихся лайнеров: двух в Нью-Йорке, одного в Вашингтоне и еще одного в сельской Пенсильвании. Потом Дэвид протянул наконец руку и выключил магнитоу, прервав поток леденящих душу сообщений.

– Люси, мне надо тебе кое о чем рассказать. Мне приснилось...

– Я знаю, – прервала она его бесстрастным тоном человека, находящегося в глубоком шоке. – Я тоже видела сон.

К тому времени когда они пересекли границу Нью-Гэмпшира, Дэвид начал подозревать, что мог ошибиться насчет той сорочки.

10

В городке штата Нью-Джерси на западном берегу реки Гудзон расположен парк, названный в честь самого знаменитого из местных жителей. В ясный день оттуда открывается превосходный вид на Нижний Манхэттен. Истинный Узел в полном составе прибыл в Хобокен восьмого сентября, расположившись на частной парковке, которую они арендовали на десять дней. Папаша Ворон все устроил. Красивый и представительный мужчина примерно сорока лет, Ворон предпочитал футболку с надписью «ДУША КОМПАНИИ». Хотя, разумеется, официальными делами от имени Узла он занимался в строгих костюмах с галстуком. Этого ожидали от него лохи. По документам он значился как Генри Ротман. Юрист, получивший образование в Гарварде (выпуск 1938 года), он всегда носил при себе только наличные. Истинные располагали состоянием, превышавшим миллиард долларов и хранившимся на разных счетах по всему миру, вложенным в золото, бриллианты, редкие книги, марки и дорогие произведения искусства, но при этом они никогда не расплачивались чеками или кредитными карточками. Каждый, даже Горошинка и Стручок, которые вообще выглядели детьми, носили при себе пачки десятков и двадцаток.

Как однажды выразился Джимми Счетовод: «Мы живем по принципу «плати и неси». Платим наличными, и лохи нас несут». Сейчас Джимми заменял Истинным бухгалтера, но в бытность свою лохом он когда-то принадлежал к банде Куонтрильских рейдеров (так их называли через много лет после окончания войны), отличался буйным нравом, носил пальто из буйволовой кожи и не расставался с карабином Шарпса. За прошедшие десятилетия нрав его заметно смягчился, и он даже вывесил у себя в передвижном домике портрет Рональда Рейгана с личным автографом.

Утром 11 сентября Истинные наблюдали за разрушением башен-близнецов со своей стоянки, передавая друг другу четыре бинокля. Из парка имени Синатры вид был бы гораздо лучше, но Роуз не пришлось никому объяснять, что собраться там заранее значило навлечь на себя подозрения... а в ближайшие месяцы и годы Америка станет нацией очень подозрительных людей: увидел – сообщи.

Только около десяти утра, когда толпы людей уже заполнили набережную и им ничто не угрожало, они тоже перебрались в парк. Юные близнецы Горошинка и Стручок толкали инвалидную коляску, в которой сидел Дедушка Флик. Дедушка носил бейсболку с надписью «Я ВЕТЕРАН». Его длинные, по-детски тонкие волосы торчали из-под краев, как пучки ковыля. Было время, он называл себя ветераном испано-американской войны. Потом Первой мировой. Сейчас это была Вторая мировая, а лет через двадцать он планировал переключиться на Вьет-

нам. С подробностями и деталями боевых походов проблем не возникало: старикан обожал читать военные мемуары.

Парк имени Синатры был буквально забит народом. Большинство собравшихся мрачно молчали, но многие плакали. Энни Фартук и Черноглазка Сью пришлось как нельзя кстати – обе умели рыдать на заказ. Остальные нацепили соответствовавшие случаю маски скорби, ужаса и недоумения.

Словом, члены Истинного Узла полностью слились с толпой. Как и всегда.

Зеваки приезжали и уезжали, но Истинные не трогались с места почти весь день, который выдался безоблачным и красивым (если не считать клубов черного дыма, окутавших почти весь Нижний Манхэттен). Они выстроились вдоль металлического ограждения набережной и не общались между собой, а лишь смотрели. И дышали полной грудью, как туристы из прерий Среднего Запада, спешащие в штате Мэн надышаться свежим морским воздухом. В знак траура Роуз сняла свой цилиндр и держала его в руке.

Только после четырех часов они направились обратно к своему лагерю на стоянке, исполненные новых сил. Они вернутся на следующий день, и на следующий, и через два. Они будут возвращаться, пока не исчезнут последние витавшие над этими местами остатки пара, а потом тронутся в путь.

К тому времени совершенно белые волосы Дедушки Флика приобретут стальной оттенок, а инвалидная коляска станет не нужна.

Глава 3

Ложки

1

От Фрейзера до Норс-Конвея было двадцать миль, но Дэн Торранс проделывал это путешествие вечером каждого четверга. Отчасти потому, что мог теперь себе это позволить. Он работал в Доме имени Хелен Ривингтон, получал приличное жалование и даже вернул права. По такому случаю он обзавелся автомобилем. Не бог весть чем – всего-навсего трехлетним «шевроле-каприс» с дешевыми покрышками и плохой магнитолой, – но двигатель был в полном порядке, и каждый раз, заводя его, Дэн чувствовал себя самым везучим человеком во всем Нью-Гэмпшире. Он думал, что, если ему никогда больше не придется ездить на автобусе, он сможет умереть счастливым. Был январь 2004 года. Если не считать нескольких случайно перехваченных чужих мыслей и образов (и некоторых специфических обязанностей, которые ему порой приходилось выполнять в хосписе), сияние практически не давало о себе знать. Он бы в любом случае не отказался от этих обязанностей в хосписе, но теперь, проведя некоторое время с АА, начал видеть в них своего рода способ возместить ущерб, что бросившие пить люди считали почти столь же важным, как и полное воздержание от алкоголя. Через три месяца он сможет отметить три года трезвости.

Очередная поездка считалась важной составляющей ежедневных благодарственных медитаций, на отправлении которых настаивал Кейси К. (потому что, объяснял он с несокрушимой уверенностью заслуженного ветерана Программы, благодарный алкоголик никогда не притронется к спиртному), но Дэну и самому полюбились эти вечера по четвергам с «Большой книгой». Они оказывали умиротворяющее воздействие и часто были интересными. На некоторые встречи, где члены группы открыто обсуждали свои проблемы, собиралось слишком много народу, и получалось шумно и бестолково, но этого никогда не происходило по четвергам в Норс-Конвее. Не зря среди членов АА давно гуляла поговорка: *Если хочешь что-то надежно спрятать от бывшего алкаша, сунь это в «Большую книгу»*. Почти пустая комната по четвергам в Норс-Конвее подтверждала эти слова. Даже в те несколько недель в разгар туристического сезона, что приходились на промежуток между Четвертым июля и Днем труда, в помещении, предоставляемом «Анонимным алкоголикам» организацией военных ветеранов, едва ли набиралась дюжина человек. В результате Дэн мог услышать истории, которые, как он справедливо подозревал, никогда не подверглись бы огласке в присутствии семидесяти с лишним излечившихся пьяниц и наркоманов. Во время крупных сборищ выступавшие имели склонность сбиваться на банальные, общие фразы (которых были тысячи), а не делиться своим личным жизненным опытом. Ты мог услышать: *Серьезное отношение к проблеме всегда приносит пользу*. Или: *Предлагаю всем желающим изучить мой подход к методике изменения образа жизни*, но никогда: *Я однажды трахнул жену брата, потому что мы оба были пьяны*.

А на занятиях под названием «Мы учимся трезвости» узкий круг собравшихся вновь и вновь перечитывал большую синюю книжку Билла Уилсона от корки до корки, каждый раз начиная с того места, на котором остановились в прошлый четверг. Добравшись до конца, они возвращались к «Рассказу доктора Билла» и начинали все с начала. Обычно за одну встречу одолевали страниц десять. На это уходило примерно полчаса. Оставшееся время полагалось отводить обсуждению прочитанного. Иногда у них это получалось, но частенько разговор уезжал куда-то в сторону, как спиритическая доска под пальцами нервного подростка.

Дэн вспомнил об одном таком вечере четверга, на котором он присутствовал после уже почти восьми месяцев воздержания. Обсуждалась глава «Обращение к женам», содержащая много давно устаревших предрассудков, которые почти всегда вызывали бурные протесты у молодых женщин. Они неизменно вопрошали, почему за все шестьдесят пять лет со времени первой публикации «Книги» никому не пришлось в голову добавить главу «Обращение к мужьям».

Когда в тот вечер руку подняла Джемма Т. – дама лет тридцати, которая неизменно выглядела либо злой, либо недовольной, – Дэн ожидал услышать очередную феминистскую тираду. Однако она заговорила гораздо более спокойно, чем обычно:

– Мне необходимо с вами этим поделиться. Я все держала в себе с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, и если я не выговорюсь, то никогда не смогу надолго завязать с коком и выпивкой.

Группа ждала.

– Я сбила на машине человека, когда возвращалась домой пьяная после одной вечеринки, – начала Джемма. – Мы тогда еще жили в Сомервилле. Я так и оставила его лежать на обочине дороги, не зная, жив он или погиб. Мне это до сих пор неизвестно. Я все ждала, что придут копы и арестуют меня, но они не пришли. Мне все сошло с рук.

Она вдруг расхохоталась, словно услышала особенно веселую шутку, а потом уронила голову на стол и разрыдалась так, что сотрясилось все ее костлявое тело. Для Дэна это стало первым наглядным уроком, насколько ужасным может быть принцип «правдивости во всем» на практике. Он сразу подумал (как и всегда) о деньгах, украденных им из кошелька Дини, и о мальчике, тянувшем руку к остаткам кокаина. Он даже немного позавидовал смелости Джеммы, но понял, что сам на такую предельную откровенность не способен. Если бы перед ним встал выбор: рассказать эту историю всем или выпить...

Я бы лучше выпил. Это точно.

2

Нынешним вечером они читали «Уличную браваду» из оптимистичного раздела «Они потеряли почти все». Сюжет Дэн уже выучил наизусть: хорошая семья, воскресные походы в церковь, первая рюмка, первый запой, пьянство губит бизнес, необходимость все время лгать, первый арест, нарушение обещания исправиться, вступление в АА и счастливый конец. Все «житейские» истории в «Большой книге» заканчивались благополучно. В этом заключалась ее притягательная сила.

Погода стояла холодная, но в комнате было слишком тепло, и Дэна начал смаривать сон, когда вдруг доктор Джон поднял руку и сказал:

– Мне приходится врать своей жене, и я не знаю, как положить этому конец.

Дэн мгновенно очнулся от дремы. Доктор всегда вызывал у него симпатию.

Как выяснилось, жена подарила Джону на Рождество часы, причем очень дорогие, а когда пару дней назад спросила, почему он их не носит, Джону пришлось сказать, что он забыл их у себя в кабинете.

– Но только их там нет. Я уже все перерыл. Как сквозь землю провалились. Вообще-то мне часто приходится консультировать по разным больницам, и там я переодеваюсь, пользуясь шкафчиками во врачебной раздевалке. На них есть цифровые замки, но я почти никогда не запираю их, потому что стараюсь не носить при себе много наличных или ценных вещей. Часы были, наверное, единственным исключением. Только их и стоило красть. Не помню, чтобы когда-либо снимал их с руки в таких случаях, но другого объяснения не вижу. И дело ведь даже не в их стоимости. Просто эта пропажа всколыхнула столько неприятных воспоминаний

о тех днях, когда я упивался до одури каждый вечер, а утром курил травку, чтобы быстрее привести себя в чувство.

Выслушав рассказ, присутствующие сочувственно покивали головами, а потом посыпались их собственные истории о том, как им приходилось обманывать близких. Никто не смог ничего посоветовать доктору. Общение продолжалось в привычном ключе. Товарищи по несчастью считали своим долгом лишь поделиться личным опытом. Джон слушал их, понутив голову и зажав ладони между коленями. Потом он пустил по кругу традиционную корзинку («Мы финансируем себя сами за счет добровольных пожертвований членов»), поблагодарив каждого за вклад, хотя по его виду было заметно, что особого толку от этих вкладов не было.

Встреча закончилась, как всегда, общей молитвой. Дэн убрал остатки печенья и потрепанные тома «Большой книги» в шкафчик, помеченный буквами АА. Несколько человек задержались перед входом, чтобы выкурить по сигарете – иногда это в шутку называлось «беседой после беседы», – а Дэн и доктор остались в комнате одни.

Дэн не слишком внимательно слушал других рассказчиков – после истории доктора Джона в нем происходила нешуточная внутренняя борьба. Сияние не проявлялось в последнее время особенно ярко, но оно никуда не делось. Более того, выполняя свои добровольные функции в хосписе, Дэн чувствовал, что сияние стало сильнее, чем когда-либо со времен раннего детства, хотя сейчас он вроде бы научился контролировать его. В итоге оно перестало пугать и приобрело полезные свойства. Коллеги Дэна по Ривингтону догадывались, что он наделен каким-то особенным свойством, но списывали все на его умение искренне сочувствовать умирающим людям. Последнее, чего он хотел сейчас, когда его жизнь постепенно вошла в нормальную колею, – это прослыть доморощенным экстрасенсом. Лучше было держать все в тайне.

С другой стороны, ему нравился доктор Джон, которого действительно мучила возникшая проблема.

Доктор помыл кофеварку и поставил вверх дном на полку для сушки, а потом вытер руки обрывком бумажного полотенца. Он повернулся к Дэну и улыбнулся, но улыбка была такой же настоящей, как кофеин в порошковом напитке, пачку которого Дэн убрал в шкаф вместе с печеньем и сахарницей.

– Что ж, мне пора. Увидимся через неделю.

В итоге решение созрело само; Дэн просто не мог отпустить этого доброго человека в таком подавленном состоянии. Он протянул руки.

– Бросаем!

Знаменитое мужское объятие АА. Дэн не раз наблюдал этот обряд со стороны, но никогда и ни с кем не обнимался сам. После некоторого колебания Джон шагнул к нему. Дэн привлек его к себе, думая: *Едва ли из этого хоть что-нибудь получится.*

Но все получилось. Ответ пришел быстро, как в детстве, когда он помогал маме или папе найти потерявшуюся вещь.

– Послушайте, док, – сказал он, размыкая объятия. – Вы тревожились по поводу мальчика с болезнью Гушера.

Джон отшатнулся.

– О чем вы?

– Я наверняка неправильно произношу название болезни. Гушер? Глатчер? Это что-то связанное с костями.

У доктора от удивления отвисла челюсть.

– Вы имеете в виду случай Нормана Ллойда?

– Вам виднее.

– Норми страдает болезнью Гоше. Это липидное расстройство. Заболевание наследственное и очень редкое. Вызывает увеличение селезенки, неврологические проблемы и, как пра-

вило, приводит к ранней и мучительной смерти. У бедного мальчика скелет уже сейчас почти стеклянный, и он, вероятно, не доживет даже до десяти лет. Вот только откуда об этом известно вам? Родители рассказали? Но ведь Ллойды живут у черта на куличиках, в Нашуа.

– Вы были очень взволнованы перед разговором с ним. Вас всегда сводят с ума ситуации, когда вы ничем не можете помочь пациенту. Именно поэтому вы зашли в туалет с Тигрой на двери, чтобы помыть руки, хотя в этом не было никакой необходимости. Сняв часы, вы положили их на полку, где обычно хранят эту темно-красную дезинфицирующую жидкость в пластиковых бутылках. Названия я не знаю.

Доктор смотрел на Дэна как на умалишенного.

– В какой больнице лежит ребенок? – спросил Дэн, ничуть не смутившись.

– В Элиоте. Время вроде бы совпадает, и я действительно заходил в туалет педиатрического отделения рядом с комнатой медсестер, чтобы помыть руки.

Он сделал паузу и задумался.

– Хотя знаете, там ведь действительно везде встречаются наклейки с персонажами Милна. Но только если бы снял часы, то я бы запом...

Доктор снова замолк.

– Вы только что *действительно* об этом вспомнили, верно? – спросил Дэн с улыбкой. – Вижу, что вспомнили. Признайтесь.

Джон кивнул.

– Но ведь я обошел столы находок в Элиоте и других больницах, в которых бывал, – и ничего.

– Что ж, вполне вероятно, кто-то нашел ваши часы и присвоил. Это, конечно, печально... Но теперь вы по крайней мере сможете честно рассказать жене о том, что случилось. И она наверняка поймет, *почему* это произошло. Вы думали о больном мальчике, *переживали* за него и только поэтому забыли надеть часы, помыв руки. Это же так естественно! И к тому же они все еще могут быть там. Полка расположена высоко, а тем средством едва ли вообще пользуются. Рядом с краном есть жидкое мыло.

– На той полке стоит бетадин, – сказал Джон. – Ее специально разместили повыше, чтобы дети не могли дотянуться. Я как-то не обращал раньше на это внимания. Но... Дэна, вы вообще когда-нибудь *бывали* в Элиоте?

А вот это был вопрос, на который ему не хотелось отвечать.

– Просто проверьте полку, док. Может статься, вам повезет.

3

На следующую встречу «Мы учимся трезвости» в четверг вечером Дэн приехал пораньше. Если доктор Джон все-таки решил развалить свою супружескую жизнь заодно с профессиональной карьерой из-за часов за семьсот долларов (а пьяницы часто теряли семью и работу по гораздо менее значительным поводам), кому-то придется готовить кофе вместо него. Но Джон был уже там. И его часы тоже.

На этот раз доктор сам заключил Дэна в объятия. Причем вложил в них всю душу. Дэн даже ожидал, что Джон расцелует его в обе щеки.

– Они лежали на том самом месте, которое вы указали. Прошло десять дней, а они просто лежали там. Это похоже на чудо.

– Ничего необычного, – отмахнулся Дэн. – Большинство людей редко смотрит вверх. Достоверно подтвержденный научный факт.

– Но откуда *вы узнали* об этом?

Дэн покачал головой:

– Не могу объяснить. Просто иногда я знаю, вот и все.

- Как я могу отблагодарить вас?
- Этого вопроса Дэн не просто ждал. Он надеялся услышать его.
- Соблюдая Двенадцатый принцип «Анонимных алкоголиков», как же еще?
- Джон удивленно вскинул брови.
- Анонимность. Проще говоря, держите язык за зубами.
- Теперь до доктора дошло, и он усмехнулся:
- Это не сложно.
- Вот и отлично. А теперь беритесь за кофе. Я достану и разложу книги.

4

Большинство групп «Анонимных алкоголиков» в Новой Англии традиционно отмечает годовщины, называя их днями рождения и празднуя чаепитием с тортом. Незадолго до того как Дэн собирался подобным образом отметить третью годовщину своей трезвости, Дэвид Стоун и прабабушка Абры навестили Джона Долтона – известного в некоторых кругах как доктор Джон, или, как его называли, Ди-Джей, – чтобы пригласить его на другое трехлетие. Стоуны устраивали праздник в честь третьего дня рождения Абры.

– Это очень мило, – сказал Джон, – и я буду счастлив заехать к вам, если работа не помешает. Однако сдается мне, что за вашим приглашением кроется что-то еще.

– Так и есть, – ответила Четта. – И присутствующий здесь мистер Упрямец решил, что настало наконец время поговорить об этом с вами.

– У Абры проблемы со здоровьем? В таком случае рассказывайте. Но последнее обследование показало, что с ней все в полном порядке. Она пугающе умна для своего возраста. И обладает потрясающей способностью к общению. Уровень развития речи зашкаливает. Умение читать тоже. В прошлый раз на приеме она прочла мне «Аллигаторы повсюду». Возможно, наизусть, но это все равно изумительно для ребенка, которому еще нет и трех лет от роду. А Люси знает, что вы здесь?

– Собственно, это Люси и Четта подбили меня на визит к вам, – признался Дэвид. – Люси осталась дома с Аброй – готовят пирожные к празднику. Когда я уезжал, кухня напоминала ад крошечный.

– Так о чем, собственно, речь? Похоже, вы хотите, чтобы я поучаствовал в детском торжестве в качестве наблюдателя?

– В самую точку, – кивнула Кончетта. – Никто из нас не может предсказать заранее, произойдет ли что-нибудь, но вероятность заметно повышается, когда она находится в некотором эмоциональном возбуждении, а свой день рождения она ждет *с огромным волнением*. Собираются все ее друзья из детского садика, а еще мы пригласили фокусника.

Джон выдвинул ящик стола и достал блокнот с желтыми страницами.

– Чего конкретно вы ожидаете?

Дэвид замялся.

– Это... Это трудно предугадать.

Четта резко повернулась к нему.

– Давай, саро⁸. Слишком поздно отступать. – Она говорила легко, почти весело, но Джону показалось, что в ее голосе он улавливает некоторую тревогу. Впрочем, они оба выглядели немного встревоженными. – Расскажи все и начни с той ночи, когда она начала плакать и никак не могла остановиться.

⁸ Дорогой (*ит.*).

5

Дэвид Стоун уже десять лет преподавал на старших курсах университета историю США и европейскую историю XX века, а потому прекрасно умел построить свой рассказ в соответствии с четкой внутренней логикой. Свое повествование он начал с того факта, что небывалый по продолжительности плач их тогда совсем крошечной дочурки прекратился практически в тот самый момент, когда второй самолет врезался в башню Всемирного торгового центра. Затем он посвятил собеседника в детали их сновидений, когда Люси видела на груди Абры номер рейса «Американ эйрлайнз», а он – номер рейса «Юнайтед эйрлайнз».

– В своем сне Люси нашла Абру на полу туалета в самолете. Я же обнаружил ее в охваченном огнем торговом центре. Это само по себе может привести вас к определенным выводам. Или нет. Лично мне эти номера рейсов кажутся весьма убедительными. Однако о чем они свидетельствуют, я понятия не имею. – Он невесело рассмеялся и всплеснул руками. – Возможно, я просто боюсь узнать правду.

Джон Долтон прекрасно помнил утро 11 сентября и нескончаемый крик Абры.

– Давайте говорить прямо. Вы полагаете, что ваша дочь, которой тогда едва исполнилось пять месяцев, предчувствовала трагедию и при помощи телепатии – условно назовем это так – посылала вам предупреждения?

– Да, – сказала Четта. – Изложено очень четко. Браво.

– Я понимаю, как это звучит, – продолжал Дэвид, – и потому мы с Люси никому ни о чем не рассказывали. Не считая Четты, разумеется. Люси с ней всем поделилась в ту же ночь. У нее от Момо нет тайн.

Он вздохнул. Кончетта в ответ окинула его ледяным взглядом.

– А у вас самой не было схожего сновидения? – обратился к ней Джон.

Она покачала головой.

– Я была в Бостоне. Вероятно, за пределами... Даже не знаю, как это назвать. За пределами ее зоны вещания, что ли?

– С той ночи минуло почти три года, – заметил Джон. – Как я догадываюсь, с тех пор произошло что-то еще?

Произошло много чего, но теперь, после того как он сумел рассказать о первом (и самом невероятном) случае, говорить Дэвиду стало гораздо легче.

– Следующим был случай с пианино. Вы знаете, что Люси музицирует?

Джон помотал головой.

– Ну так вот, она играет на пианино. Еще со школьных лет. Она, конечно, не великий пианист, но владеет инструментом вполне прилично. У нас «Фогель» – свадебный подарок моих родителей. И стоит пианино в гостиной, куда мы обычно помещали манеж Абры. Короче, одним из моих подарков Люси на Рождество две тысячи первого года были ноты песен «Битлз» в переложении для фортепиано. Абра любила лежать в манеже, крутить в руках игрушки и слушать. Она так улыбалась и дергала в такт ножками, что становилось ясно – музыка ей нравилась.

Джон не был пока особенно заинтригован. Многие совсем маленькие дети любили музыку и умели найти способ показать это.

– В тот сборник были включены все хиты – «Эй, Джуд», «Леди Мадонна», «Пусть будет так», – но Абра почему-то особенно полюбила гораздо менее известную, «Второго шанса не будет». Вы ее знаете?

– Так сразу и не вспомню, – признался Джон, – но смогу, если услышу мелодию.

– Это довольно быстрая вещь, но в отличие от других быстрых песен «Битлз» построена скорее на аккордах пианино, чем на гитаре. Не буги-вуги, но что-то близкое по духу. Абра

обожала ее. Когда Люси исполняла песню, она не просто дергала ножками, а крутила ими, как на велосипеде. – Дэйв улыбнулся, вспомнив, как Абра в малиновом комбинезоне лежала на спине, изображая королеву дискотеки. – Простенькая инструментальная часть исполняется почти исключительно на пианино. Можно сыграть одной левой рукой. Всего двадцать девять нот – я позже специально подсчитал. Справится и ребенок. Наш справился.

У Джона от удивления брови взлетели чуть ли не к самой линии волос.

– Это началось весной две тысячи второго года. Мы с Люси однажды читали, лежа в постели. По телевизору передавали прогноз погоды на завтра, а его обычно дают ближе к середине одиннадцатичасового выпуска новостей. Мы полагали, что Абра давно спит в своей комнате. Люси попросила меня выключить телевизор, потому что тоже уже хотела спать. Я щелкнул кнопкой на пульте, и тогда мы услышали. Инструментальный проигрыш из «Второго шанса не будет». Все двадцать девять нот. В превосходном исполнении. Ни единой ошибки. Причем звуки доносились снизу.

Как же мы перепугались, док! Сначала подумали, что в дом влез грабитель, но только какой бандит задержится, чтобы сыграть немного «Битлз», прежде чем взяться за столовое серебро? Пистолета я не держу, ключики для гольфа хранятся в гараже, а потому я снял с полки самую тяжелую книгу, какая попалась под руку, и спустился вниз, чтобы врезать незваному гостю, кем бы он ни оказался. Глупый поступок, понимаю. Но я велел Люси держать телефон в руке и сразу набрать «девять-один-один», если услышит мой крик. Однако внизу никого не оказалось, все двери были надежно заперты. А крышка пианино опущена.

Я вернулся наверх и сообщил Люси, что не нашел ничего и никого. Тогда мы вышли в коридор, чтобы проверить малышку. Мы даже не говорили ни о чем, а просто пошли к ней в спальню. Уверен, мы оба уже догадывались, что это проделки Абры, но не хотели произносить такие вещи вслух. Она не спала. Просто лежала в колыбельке и смотрела на нас. Знаете, тем мудрым младенческим взглядом.

Джон знал. Порой казалось, что дитя способно поделиться с тобой всеми тайнами Вселенной, но только пока не умеет говорить. Джону даже приходило в голову, что Создатель зачем-то специально все устроил именно так, чтобы к тому времени, когда младенческий лепет превращался в связную речь, дети обо всем забывали. Как мы забываем подробности самых ярких снов уже через пару часов после пробуждения.

– Она нам улыбнулась, закрыла глазки и мгновенно заснула. Но следующим вечером все повторилось. В то же самое время. Двадцать девять нот из гостиной... потом тишина... потом мы спешим в комнату Абры. Она не плакала и даже не сосала пальчик. Просто смотрела на нас сквозь решетку своей кровати, а затем быстро засыпала.

– Это действительно правда? – спросил Джон, желая внести полную ясность. – Вы не вешаете мне лапшу на уши?

Дэвид ответил без улыбки:

– Ни единой лапшинки.

Джон обратился к Четте:

– А вы сами это слышали?

– Нет. Но дайте Дэвиду закончить.

– Потом у нас выдалась пара спокойных ночей и... Ну, вы знаете секрет успешного воспитания – всегда и все планировать.

– Разумеется.

Джон Долтон сам не уставал читать подобные проповеди молодым родителям. Как вы будете справляться с ночными кормлениями? Составьте график, чтобы сменять друг друга, и тогда ни один из вас не доведет себя до переутомления. Как организовать мытье, прием пищи, одевание и игровое время, чтобы ребенок привык к регулярному (а значит – удобному) распорядку дня? Разработайте расписание. Спланируйте это. Вы знаете, как справляться с неужи-

данными ситуациями? С любым мелким несчастьем, от сломанной кровати до попавшего не в то горло кусочка пищи? Продумайте это, и тогда все и всегда будет заканчиваться благополучно.

– Так мы и поступили. Следующие три ночи подряд я укладывался спать на диван рядом с пианино. И на третью ночь звуки музыки раздались как раз в тот момент, когда я ложился. Крышка была закрыта, и я тут же поспешил открыть ее. Но клавиши оставались неподвижными. Меня это не удивило, потому что я уже понял, что музыка доносится не изнутри инструмента.

– Простите, а откуда же?

– Откуда-то *сверху*. Попросту из воздуха. К тому времени Люси уже вошла в комнату Абры. Прежде мы ничего не говорили, настолько были поражены, но на этот раз жена была готова. Она попросила Абру сделать это еще раз. Последовала пауза... А потом она выполнила просьбу мамы. Я стоял так близко, что, казалось, мог хватать пронесившиеся мимо ноты голыми руками.

В кабинете доктора Долтона воцарилось молчание. Он перестал делать записи в блокноте. Четта с мрачным видом смотрела на него. Потом он спросил:

– И это продолжается до сих пор?

– Нет. Люси усадила Абру на колени и попросила ее больше не играть так поздно вечером, потому что она мешает нам спать. И на этом музыка закончилась. – Он помолчал. – То есть *почти* закончилась. Однажды, примерно три недели спустя, я услышал мелодию снова, но звуки были очень тихими и на этот раз доносились сверху. Из ее комнаты.

– Она играла только для себя, – сказала Кончетта. – Видимо, проснулась, не смогла сразу заснуть... И исполнила сама себе коротенькую колыбельную.

6

В один из понедельников, примерно через год после катастрофы во Всемирном торговом центре, Абра – она уже умела ходить, а в ее почти нескончаемом лепете стали отчетливо слышны отдельные слова – притопала к входной двери и уселась перед ней, обнимая свою любимую куклу.

– Чего ты хочешь, моя сладкая? – спросила Люси. Она сидела за пианино, наигрывая одну из джазовых композиций Скотта Джоплина.

– Папа! – громко объявила Абра.

– Солнышко, папа вернется домой только к ужину, – сказала Люси, но ровно через пятнадцать минут к дому подъехала «аккура» и из нее вышел Дэйв со своим портфелем. Оказалось, что в здании, где он читал лекции по понедельникам, средам и пятницам, прорвало водопроводную трубу и занятия пришлось отменить.

– Люси, конечно, рассказала мне об этом, – вмешалась Кончетта. – И естественно, я уже знала про одиннадцатое сентября и фантомную музыку. Тогда я решила устроить ей свою проверку. Собралась к ним в гости и попросила Люси ничего не говорить девочке. Но Абра знала. Она опять уселась у входной двери ровно за десять минут до моего появления. И когда Люси спросила, кто придет, ответила: «Момо».

– Она это часто проделывает, – сказал Дэвид. – Конечно, не всякий раз, но если в гости едет человек, которого она знает и любит... практически всегда.

Поздней весной 2003 года Люси как-то застала дочку в их с мужем спальне, когда та пыталась вытащить один из ящиков комода.

– Деги! – сказала она Люси. – Деги, деги!

– Не понимаю тебя, лапушка, – отозвалась Люси, – но если очень хочешь, можешь заглянуть в мамин ящик. Только там ничего нет, кроме нижнего белья и старой косметики.

Но, как выяснилось, Абра вовсе не интересовало содержимое комода – она едва взглянула на него, когда Люси помогла ей открыть ящик.

– Зад! Деги! – Потом, глубоко вздохнув, повторила: – Деги зад, мама!

Родители никогда не в состоянии полностью овладеть языком маленьких детей: у них попросту не хватает на это времени, – но многие усваивают его до некоторой степени, и Люси поняла наконец, что дочку взволновал не сам по себе комод, а нечто позади него.

Охваченная любопытством, она начала отодвигать комод от стены. Абра метнулась в образовавшуюся щель. Люси испугалась за нее. Там могло быть очень пыльно, могла лежать какая-нибудь гадость вроде тараканов или дохлой мыши. Она попыталась ухватить дочку за край платья, но промахнулась. К тому времени когда она отодвинула комод полностью, чтобы заглянуть туда самой, Абра уже держала в руке купюру достоинством двадцать долларов, которая, по всей вероятности, провалилась в щель между поверхностью стола и зеркалом.

– Моти! – сказала она радостно. – Деги! *Мои* деги!

– Нет, – пришлось объяснить ей Люси, забрав бумажку из маленькой ручки. – «Деги» не для детишек, потому что детишкам «деги» не нужны. Но ты только что заработала себе мороженое.

– Молосено! – тут же подхватила Абра. – Мое молосено!

– А теперь расскажите доктору Джону о миссис Джадкинз, – обратился Дэвид к Четте. – Вы тогда гостили у нас.

– Да, верно, – кивнула Кончетта. – Потому что это произошло в выходные Дня независимости.

К лету 2003 года Абра уже говорила более-менее связными фразами. Кончетта приехала к Стоунам на все праздники. В воскресенье, шестого июля, Дэйв поехал в «Сэвен-элевен» за новым баллоном с газом для барбекю, которое они устраивали на заднем дворе. Абра играла с кубиками в гостиной. Люси и Четта расположились в кухне, периодически проверяя ребенка, чтобы девочка не вздумала вытащить шнур от телевизора из розетки и пососать его или затеять восхождение на высокие подушки Диванной горы. Но Абра не проявляла нежелательной активности и трудолюбиво строила из пластмассовых кубиков нечто вроде Стонхенджа.

Люси и Четта только что приступили к разгрузке посудомоечной машины, когда Абра вдруг начала кричать.

– Она голосила так, словно умирала, – сказала Четта. – Вы ведь знаете, как это страшно. Джон кивнул. Он и в самом деле знал.

– Бегать в моем возрасте весьма затруднительно, но в тот день я неслась быстрее чемпионки Вильмы Рудольф и оказалась на пороге гостиной раньше Люси. Причем я уже успела убедить себя, что дитя поранилось, и мне даже померещилось, будто я вижу кровь. Но с девочкой все было в полном порядке – по крайней мере физически. Она кинулась ко мне и обняла меня за ноги. Люси тоже оказалась рядом, и вместе мы сумели немного успокоить ее. После чего она воскликнула: «Ванни! Помоги Ванни, Момо! Ванни падает!» Я не знала никого по имени Ванни, зато знала Люси. Это была Ванда Джадкинз – соседка, жившая на другой стороне улицы.

– Она любимая соседка Абры, – сказал Дэвид, – потому что печет вкусное печенье и обычно приносит Абре парочку с ее именем сверху. Иногда выкладывает изюмом, иногда выводит кремом. Она вдова. Живет одиноко.

– И мы пошли к ней, – продолжала Четта. – Я – впереди, а Люси с Аброй на руках – следом за мной. Я постучала. Никто не ответил. «Ванни там, где стол! – заявила Абра. – Помоги Ванни, Момо! Помоги Ванни, мама! Она ударилась, у нее кровь!»

Дверь оказалась не заперта. Мы вошли. Я сразу же почуяла запах горелого теста. Миссис Джадкинз лежала в столовой рядом со стремянкой, сжимая в руке тряпку, которой вытирала пыль, а вокруг ее головы растеклась лужа крови, похожая на нимб. Я было подумала, что с ней

все кончено и она не дышит, но Люси нащупала пульс. При падении Ванда повредила череп, произошло небольшое кровоизлияние в мозг, но уже на следующий день она пришла в сознание. Она будет на дне рождения Абры, и вы сможете с ней познакомиться, если приедете. – Она решительно посмотрела на врача Абры Стоун. – Ваш коллега в реанимации сказал, что если бы Ванда пролежала без помощи еще немного, то умерла бы либо на всю жизнь превратилась в овощ... Что, на мой взгляд, гораздо хуже смерти. Так или иначе, малышка спасла ее.

Джон кинул авторучку поверх блокнота.

– У меня слов нет.

– Можно продолжать, – сказал Дэвид, – но это самые яркие случаи. Мне иногда кажется, что мы с Люси просто привыкли и многое перестали замечать. Как, должно быть, привыкают жить с ребенком, который от рождения слеп. Только в нашем случае все наоборот. Сейчас я думаю, что мы догадывались о ее способностях еще до одиннадцатого сентября. Понимали, насколько она особенная, практически с того дня, когда привезли ее из родильного отделения домой. Это такое ощущение...

Он задохнулся от волнения и усталился в потолок. Кончетта погладила его по руке.

– Продолжай. Ты же видишь, доктор Джон пока не звонит санитарам, чтобы нас увезли в сумасшедший дом.

– Хорошо. Понимаете, это такое ощущение, как если бы по твоему дому вечно гулял ветер, а ты не всегда понимал, куда он дует и к каким последствиям это может привести. Я постоянно жду, что сейчас вдруг начнут колыхаться шторы или картины попадают со стен, но ничего такого не происходит. Зато случаются другие вещи. У нас, например, два или три раза в неделю перегорают пробки – а порой и три раза на дню. Мы специально приглашали двух разных электриков, которые все проверили и заявили, что с проводкой нет никаких проблем. Бывает, утром спускаешься в гостиную и видишь, что чехлы с кресел и дивана сорваны и валяются на полу. Мы давно приучили Абру убирать за собой игрушки перед сном, и обычно она очень послушна, если не переутомилась или не заболела. Но иногда по утрам мы видим коробку с игрушками открытой, а часть игрушек лежит на полу. Обычно это ее любимые пластмассовые кубики.

Он снова сделал паузу, глядя на висевшую на стене оптометрическую таблицу. Джон ожидал, что Кончетта попросит его продолжать, но она промолчала.

– Я понимаю, насколько дико и странно это звучит, но клянусь, так все и было на самом деле. Однажды вечером мы включили телевизор и обнаружили, что по всем каналам идут «Симпсоны». Абра захохотала так, словно это была самая смешная в мире шутка. И Люси не сдержалась. «Абра Рафаэлла Стоун, – сказала она очень строго и громко, – если это твои проделки, то прекрати немедленно!» А надо сказать, что Люси почти никогда не повышает на дочь голос. Зато стоит ей сделать это, и Абра становится как шелковая. Так и получилось. Я выключил телевизор, а когда включил снова, все пришло в норму. Я мог бы привести десятки других примеров, но только... на мелочи мы уже почти не обращаем внимания.

Он пожал плечами.

– Я же говорю: мы просто привыкли так жить.

Джон сказал:

– Я обязательно приеду на торжество. Вы так меня заинтриговали, что невозможно побороть искушение.

– Быть может, в этот раз ничего и не произойдет, – предупредил Дэвид. – Вы же знаете бородатую шутку о том, как быстрее всего починить подтекающий кран? Просто вызвать водопроводчика.

Кончетта фыркнула:

– Если ты действительно так думаешь, мой милый, тебя может ожидать сюрприз. – А потом добавила, обращаясь к Долтону: – Его и к вам пришлось тащить, словно к дантисту.

– Не надо, Момо. – На щеках Дэвида показался легкий румянец.

Джон вздохнул. Он и прежде чувствовал неприязнь между ними. Не знал, в чем ее причина – вероятно, в ревности к Люси, – но ему не хотелось, чтобы они вернулись к вражде именно сейчас. Необычная миссия сделала их временными союзниками, и лучше бы они ими и остались.

– Эти препирательства ни к чему, – произнес он достаточно резко, чтобы они замолчали и посмотрели на него в некотором замешательстве. – Я вам верю. Хотя мне никогда прежде не доводилось сталкиваться ни с чем подобным...

Или доводилось? Он вспомнил о своих часах и призадумался.

– Док? – окликнул его Дэвид через некоторое время.

– Извините. Задумался.

Они оба улыбнулись. Снова по одну сторону баррикад. Вот и прекрасно.

– По крайней мере за санитарями никто посылать не собирается. У меня нет сомнений, что вы здравомыслящие люди, не склонные к галлюцинациям или истерии на пустом месте. Я бы мог заподозрить, что имею дело с так называемым синдромом Мюнхгаузена, если бы кто-то один рассказывал об этих... назовем их экстрасенсорными проявлениями. Но свидетелей трое, и это все меняет, хотя возникает вопрос: чего вы хотите конкретно от меня?

Дэйв заметно растерялся в отличие от своей престарелой «тещи».

– Чтобы вы понаблюдали за ней, как наблюдали бы за любым ребенком с необычным заболеванием...

Щеки Дэвида Стоуна, уже начавшие приобретать обычную окраску, снова стремительно *побагровели*.

– Абра ничем не больна, – решительно возразил он.

Четта повернулась к нему.

– Я и сама это знаю! Christo! Ты дашь мне закончить?

Дэйв всем своим видом изобразил готовность к долготерпению и поднял руки.

– Простите, простите, простите.

– Не надо стараться каждый раз заткнуть мне рот, Дэвид.

Пришлось снова вмешаться Джону:

– Если вы будете продолжать ссориться, *милые дети*, мне придется поставить вас в угол. Кончетта глубоко вздохнула.

– Поймите, доктор. Все это – источник тяжелейшего стресса для каждого из нас. Извини, Дэвид, если была груба с тобой.

– Не надо извинений, сага. Нас связывает общее дело.

Она чуть заметно улыбнулась:

– Вот именно. Общее дело. Поэтому, пожалуйста, доктор Долтон, понаблюдайте за ней, как за любым ребенком с неизвестным заболеванием. Это все, о чем мы просим, и на сегодняшний день, мне кажется, больше ничего не требуется. У вас могут появиться какие-то свои соображения. По крайней мере мне хотелось бы надеяться. Поймите...

Она повернулась к Дэвиду Стоуну с выражением абсолютной беспомощности, которое, видимо, редко появлялось на ее лице.

– Поймите, нам страшно, – продолжил Дэвид. – Я сам, Люси, Четта – мы до смерти напуганы. И боимся мы не ее, а *за нее*. Потому что она еще *такая маленькая*. Что, если эта сила... Даже не знаю, как по-другому ее назвать... Что, если она еще не достигла своего истинного размаха? Что, если она только начинает расти? Как нам быть тогда? Она ведь может... Даже не представляю, какими словами это выразить...

– Он все отлично представляет, – вмешалась Четта. – Она может потерять контроль над своей силой и причинить вред себе либо кому-то другому. Не знаю, какова вероятность такого

развития событий, но от одной только мысли, что это *может* случиться... – Она коснулась руки Джона. – От одной мысли становится жутко.

7

Дэн Торранс знал, что однажды поселится в башенке Дома Хелен Ривингтон, с того момента как увидел своего старого друга Тони, который махал ему из заколоченного окна. Он спросил о комнате в башне у миссис Клаузен, главной экономки Ривингтона, примерно через шесть месяцев после того, как был принят на работу в хоспис в качестве санитара, уборщика... и (сугубо неофициально) врача.

– Это не кабинет, а кладовка для хлама, – заявила миссис Клаузен, шестидесятилетняя дама с пронзительно-рыжей шевелюрой. Она часто отпускала саркастические, не всегда пристойные замечания, однако администратор из нее получился толковый и сочувствующий. Хотя совет директоров особенно ценил ее за исключительное умение выбивать на нужды хосписа «добровольные пожертвования», Дэн не мог сказать, чтобы она вызывала у него симпатию, но уважение – безусловно.

– Я все вычищу. Разумеется, в свободное от работы время. Мне бы следовало поселиться прямо здесь. Чтобы всегда быть наготове.

– Скажи мне лучше вот что, Дэнни. Как выходит, что ты так хорошо справляешься с некоторыми своими обязанностями?

– Сам не знаю. – И это было наполовину правдой. Даже на семьдесят процентов. Он прожил с сиянием всю жизнь, но до сих пор не понимал до конца, что же это такое.

– Ладно, хлам хламом, но в башне летом жарко, как у дьявола на сковородке, а зимой так холодно, что отморозит яйца даже бронзовой обезьяне.

– Это тоже устранимо, – сказал Дэн.

– Вот только не надо мне тут ничего устранять. – Миссис Клаузен строго посмотрела на него поверх узких очков. – Если бы совет узнал, что я тут порой тебе позволяю, я бы, наверное, уже давно плела корзинки вместе с другими старушками из дома для престарелых в Нашуа, где стены розовые и все время крутят музыку Мантовани.

Она усмехнулась:

– Тоже мне, Доктор Сон выискался.

– Но я вовсе не доктор, – смиренно ответил Дэн, уже зная, что добьется своего. – Настоящий врач – Аззи. Я только ассистент.

– Азрил всего лишь *драный помоечный кот*, – сказала она. – Беспородный бродяга, случайно попавший к нам с улицы и пригретый гостями, большинство которых уже успели отправиться в мир, который по непонятным мне причинам называют лучшим. Эту животину интересуется исключительно регулярная кормежка.

Дэн не стал реагировать на ее слова. К чему? Они оба знали, что это не так.

– Мне казалось, у тебя вполне сносная комнатенка на Элиот-стрит. Паулина Робертсон вообще считает, что у тебя из задницы бьет луч солнечного света. Души в тебе не чает. Уж я-то знаю. Мы с ней вместе поем в церковном хоре.

– И какой же из псалмов ваш любимый? «До чего же охренительный чувак Иисус Христос»? – поинтересовался Дэн.

В ответ он удостоился того, что у Ребекки Клаузен сходило за улыбку.

– Ладно, черт с тобой. Разгребай грязь в засранной башне, если охота, и перебирайся туда. Проведи кабельное, поставь квадрофонию с усилителями и обзаведись мини-баром. Разве я могу возражать? Я же всего-навсего твой босс.

– Спасибо, миссис Кей!

– Да, и не забудь про обогреватель. Мой тебе совет: найди на дешевой распродаже какое-нибудь старье с хорошенько потрепанным шнуром и однажды в февральские морозы спали нашу богадельню к чертовой матери. Пусть построят в центре такую же жертву архитектурного аборта, какие стоят по бокам.

Дэн вытянулся по стойке «смирно» и приложил ладонь ко лбу.

– Будет исполнено, босс!

Она только махнула рукой.

– Выметайся отсюда, док, пока я не передумала.

8

Он и *в самом деле* поставил себе обогреватель, но с нормальным шнуром и даже с предохранителем, который отключал электрическую печку при перегрузке. Разумеется, ни о каком кондиционере в башне, считавшейся четвертым этажом, нельзя было даже мечтать, но пара вентиляторов из «Уолмарта», установленных перед распахнутыми окнами, создавали превосходный сквознячок. И хотя летом в его комнате все равно бывало жарковато, Дэн почти не заходил туда днем. А летние вечера в Нью-Гэмпшире душными не бывают.

Большинство из хранившихся там вещей действительно оказалось никому не нужным мусором, но школьную доску, которая стояла у одной из стен, он сохранил. Она, вероятно, пробыла здесь лет пятьдесят, если не больше, скрытая завалом из древних и уже не подлежащих ремонту инвалидных колясок. Доска оказалась ему весьма полезна. Дэн писал на ней имена пациентов хосписа и номера комнат, стирая тех, кто отдавал Богу душу, и прибавляя новоприбывших. Весной 2004 года на доске значилось тридцать две фамилии. Десять человек обитали в Ривингтоне-1, двенадцать – в Ривингтоне-2, тех самых уродливых кирпичных постройках, возведенных по обеим сторонам викторианского особняка знаменитой Хелен Ривингтон, которая когда-то жила здесь и сочиняла романы о бурной любви под экзотическим псевдонимом Жанетт Монпарс. Остальные пациенты разместились в комнатах на двух этажах под тесной, но удобной башенной обителью Дэна.

«А была ли миссис Ривингтон знаменита хоть чем-то еще помимо того, что кропала плохие романы?» – спросил как-то Дэн у Клодетты Албертсон, вскоре после того как его приняли на работу в хоспис. Они как раз сидели в курилке и предавались своей дурной привычке. Клодетта, жизнерадостная чернокожая медсестра с плечами как у левого защитника Национальной футбольной лиги, откинула голову и расхохоталась.

«Еще бы! Хотя бы тем, что оставила этому городишке обалденную кучу денег, милый! И свой дом в придачу. Она считала, что у стариков обязательно должно быть место, где они могут умереть достойно».

И в Ривингтоне большинство из них в самом деле имели такую возможность. Причем Дэн и его верный Аззи стали частью этого неумолимого процесса. Дэн даже решил, что нашел наконец свое призвание. Хоспис стал для него родным домом.

9

В то утро, когда у Абры был день рождения, Дэн встал с постели и увидел, что кто-то стер с его доски все фамилии. В самом центре крупными, но неровными печатными буквами было выведено всего одно слово:

ПРИВЕТ!:)

Дэн в одних трусах долго сидел на краю кровати и просто смотрел. Потом поднялся, протянул руку и дотронулся до букв, слегка смазав их, надеясь на сияние. Хотя бы на его проблеск. В итоге просто убрал руку и вытер мел с ладони о бедро.

– И тебе привет, – сказал он и добавил: – Тебя, случайно, не Аброй зовут?

Ничего. Дэн надел халат, взял полотенце, мыло и спустился вниз, в служебный душ. Вернувшись, он взял влажную губку и начал стирать слово. Но, не закончив, замер, потому что в голове вдруг

(папа обещал много воздушных шариков)

мелькнула чья-то мысль, и ему захотелось дождаться продолжения. Однако он его не дождался и закончил очищать доску, чтобы восстановить список фамилий и номеров комнат, сверяясь с полученной в понедельник справкой. Когда ближе к полудню он снова заглянул к себе, то был готов увидеть на доске еще один *nPИБЕТ!:*) , но там ничего не изменилось.

10

Праздник в честь дня рождения дочери Стоуны устроили у себя на заднем дворе – просторной зеленой лужайке с цветущими яблонями и кизилом. Вдоль дальней стороны лужайки тянулась высокая ограда из проволочной сетки с калиткой, запертой на кодовый замок. Она определенно портила вид, но ни Дэвиду, ни Люси не было до этого дела, потому что за ней текла на юго-восток река Сако, извивавшаяся через Фрейзер и Норс-Конвей и пересекавшая границу штата Мэн. Стоуны придерживались четкого принципа, что река не для малолетних детей, особенно весной, когда Сако становилась полноводной, бурной и несла комья слежавшегося снега вперемешку со льдом. Местная пресса каждый год сообщала по крайней мере об одном утопленнике в неделю.

У детишек хватало развлечений и на лужайке. Они осилили лишь одну организованную игру, недолго побегав цепочкой за лидером, но им доставляло удовольствие просто носиться (или даже кататься) по траве, карабкаться по игровой площадке Абры, ползать по «забавным туннелям», сооруженным Дэвидом с помощью еще двоих папаш, и гоняться за воздушными шариками, которые, казалось, заполонили собой двор. Все шары были желтыми (любимый цвет Абры), и их насчитывалось ровно шестьдесят. Подтвердить это мог Джон Долтон, надувавший их вместе с Люси и ее бабушкой. Для женщины, которой перевалило за восемьдесят, Четта обладала поистине могучими легкими.

Считая саму Абру, на праздник собралось девять малышей, а поскольку каждый прибыл в сопровождении хотя бы одного из родителей, взрослого присмотра за ними оказалось с лихвой. На заднем крыльце дома выставили шезлонги, и Джон наблюдал за детскими развлечениями, сидя рядом с Кончеттой, которая по такому случаю облачилась в дизайнерские джинсы и свою любимую толстовку с надписью «ЛУЧШАЯ ПРАБАБУШКА В МИРЕ». При этом она с аппетитом уплетала огромный кусок праздничного торта, тогда как сам Джон, за зиму слегка располневший, ограничил себя небольшой порцией клубничного мороженого.

– Не представляю, как вы справляетесь с таким количеством, – заметил он, кивая на быстро пустеющую бумажную тарелку с тортом. – И сохраняете такую фигуру.

– Вы правы, саго, я действительно превратилась в бездонную бочку. – Она посмотрела на резвящихся детей и глубоко вздохнула. – Как жаль, что эту радость не может разделить моя дочь. Мне мало о чем приходится сожалеть в этой жизни, но она – моя незаживающая рана.

Джон сразу решил, что не стоит продолжать этот разговор. Мать Люси погибла в автокатастрофе, когда сама Люси была младше, чем Абра сейчас. Ему это стало известно из фрагментов семейной истории, которой по крупицам делились с ним члены семьи Стоун.

Но Четта сама сменила тему:

– Знаете, что мне особенно нравится, когда они в таком возрасте?

– Нет. – Самому Джону нравились дети всех возрастов... пока им не исполнялось четырнадцать. После этого гиперактивные железы превращали их на следующие пять лет в совершенно невыносимые создания.

– Вы только посмотрите на них, Джонни. Это же детская версия «Мирного царства» Эдварда Хикса. Здесь шестеро белых ребятишек – оно и понятно, если учесть, что мы находимся в Нью-Гэмпшире, – но есть и двое чернокожих, а еще эта корейская красавица, которой в пору уже сейчас начинать карьеру фотомодели в каталогах детской одежды Ханны Андерсон. Знаете песенку, которую исполняют в воскресных школах? «Черный и белый, желтый и красный – все они в Божьих глазах прекрасны»? Эта картина перед нами. Прошло уже два часа, но не было ни малейшего намека на ссору или тем более драку.

Джону на своем веку не раз доводилось видеть малышей, которые били и толкали друг друга, щипали и даже кусали, и потому он улыбнулся, цинично и грустно.

– Трудно было бы ожидать иного. Они все ходят в «Круг маленьких друзей» – лучший детский сад города, за который платят весьма приличные деньги. А это означает, что их родители принадлежат к верхнему слою среднего класса, имеют высшее образование и в жизни всегда следуют принципу «живи и дай жить другим». Эти детишки – что домашние социальные животные.

На этом Джон остановился, поскольку его собеседница нахмурилась. А ведь он мог бы добавить, что примерно до семи лет, когда наступает так называемый разумный возраст, дети, подобно губкам, впитывают все, что их окружает. Если они растут в окружении благоразумных взрослых, которые со всеми ладят и никогда не повышают друг на друга голос, то становятся такими же. Но в более грубой среде... Увы!

Нет, двадцать лет врачевания малолетних (не говоря уже о воспитании двух собственных чад, которые теперь ходили в хорошую начальную школу) не разрушили полностью тех романтических настроений, которые подвигли его выбрать специальность педиатра, но, несомненно, умилили их. Возможно, каждый ребенок действительно являлся в наш мир, окруженный облаком славы, как писал Вордсворт, но при этом пачкал себе штанишки, пока не начинал немного соображать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.